

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 7, 2022

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2022

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Шустова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Белавин
Андрей Михайлович* доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забияко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Подюков Иван Алексеевич</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

№ 7, 2022

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Shustova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryantovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

<i>Ivashkevich Irina Nikolaevna</i>	Ph.D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
<i>Krylasova Natalya Borisovna</i>	Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher (Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
<i>Kosteva Viktoria Mikhailovna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
<i>Maroshi Valerii Vladimirovitch</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
<i>Podyukov Ivan Alekseevich</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)
<i>Stepanov Valery Leonidovich</i>	Grand Ph.D. (History), Professor (Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
<i>Türk Attila</i>	Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic University named after Peter Pazman)
<i>Shipova Irina Alekseevna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
<i>Nagzibekova Mehrinniso Bozorovna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
<i>Yushkova Lyudmila Anatolyevna</i>	Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 7–24.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 7. P. 7-24.

Научная статья

УДК 93:398.3(=511.1)

doi: 10.24412/2713-0231-2022-7-7-24

ОБ ОБЫЧАЯХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЖИВОТНЫХ У КОМИ-ПЕРМЯКОВ В ПУБЛИКАЦИЯХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Татьяна Геннадьевна Голева^{1,2}

¹ Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия

² Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Россия, golevat@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сведения и материалы о жертвенных обычаях коми-пермяков, опубликованные в разных изданиях середины XIX – начала XX в. В указанный период народная традиция еще сохранялась, поэтому анализируемые тексты ценны, прежде всего, как источники об обрядовой жизни народа и его мировоззрении. Тема жертвоприношений была актуальна среди авторов, и информация о них стала достаточно распространенной и доступной для читающей аудитории начала XX в. Об этом свидетельствует число публикаций, виды и места их изданий. Многочисленность опубликованных текстов дает повод задуматься об оригинальности приводимых данных. В связи с этим важно рассмотрение источников получения информации. Биографические сведения и анализ текстов свидетельствуют о том, что многие авторы могли видеть народные обряды и использовать устные сообщения, а часть их – дублировали опубликованные материалы своих современников. Рассматриваемые материалы дают богатую информацию о распространении народной традиции и обрядовых особенностях, хотя не всегда достаточно подробную. При сопоставлении фактов некоторые из них противоречат друг другу, поэтому они требуют уточнения. Часть текстов демонстрируют первые попытки научного изучения традиции кровавых жертвоприношений у коми-пермяков. Историографическое рассмотрение публикаций позволяет выделить разные способы описаний и наиболее методичные их версии, определить варианты объяснения происхождения обрядов, а также показывает стремление авторов отразить исторические сведения. Ряд авторов в своих работах выражают собственное отношение к актам кровавых жертвоприношений. Если для ученого мира традиция представляет важность как этнографический факт, то для части интеллигенции и духовенства она становится поводом для критики и пожеланий духовного просвещения народа.

Ключевые слова: коми-пермяки, народные традиции, жертвоприношение животных, опубликованные источники, историография.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2.

Для цитирования: Голева Т.Г. Об обычаях жертвоприношения животных у коми-пермяков в публикациях XIX – начала XX века // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 7–24. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-7-24>

Original article

ABOUT THE CUSTOMS OF ANIMAL SACRIFICE AMONG THE KOMI-PERMIANS IN PUBLICATIONS OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Tatiana G. Goleva^{1,2}

¹ Perm Federal Research Center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

² Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia, golevat@yandex.ru

Abstract. Information about the sacrificial customs of the Komi-Permian people published in various editions of the mid-XIX – early XX century are considered in this article. The folk tradition was alive during this period, so first of all the analyzed texts are valuable as sources of information about rituals and the worldview of the people. The topic of sacrifices was relevant among the authors, and information about them became accessible to the reading audience of the early XX century. The large number of published texts gives reason to think about the originality of the data presented. Biographical information and text analysis indicates that many authors saw folk rituals and used oral messages; and some of them duplicated the published materials of their contemporaries. The materials provide rich information about the spread of folk tradition and ritual features, although not detailed enough. Some facts contradict each other, they require clarification. Some texts are the first attempts to scientifically study of the bloody sacrifices tradition among the Komi-Permyaks. Historiographic review of publications makes it possible to identify different ways of descriptions and their most methodical versions, to determine options for explaining the origin of rites, shows the desire of the authors to reflect historical information. A number of authors express their own attitude to the acts of bloody sacrifice. Tradition is important as an ethnographic fact for the scientific world, and it becomes an occasion for criticism and wishes for the spiritual education of the people for a part of the intelligentsia and the clergy.

Keywords: Komi-Permian people, folk traditions, animal sacrifice, published sources, historiography.

Funding: The study was carried out within the framework of the state task; the number of the state registration of the topic AAAA19-119032590066-2.

For citation: Goleva T.G. About the customs of animal sacrifice among the Komi-Permians in publications of the XIX – early XX century. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;7:7-24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-7-24>

Введение

Обычаи жертвоприношений животных были типичной ритуальной практикой еще в начале XX в., но к концу столетия утратили свою значимость в духовной жизни коми-пермяков. В народной памяти о них остались малосодержательные сведения. В советские годы данная тема изучалась мало, в частности, ее касались А.В. Шмидт и В.Н. Белицер [Шмидт 1932: 39–40, Белицер 1958: 325–326]. Архивные документы по этой теме встречаются редко, но есть серия фотографий, посвященная обряду одного населенного пункта [Голева 2021]. Вследствие этого опубликованные материалы XIX – начала XX в. являются основными источниками по данной теме. Цель настоящего исследования – комплексный анализ дореволюционных публикаций о жертвоприношениях коми-пермяков как этнографическом источнике и определение степени изученности темы в указанный период. В статье рассматриваются известные на данный момент изданные тексты, в которых в разной степени затрагивается тема приношения кровавых жертв коми-пермяками в XIX – начале XX вв.

Основная часть

Виды публикаций, время и место издания. Сведения о жертвоприношениях коми-пермяков встречаются в разных видах публикаций – это краткие заметки, сообщения, очерки, публицистические и научные статьи, монографии, словарь, посвященные истории и культуре народа, религиозным явлениям, географии Пермской губернии. В одних информация ограничивается несколькими предложениями, в других – это пара абзацев или полный текст статьи. Всего обнаружены тексты более двадцати авторов. Основная их часть напечатана в периодических изданиях. Пять авторов посвятили данной теме отдельные статьи [Малахов 1988а; Сабуров 1899б; Михайлов 1898; Шестаков 1909; Гусев 1911а], что выделяет жертвенные обряды среди остальных традиций народа, которым в изучаемый

период не уделялось такого внимания. Интерес к данной теме в конце XIX – начале XX в. можно объяснить фиксациями подобных обычаев среди народов России и ее востребованностью в научных кругах (например, см.: [Срезневский 1856: 73–88; Афанасьев 1868: 249–276; Смирнов 1889; Зеленин 1906 и др.]).

Рассматриваемые тексты были напечатаны с 1860 по 1914 г. За 1860–1870-е гг. – в трех изданиях, за 1880–1890-е гг. – в девяти, за 1900–1914 гг. – более пятнадцати. Отмечается постепенное увеличение интереса к данной теме. Местом издания публикаций были разные города России: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Архангельск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Вятка, но большая их часть вышла в г. Перми. О коми-пермяцкой традиции повествуется и в парижском издании [Rabot 1894: 113–114]. Следует также отметить, что тексты некоторых авторов переиздавались или их отрывки перепечатывались в отдельных заметках. Например, очерк К.Ф. Жакова 1903 г. был включен в книгу Я. Камасинского (псевдоним И.Я. Шестакова) «Около Камы» [Жаков 1906: 89–110], а краткие выдержки из него перепечатаны в Адрес-календаре Пермской губернии на 1907 г. [Из пермской этнографии 1907: 6]. И.Н. Кривошеков сведения о жертвенных обычаях включал в публикацию 1911 г., в более подробной версии они даны в словаре 1914 г. [Кривошеков 1911: 95–96, 100; Кривошеков 1914: 91, 225–226, 311]. Большое число публикаций материалов способствовало, с одной стороны, распространению информации в обществе, с другой стороны, появлению интереса к теме у новых авторов.

Авторы и их источники информации. Авторы опубликованных материалов условно можно подразделить на три категории. К первой относятся представители духовенства, которые непосредственно наблюдали народные традиции [С.М.А. 1889: 228], либо получали сведения от священников с целью изучения народных религиозных обычаев и истории храмов [Сведения об инородцах... 1874: 387]. Например, священник Ипполит Словцов занимался сбором информации по истории и статистике церквей Соликамского уезда с 1850-х гг. [Словцов 1876: 48–49; Библиографический указатель 1902: 32–33]. Священник А. Крупкин пишет, что неоднократно был свидетелем приношения бараньих голов и лопаток в часовни. Он сам общался с кочинскими крестьянами [Крупкин 1911: 306], но в его тексте об обряде данной деревни (ныне с. Большая Коча) встречается много сходств с описанием В.М. Яновича, чьи очерки вышли ранее. Где именно автор мог увидеть подношение баранины, выяснить не удалось. По нашим разысканиям, Александр Крупкин с 1900 по 1908 гг. служил псаломщиком в с. Верх-Кондас Соликамского уезда, с. Шакшер Чердынского уезда и дьяконом на станции Бисер Пермской железной дороги [Перемены по службе 1900: 406; Перемены по службе 1902: 469; Адрес-календарь 1909: 67].

Особо среди авторов из среды духовенства следует выделить Иакова (Якова) Васильевича Шестакова. Сведения о жертвоприношениях встречаются в нескольких его работах с 1896 по 1912 гг. В 1880-х гг. И.В. Шестаков преподавал в Юксеевском училище, к приходу которого относилась часовня в д. Коче, где ежегодно проходил обряд забоя быков в честь св. Флора и Лавра. С 1891 по 1899 г. Иаков Васильевич служил священником и благочинным 3-го округа церковью Соликамского уезда в с. Кудымкаре. В дальнейшем проживал в разных местах, но продолжал активную деятельность по просвещению коми-пермяков [Игнатъев 1918: 3–8; Мельчакова 2009: 1–7]. В своих публикациях он никогда не упоминал о непосредственном наблюдении за обрядами жертвоприношения, но, скорее всего, был очевидцем подобных обычаев. Его опубликованные материалы свидетельствуют, что он собирал данные о народной традиции, интересовался динамикой числа приносимых в жертву животных в д. Коче.

Ко второй группе авторов относятся представители местной интеллигенции – педагоги, служащие, корреспонденты газет, интересовавшиеся обычаями населения, часть из которых внесли значительный вклад в изучение коми-пермяцких традиций, истории и географии Пермской губернии.

Материалы Николая Абрамовича Рогова, скорее всего, относятся к периоду его службы лесничим на Иньвенской даче Строгановых – 1846–1856 гг. [Город на Иньве 1997: 96], а Всеволода Мефодьевича Янович – его службы земским начальником 8 участка Соликамского уезда с сентября 1893 г. до издания его очерка в 1903 г. [Поспелов 2016]. В.М. Янович как очевидец описывает празднование дня св. Флора и Лавра в д. Бутылевой. Предположительно он мог наблюдать также приношение в часовни частей заколотых животных в летние праздники. Думаем, что автор не посещал обряд жертвоприношения в д. Коче, которому посвящает основное свое внимание, так как в его тексте нет указаний на это. Вероятно, он получил информацию из предшествующих публикаций и устных сообщений. Картограф и географ Иван Яковлевич Кривошеков работал лесничим в имении Строгановых, был из семьи коми-пермяков. В 1910 г. он посетил многие населенные пункты Чердынского уезда, среди них и те, о жертвенных обычаях которых он пишет. Помимо своих наблюдений он использует сообщения местных жителей и опубликованные данные, на которые ссылается в своем словаре. Автором статьи, изданной Казанским университетом в 1898 г., предположительно, был Аполлон Тимофеевич Михайлов. Он известен как журналист разных изданий Пермской губернии и других регионов. В начале своей профессиональной карьеры работал учителем в Чердынском уезде, по одной из версий являлся уроженцем Гайнской волости [Лунегов 1967: 2; Журналисты... 1982: 23; Михайлов... 2017]. Возможно, в период преподавательской деятельности он посетил Кочу и наблюдал за жертвенным обрядом. От лица очевидца написаны также статьи В. Сабуровым и небольшая заметка корреспондента газеты «Пермская земская неделя». Сведений об авторах обнаружить не удалось, но по характеру и содержанию текстов их можно отнести к категории местной интеллигенции [Сабуров 1899а; Дер. Сеполь 1908: 34]. К той же группе мы причисляем Николая Николаевича Гусева, литературоведа, который с 1909 по 1911 г. находился в ссылке в с. Корепино Чердынского уезда [Гусев Николай Николаевич...]. Именно в этот период была написана его газетная заметка о жертвоприношениях коми-пермяков. Н.Н. Гусев не посещал обряд, о котором пишет [Светлаков, Светлакова 1963: 2]. Отдельные фразы и содержание его заметки дают основание полагать, что он использовал статью Я.В. Шестакова 1909 г. Василий Яковлевич Струминский, преподаватель Пермской духовной семинарии, при описании жертвенных обрядов коми-пермяков повторяет слова И.Н. Смирнова, В.М. Яновича и Н.Д. Добротворского [Струминский, 1904: 482–484], а неизвестный автор (-ский), писавший об инородцах Пермской губернии в 1912 г., опирается на работу М.В. Малахова [Инородцы... 1912: 25–28].

Подробное описание жертвенного ритуала в Ильин день приводит Николай Александрович Добротворский [Добротворский 1883: 579]. Эти сведения использовались в качестве примера об обычаях «пермяков» Вятской губернии в исследованиях конца XIX в. [Смирнов 1891а] и традиций коми-пермяков – в научных трудах рубежа XX–XXI вв. [Конаков 1999: 163–165; Климов, Чагин 2005: 184–185; 195]. Н.А. Добротворский писал о пермяках Орловского уезда Вятской губернии, где находился в ссылке в начале 1880-х гг. [Поздеев 2010: 52]. Территория расселения данной группы значительно отдалена от современных границ Коми-Пермяцкого округа. В XX в. часть территории Орловского уезда с комязычным населением была присоединена к Коми автономной области [Бойко 2018: 24]. Вследствие территориальной отдаленности и культурных различий пермяков Орловского уезда в настоящей статье текст Н.А. Добротворского не рассматривается как источник о традициях коми-пермяков.

Большинство авторов второй группы жили среди или вблизи коми-пермяков, имели возможность общаться с ними и увидеть жертвенные обычаи своими глазами; лишь некоторые использовали опубликованные материалы.

Третью группу авторов составляют исследователи, ученые, интересовавшиеся изучением отдельных этнографических тем, большинство из них не проживало на территории Пермской губернии.

Михаил Викторович Малахов был уроженцем Екатеринбурга, известен как археолог и публицист. Он первым описал обряд в д. Коче. М.В. Малахов посещал Чердынский уезд Пермской губернии в 1880 и 1881 гг. в рамках экспедиций по изучению археологических памятников Урала как член-сотрудник Русского географического общества и два года подряд следил за проведением жертвенного ритуала [Поездка члена-сотрудника... 1882: 38; Формозов 1991: 172–174]. Помимо публикации посмертных записок об обряде коми-пермяков [Малахов 1888a], его материалы, по нашему мнению, приводятся в книге «Живописная Россия» [Живописная Россия 1901: 51–52], в тексте которой указано, что автору удавалось два года подряд наблюдать за жертвоприношением. М.В. Малахов принимал участие в подготовке нескольких очерков тома, но автором раздела, посвященного населению Уральской области, значится С.Ф. Свободин.

Большое внимание коми-пермяцким жертвенным обрядам уделил профессор Казанского университета Иван Николаевич Смирнов в своем труде 1891 г. Он проводил экспедиционные исследования на территории Пермской губернии три года подряд: 1888–1890 гг. [Ивановская, Мишурина 2011], мог быть свидетелем некоторых обычаев, использовал устные сообщения и опубликованные материалы.

Краткие сведения о коми-пермяцких жертвенных обычаях содержатся в работах коми ученых Каллистрата Фалалеевича Жакова [Жаков 1903: 416] и Василия Петровича Налимова [Налимов 1912: 185]. К.Ф. Жаков изучал быт коми-пермяков в течение двух весенних месяцев 1902 г. [Жакова 1902: 1; Шабаев, Жеребцов 2015: 149]. Упомянутые им жертвенные обычаи не были приурочены к весенним праздникам. Очевидно, он использовал сообщения местных жителей. В.П. Налимов собирал этнографические сведения о коми-пермяках в 1907 г. два с половиной месяца в Соликамском уезде Пермской губернии [Терюков 2011: 324]. Скорее всего, он тоже использовал устные источники и известные к тому времени описания в литературе.

Сведения о жертвоприношении быков в день Флора и Лавра приводятся в трудах русских этнографов Н.А. Александрова, С.В. Максимова, Д.К. Зеленина и французского географа Шарля Рабо [Александров 1900: 46–47; Максимов 1903: 453; Зеленин 1906: 29]. Все они опираются на опубликованные ранее материалы. С.В. Максимов цитирует текст из газеты «Уральская жизнь», в которой в краткой форме изложено ранее изданное в Пермских ведомостях описание В. Сабурова [Уральские вести 1900: 2], а Д.К. Зеленин ссылается на С.В. Максимова. Ш. Рабо посетил несколько коми-пермяцких деревень в июле 1890 г., но краткосрочное пребывание не позволило ему стать свидетелем подобных народных обычаев, поэтому в своей книге он пересказывает статью М.В. Малахова [Rabot 1894: 105, 109, 114].

Отметим, что некоторые из авторов владели или знали коми язык (Н.А. Рогов, И.В. Шестаков, И.Я. Кривошеков, К.Ф. Жаков, В.П. Налимов), они могли использовать его для получения информации от местного населения.

Фактические данные об обычаях жертвоприношения в публикациях. Для анализа фактических данных ценность представляют, несомненно, те публикации, в которых даются наблюдения авторов и полученные ими сведения из устных источников. Данные работы позволяют составить общую картину распространения традиции на территории расселения коми-пермяков, так как в них указываются места и даты совершения ритуалов [Словцов 1876: 48–49; Опыт описания... 1896: 119; Шестаков 1899: 2; Жаков 1903: 416; Кривошеков 1914: 311, 225]. Специально этим вопросом занимался И.Н. Смирнов, поэтому в его труде можно найти перечисления нескольких деревень [Смирнов 1891a: 252], при этом отдельные названные им пункты требуют уточнения, так как в указанных волостях они не числились: д. Сия находилась не в Гайнской, а в Косинской волости, д. Новинская в Кочевской и других соседних волостях нами не была обнаружена. Называя конкретные населенные пункты, И.Н. Смирнов вместе с тем отмечает, что в каждом приходе имеется по несколько часовен, «в которые приносятся живые или заколотые телята, поросята, бараны, курицы», то есть указывает на широкую распространенность обычая [Смирнов 1891a: 252]. Датой совершения

ритуала в ряде мест исследователь называет Рождество. Приуроченность обряда к этому празднику была отмечена еще Г.Н. Чагиным в одной из деревень [Чагин 2013: 96], но для других населенных пунктов пока не подтверждается дополнительными источниками. Так, по данным И.Я. Кривошекова, в д. Лупью баранов приводили в часовню не на Рождество, а в престольный праздник Ильин день, а затем все перенесли в с. Гайны и приурочили обряд ко дню Крещения Господня [Кривошеков 1914: 91]. Информация И.Н. Смирнова о рождественских ритуалах требует дополнительных изысканий и подтверждений.

Авторы называют виды животных, приносимые в жертву. При обобщении данных материалов становится очевидным, что они отличались в разные календарные даты, в некоторых случаях это связано с представлениями о покровительстве святых конкретному животному: Мария Голендуха – курам, св. Василий – свиньям, св. Власий – коровам, св. Петр и Павел, св. Илья – овцам и баранам. Св. Флор и Лавр считались покровителями лошадей, в этот день в жертву приносился крупный и мелкий рогатый скот. Приурочивали обряды еще к Крещению, промежговению и другим датам, крупный рогатый скот резали на новоселье [Смирнов 1891а: 253], «мелких животных» (петухов, собак и т.п.) – при строительстве мельниц [Смирнов 1891б: 62; Крупкин 1911: 302]. Несколько противоречивые сведения даются авторами о жертвуемых животных в д. Коче. Так, М.В. Малахов пишет, что в Кочу приводили трехлетнего «чистого» бычка [Малахов 1888: 85], А. Михайлов – «быков в возрасте от 2 до 5 лет» [Михайлов 1898: 442], И.Н. Смирнов – скотину, которая была перед этим больна и обещана Богу, в том числе коров [Смирнов 1891а: 251], В.М. Янович – «быков и множество баранов» [Янович 1903: 126]. Это может свидетельствовать либо о неточности приводимых версий, либо о разных семейных обычаях и локальных вариантах представлений о жертвенном животном.

Многие авторы сообщают о количестве приносимого в жертву мяса или числе приведенных животных. Например, А. Крупкин характеризует увиденное в часовнях такими словами: «громадное количество бараньих голов и “лопатоков”», «мясная гора» [Крупкин 1911: 306]. И.Я. Кривошеков пишет о ежегодном жертвовании 6-10 и более баранов в с. Гайны [Кривошеков 1914: 311]. Во многих работах приводятся сведения о числе жертвуемых быков в д. Коче, но более ценными и надежными среди них являются данные очевидцев обряда и сведения, приводимые И.В. Шестаковым. Благодаря им можно назвать следующие цифры: в 1880 г. принесено в жертву 22 головы, 1894 – 47, 1895 – 53, 1896 – 59, 1897 – 69, 1898 – 75, 1899(?) – до 20, 1908 – 48, 1909 – 35, 1910 – 25, 1911 – 1 [Малахов 1888а: 96; Сабуров 1899б: 2; Шестаков 1899: 2; Шестаков 1912: 4]. По-видимому, в 1870-х – начале 1880-х гг. число жертвуемых животных не превышало 25 голов [Живописная Россия 1901: 51], значительный рост отмечается уже в 1890-е гг.

Авторы пишут о широкой известности среди народа отдельных мест жертвоприношения и участия в их обрядах населения соседних волостей и уездов, но точных цифр о посещении не дают [Смирнов 1891а: 351; Иногородцы... 1912: 27; Кривошеков 1914: 225, 311]. Описания обряда в д. Коче содержат информацию о роли духовных и административных лиц, сельского старосты, назначении среди участников «поваров», что позволяет судить об особенностях организации народного праздника в конце XIX в. [Малахов 1888а: 89–90; Михайлов 1898: 443; Сабуров 1899б: 2]. В работах можно найти разночтения в указании лиц, совершающих акт заклания животных в д. Коче. В.М. Янович отмечает, что скот колют «особо приставленные лица» [Янович 1903: 126], тогда как другие авторы пишут, что это действие совершают хозяева животного и те, кто дал обет; лишь при снятии шкуры хозяин приглашал кого-нибудь «на помощь из толпы, обещая дать часть из жертвенной туши» [Малахов 1888а: 92]. Возможно, особо приставленные лица бывали в тех случаях, когда в жертву приносились единицы, а не десятки животных.

Во многих публикациях обращается внимание на распределение мяса жертвуемого животного [Словцов 1876: 48–49; Шестаков 1909: 35 и др.], причем в разных местах отмечается общий обычай отдавать часть его духовенству и нищим [Рогов 1860: 30;

Сведения об инородцах... 1874: 394 и др.], шкуру продавать в пользу часовни [Кривошеков 1914: 311; Малахов 1888а: 92]. Сакральными частями животных, по-видимому, считались головы и лопатки, которые обычно приносили в часовни или оставляли в пользу храма во время заклания [Рогов 1960: 30; Смирнов 1891а: 251 и др.]. А. Михайлов пишет, что излишки мяса в д. Коче раздавалась за денежное пожертвование в пользу церкви [Михайлов 1898: 443]; В.М. Янович – что священники засаливали мясо после праздника, затем продавали его, а более состоятельные крестьяне вместо кровавой жертвы давали церкви деньги [Янович 1903: 125–126].

Важной информацией для изучения жертвенных обычаев является последовательное описание действий участников, которое позволяет объединить их в обрядовый комплекс, дает представление о степени сопричастности присутствующих в разных церемониях и о связи акта заклания животных с проводимыми церковными ритуалами. Такой характер имеют публикации М.В. Малахова, А. Михайлова, В. Сабурова и Я.В. Шестакова, посвященные празднованию дня Флора и Лавра в д. Коче, а также материалы священника Ошибского прихода о проведении ритуала в домашних условиях. Каждый из авторов обращает внимание еще на дополнительные детали, которые позволяют передать общую атмосферу события, «ритм» обряда, отразить привычность действий для участников. Так, М.В. Малахов приводит реплики крестьян; А. Михайлов «обрисовывает» путь людей к жертвенному месту, называет примерные цифры дохода церкви в праздничный день; В. Сабуров обращает внимание на вид деревни, товар торговцев и др.

В ряде публикаций приводятся услышанные авторами народные поверья, связанные с жертвоприношением. М.В. Малахов пишет о том, что жертва приносится в случае болезни животного и должна обеспечить здоровье скота в крестьянском хозяйстве [Малахов 1888а: 85], В.М. Янович называет ритуал превентивной мерой [Янович 1903: 125]. При описании обряда в Коче упоминаются: легенда о лосе или олене, которые в прошлом сами выходили из лесу для заклания, а затем были заменены быками [Михайлов 1898: 443; Шестаков 1911: 1; Кривошеков 1914: 225]; рассказ о том, что жертвенный бычок сам бежал на место забоя без принуждения хлыстом [Смирнов 1891а: 252]; высказывания, будто «Фрол кровь любит» и чем дольше мучится животное во время заклания, тем оно более приятно Богу [Михайлов 1898: 442; Шестаков 1909: 34], и наоборот, если бык не сразу колется, то жертва недостаточно угодна Богу [Малахов 1888а: 92]. Отмечается вера в священные свойства жертвенного мяса, которое в хозяйстве употребляется как средство от скотских болезней [Сабуров 1899б: 2; Крупкин 1911: 306, Янович 1903: 126], а ритуальная трапеза с его вкушением считается способом «кормления» святых [Дер. Сеполь 1908: 34].

Авторы обращают внимание на такие обычаи, как мыться в бане накануне ритуала, а в день его совершения одевать чистую одежду [Шестаков 1909: 34]; хозяину быка следовать к месту жертвоприношения с непокрытой головой [Малахов 1888а: 88]; заставлять животное «проделывать в сторону часовни нечто вроде поклона», для чего «ему пригибают передние ноги», либо «заставляют хоть прикоснуться рогами к воротам ограды часовни» [Михайлов 1888: 442]; держать тушки жертвенных птиц в часовне над головой, а баранов перед закланием пускать побегать в часовню [Смирнов 1891а: 252]; благословлять жертву и жертвенную трапезу колокольным звоном, который одновременно служит знаком начала отдельных частей обряда [Малахов 1888а: 90; Сабуров 1899б: 2]. Подобных примеров немного, но они позволяют судить о том, что в народной традиции существовал комплекс представлений о знаковых явлениях и особый порядок осуществления акта жертвоприношения.

Ни в одном из описаний не называются связанные с обрядом коми-пермяцкие термины; приводятся только русскоязычные выражения, такие, как «быкобой», «так Бог велел, так по старому закону» [Малахов 1888а: 88, 92], «пустить ее <скотину> на мир» [С.М.А. 1889: 228]. И.Н. Смирнов отмечает, что выражения обещать животное «попам» или «на мир» «варьируются, смотря по степени приближения хозяина к христианским понятиям о боге»

[Смирнов 1891а: 253]. Наличие коми-пермяцких терминов и цитат дало бы более ясную картину о народных верованиях и отношении их к ритуалам, тогда как приведенные русские формулировки не обязательно являются точной народной версией определения и объяснения ритуала.

Кроме корреспондента, описывающего обычаи д. Сеполь, никто из авторов не обращает внимания на действия с оставшимися от трапезы костями, что в обрядностях других народов часто является важным ритуальным актом (см., например: [Малахов 1888б: 84; Конкка 2015: 12; Садиков 2017: 589, 590]). В д. Сеполь кости бросали на пол часовни, а затем их убирал староста [Дер. Сеполь 1908: 34]. Возможно, отсутствие свидетельств указывает на неритуальный характер действий с костными останками. В публикациях не конкретизируется, как часто отдельные семьи приносили кровавую жертву. Авторы не задаются вопросом о том, почему быков приводили чаще в Кочу, тогда как день Флора и Лавра с обрядом жертвоприношения коми-пермяки праздновали и в других часовнях, например, И.Н. Смирнов пишет, что такой же обычай был известен в Юрлинской волости и д. Панино Гайнской волости [Смирнов 1891а: 252]. Все авторы, кроме единственного исключения, пишут о том, что можно было наблюдать в пространстве общественной среды, а имелись ли особые обстоятельства и ритуалы при приношении жертвы в домашнем, семейном кругу – остается неизвестно.

Опыт изучения проблемы в дореволюционный период. Рассматриваемые публикации отличаются по способу подачи материалов. Часть авторов не выделяет обычаи жертвоприношения как особую проблему, а лишь приводит факты их наличия при описании праздников, церковных обычаев и способов народного почитания святых. Данный вариант характерен для публикаций 1860-1870-х гг. и некоторых более поздних работ [Опыт описания... 1896: 119; С.М.А. 1889: 228]. М.В. Малахов и последующие авторы в большинстве уже преподносят обычаи жертвоприношения как специфический вопрос для обсуждения или яркий пример народных верований. В духовной среде они определяются как проблема, требующая принятия мер для просвещения народа [Доклад... 1910: 471; Шестаков 1899: 2; Шестаков 1911: 3], а авторами, презентующими быт коми-пермяков, как одна из этнических традиций, привлекающая внимание своей необычностью.

Особое значение среди всех публикаций имеют работы, написанные в жанре репортажа с места событий [Сабуров 1999а; Михайлов 1898] или близкие к мемуарному [Малахов 1888а], в которых последовательно передается все увиденное авторами. Важно, что они осознанно описывают отдельные моменты происходящего. Текст М.В. Малахова отличается от остальных не только формой повествования, но и наличием методичных обзоров мест проведения ритуалов, содержащих их размеры, указание на расположение, а также подробную характеристику часовенных образов. Интерес автора к этим деталям обусловлен его археологическими разысканиями и задачей сопоставления древних памятников с местом осуществления сохранившейся обрядности. М.В. Малаховым были обозначены важные составляющие праздничного события, которым в последующем уделяют внимание и другие авторы.

Своеобразным можно назвать включение информации о жертвенных обычаях в описания населенных пунктов И.Я. Кривошековым. В таком контексте они представляются как локальные традиции, связанные с историей и бытом отдельной местности. И.Я. Кривошеков не только дает краткое описание обычаев, но также прослеживает изменения мест и дат, обстоятельств проведения ритуалов в Гайнской волости и в д. Коче в течение нескольких десятилетий [Кривошеков 1914: 91, 226].

Исторические данные имеются и в других публикациях. Так, И. Слозцов упоминает о том, что после разрушения часовни в 1852 г. в с. Архангельском традиция приносить бараньи головы в честь св. Ильи не прекратилась, а была перенесена в церковь [Слозцов 1876: 48]. Многие пишут о фактах преследования и запрета проведения жертвоприношения, а также обрядовых скачек в д. Коче во второй половине XIX – начале XX в. [Смирнов 1891а:

251; Михайлов 1898: 444; Жаков 1903: 416; Крупкин 1911: 306], при этом никаких подробностей о годах, форме объявления и способе контроля над запретом не называется. К историческим фактам также можно отнести сообщение И.В. Шестакова о прекращении приносить бараньи головы в храм Пешнигорта после открытия там женской обители [Шестаков 1911: 3] и приводимые им статистические сведения о числе жертвуемых животных в д. Коче.

В большинстве текстов, начиная с конца 1880-х гг., затрагивается вопрос о происхождении обычаев жертвоприношения. Почти все авторы единодушны во мнении о том, что эта традиция сохранилась у народа с языческих времен [Малахов 1888а: 85; Михайлов 1898: 441; Сабуров 1899б: 2; Кривошеков 1914: 91]. Лишь В.П. Налимов предлагает иное объяснение. По его мнению, у пермяков и зырян нет божеств, требующих в жертву живых, нуждающихся в пище и одновременно являющихся покровителями животных, поэтому он считает эту традицию «пережитком общественных угощений» [Налимов 1912: 185]. В анализируемых публикациях не встречается версия о привнесении жертвенных ритуалов служителями церкви, лишь отмечается активное участие в их проведении духовенства и отсутствие с их стороны каких-либо мер по противодействию данным обычаям [Михайлов 1898: 444; Янович 1903: 125]. При этом И.В. Шестаков в своей статье пишет о существовании подобного предания и опровергает правдивость данного объяснения, называя его поздним толкованием. При описании ритуальных актов он указывает на их сходство с обрядами пермяков-язычников времен Стефана Пермского, ссылаясь на Епифания [Шестаков 1909: 33]. Сохранение традиции до начала XX в. просветитель объясняет «исторической поспешностью», допущенной во время крещения народа: «Прикамские инородцы поспешно были крещены, но не просвещены христианским учением» [Шестаков: 1912: 4].

Более основательно истоки традиции и другие вопросы о жертвенных ритуалах «пермяков» были рассмотрены И.Н. Смирновым. Ученый отмечает территориальные различия в традициях жертвоприношения у коми-пермяков. Он использует сравнительный анализ, сопоставляя жертвенные обычаи народа с традициями зырян, пермяков Орловского уезда Пермской губернии, вотяков, а также остяков и вогулов, и обнаруживает сходства в приуроченности ритуалов к важным периодам хозяйственной деятельности и общественной жизни [Смирнов 1891а: 254–259]. И.Н. Смирнов обращается к письменным источникам о языческих верованиях и обрядах народа (Житие Стефана Пермского), устным историческим преданиям о жизни древних «Чудаков» и фактам постройки часовен на месте языческих требищ. Обобщение сведений позволяет ему сделать вывод о том, что «форма старого языческого культа пережила смену верований» [Смирнов 1891а: 262]. Кроме этого, он анализирует народные воззрения о Боге и святых, объяснения необходимости приношения жертвы. По его мнению, вера «Пермяков» в конце XIX в. была далека от чисто христианских догм, Бог и святые считались вполне «человечными» по своей природе и во многом были схожи с покойниками: «как покойники, они нуждаются в жертвах, точнее в пище и в питье, как покойники, требуют от людей удовлетворения своих потребностей, насылая на них лично или на скот болезни; их кару, как и кару усопших, узнают и возвращают пораженному одни и те же гадатели и одним способом» [Смирнов 1891а: 258]. Из всех публикаций очерк И.Н. Смирнова содержит наиболее подробный научный анализ и дает логичную интерпретацию жертвенных обычаев народа. В исследовании автор аккумулирует все известные примеры ритуалов, рассматривает их в контексте других верований и обычаев «пермяков». Научные подходы автора и его выводы соответствуют парадигме эволюционизма, приверженцем которого он был [Терюков 2011: 214], они вполне последовательны и убедительны. Его объяснение народных представлений в последующем повторяется в высказываниях других авторов, например, В.Я. Струминского и Н.А. Александрова [Александров 1900: 47-48, Струминский 1904: 482].

С.В. Максимов приводит пример жертвоприношения в день Флора и Лавра, совершаемый в Пермской губернии (в используемом им источнике не указывалось, что это обычай «пермяков») как элемент «доисторической веры», включенный в праздничное чествование христианских святых – покровителей коней, определяя его как редкое явление в контексте других ритуалов этого дня [Максимов 1903: 453–454]. Как вариант обрядов в честь домашних животных эту же информацию рассматривает Д.К. Зеленин. Он указывает, прежде всего, на сходства сходство жертвенных ритуалов на территории Европейской части России и предполагает возможность общих мотивов их появления [Зеленин 1906: 27–30]. Таким образом, в начале XX в. коми-пермяцкий обычай был включен в анализ христианских и жертвенных традиций населения России.

Отношение авторов к ритуалам жертвоприношения. Жертвенные обряды не были заурядным явлением в жизни российской провинции второй половины XIX – начала XX в., они затрагивали этические и религиозные представления общества, поэтому изучаемые документальные нарративы можно рассматривать еще как отражение взглядов части социума на данное явление.

Во многих публикациях не обнаруживается каких-либо прямых оценок и эмоций относительно кровавой традиции, они кажутся беспристрастными, передающими лишь очевидные факты. Представители научных кругов (М.В. Малахов, И.Н. Смирнов, И.Я. Кривошеков) рассматривают существующие жертвенные ритуалы как сохраняющуюся архаику, позволяющую судить о местной истории, культурной и религиозной эволюции народа. Мнения части пишущей когорты обнаруживаются при описании обрядов, во время которых происходит непосредственное заклание животных. Индивидуальные оценки выражаются в используемых словах и фразах, которые создают у читателя своеобразный образ происходящего, в открытой критике традиции и духовенства. Подобные высказывания и эмоциональные описания обнаружены в текстах восьми авторов. Так, картину забоя быков в Коче Ш. Рабо называет ужасающим зрелищем («Le spectacle deviant atroce»), полем грязной (кровавой) бойни («champ de carnage immonde»), В. Сабуров – актом «человеческого зверства», а неизвестный автор – диким и отвратительным зверством и издевательством над бедным животным [Rabot 1894: 114; Сабуров 1899б: 2; Иностранцы... 1912: 26]. Вопрос о жестоком способе заклания возник также и у А. Михайлова [Михайлов 1898: 442]. Жуткий и мрачный эффект создается с помощью таких фраз как «грязная от крови земля», «душу раздирающие стоны» [Сабуров 1899б: 2]. Нотки брезгливости звучат в описании жертвенного варева: «Можете себе представить, что это получится за кушанье, когда части почти от 60 животных и, притом, грязные, моются в одной и той же воде и когда, вместе с мясом, в одном котле варятся и головы, поступающие туда без предварительного удаления шерсти!» [Сабуров 1899б: 2]. Возможно, в приведенном тексте есть преувеличения и неточности, так как более никто из очевидцев не пишет о варке неочищенных голов. При М.В. Малахове одна из голов пожертвованного животного была брошена в огонь, в котором опалилась и запеклась [Малахов 1888а: 93]. Довольно неприятно обрисовывается процесс раздачи мяса: «Голпа народа жадно набросилась на эту импровизированную миску...» [Сабуров 1899б: 2]; «Все стараются урвать как можно больший кусок, давят друг друга, толкаются, вырывают друг у друга добычу и тут же торопливо съедают» [Михайлов 1898: 443]. А. Крупкин считает, что существование обрядов жертвоприношения дает основание думать, «что мы живем в период дохристианский, в какой-то языческой стране» [Крупкин 1911: 306]. Отмечаются негативные стороны и других обычаев обрядового комплекса. Так, В.М. Янович отрицательно оценивает стояние людей в освященной воде в день Флора и Лавра – одной из составляющих праздничного обряда: «Много ревматизмов, много тифа и всякой простуды уносятся от праздников святым» [Янович 1903: 126].

Основной причиной сохранения жертвоприношений в конце XIX в. авторы называют невежество крестьян и обвиняют в этом духовенство, которое равнодушно относится к ритуалу и даже поддерживает его в своих материальных интересах [Михайлов 1898: 441;

Крупкин 1911: 306]. Если А. Крупкин положительно отзывается о попытках «искоренения» обычая местными властями, то В.М. Янович считает эту меру неэффективной, способствующей переходу крестьян в старообрядчество, а главными средствами для забвения древних традиций он называет церковное и школьное ученье [Янович 1903: 126]. Солидарен с ним в этом вопросе И.В. Шестаков [Шестаков 1899].

Отметим, что никто из авторов не затрагивает проблему влияния жертвенных обрядов на крестьянские хозяйства, их убыточность вследствие больших затрат; лишь А. Крупкин передает мнение властей о данных ритуалах как средстве обеднения народа [Крупкин 1911: 306].

Среди всех текстов при рассмотрении авторских позиций выделяется заметка Н.Н. Гусева, основная задача которой не передача сведений о народном ритуале, а его критика, осуждение участия в нем священников и «начальства». Как и другие авторы, Н.Н. Гусев называет обряд «диким и жестоким пиршеством», призывает приложить усилия к его искоренению с помощью убеждений и религиозного просветления [Гусев 1911а: 28–29; Гусев 1911б: 2]. Согласно исследователям, данная заметка была опубликована в периодических изданиях Перми, Екатеринбурга, Сарапула, Вятки, Вологды, Москвы, и побудила церковь принять решительные меры для запрещения обряда [Светлаков, Светлакова 1963: 2; Шмидт 1932: 39]. Название текста Н.Н. Гусева «Власть тьмы» отсылает читателей к одноименной пьесе Л.Н. Толстого, в которой рассказывается о череде неприглядных поступков в одной семье, которые заканчиваются убийством младенца. С помощью названия автор, видимо, указывает на главную мысль пьесы о том, что корыстные действия и обман (в случае жертвоприношения это действия священников и чиновников) влекут за собой еще большие проступки.

Таким образом, часть авторов довольно четко выказывает свое отношение к жертвенной традиции коми-пермяков или отдельным ее составляющим, среди них практически нет разногласий в оценке, которая, дается с позиций образованной части российского общества.

Заключение

Сведения о жертвенных обычаях коми-пермяков имеются в значительном числе публикаций середины XIX – начала XX в., посвященных истории, быту, верованиям народа. Данная тема интересовала ученых, краеведов, педагогов, гражданских служащих, служителей церкви, журналистов. Каждая работа ценна фактическими данными, попытками изучения и объяснения народных традиций либо отражением интересов, позиций, мнений общества той эпохи относительно своеобразных религиозных обычаев.

Большинство авторов опирается на собственные источники информации. Биографические сведения и анализ самих текстов позволяют определить способы их получения – это наблюдения, устные сообщения, отчеты церковнослужителей. Некоторые авторы, по-видимому, с целью наблюдения посетили д. Кочу, где в жертву ежегодно приносилось сразу по несколько десятков животных, поэтому обряд этой деревни описан наиболее подробно. В публикациях встречается информация, которая приводится только единожды, и она ценна своим наличием. Какие-то материалы дублируются в нескольких текстах, дополняя и подтверждая правдивость изложенных фактов. Излагаемые публицистами и исследователями сведения были получены в разные десятилетия и годы, поэтому они позволяют судить о бытовании жертвенных обрядов у коми-пермяков в течение более чем полувека и в некоторых случаях предоставляют возможность проследить изменения и динамику. Нельзя сказать, что рассмотренные материалы дают исчерпывающее представление о коми-пермяцкой жертвенной обрядности, так как часть сведений лаконична, и остается ряд нераскрытых вопросов. В публикациях найдены противоречивые утверждения, которые следует использовать осторожно, с привлечением дополнительных данных.

Научное этнографическое изучение проблемы жертвоприношений коми-пермяков в дореволюционный период предпринял лишь И.Н. Смирнов, который путем обобщения и сравнения всех известных фактов показал большую распространенность жертвенных ритуалов на территории расселения народа, раскрыл их значение в верованиях, сходство с обычаями других финно-угров и связь с архаическими традициями. В работах ряда авторов обнаруживается обращение к отдельным исследовательским вопросам. Интерес представляют варианты объяснения исследователями происхождения ритуалов приношения в жертву животных, их связи с другими обычаями почитаемых дней и сходства традиций на разных территориях у разных народов. Ценным является отражение в публикациях исторических изменений и статистических данных. Наиболее подробно вопросы динамики, смены мест и дат проводимых ритуалов были рассмотрены И.Я. Шестаковым и И.Я. Кривошековым. Стоит также обратить внимание на способы описания обряда. Хотя ряд текстов дает обширную информацию, но их нельзя назвать методичными. Среди всех можно выделить лишь научно ориентированное описание М.В. Малахова.

Многие авторы преподносят в своих работах жертвоприношения коми-пермяков как одну из характерных и оригинальных традиций народа, сохранившуюся с древнего времени, представляющую этнографическую и историческую ценность. Вместе с тем в текстах отдельных авторов имеются отрицательные оценки некоторых частей обряда и собственно обычая закалывать животных в качестве жертвы почитаемым святым, присутствует критика духовенства и местных властей. Со стороны интеллигенции и священнослужителей определяется задача духовного просвещения народа с целью искоренения подобных обрядов. Негативные и критические высказывания в совокупности передают мнение общественности конца XIX – начала XX в.

Список источников

1. Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 год / сост. П. Ершов. Пермь: Электротип. В.А. Чердынцева, 1908. 321 с.
2. Александров Н.А. Народы России. Этнографические очерки и рассказы. Вып. 3. Иногородцы лесов. М.: Издание А.Я. Панафилина, 1900. 203 с.
3. Библиографический указатель памятных деятелей Пермского края. Вып. 1. / А.А. Дмитриев. Пермь: Типо-Литограф. Губерн. Правления, 1902. 48 с.
4. Гусев Николай Николаевич [Электронный ресурс] // Собрание рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого. URL: http://www.tolstoy-manuscript.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=3&Itemid=10 (дата обращения: 27.07.2022).
5. Гусев Н. Власть тьмы // Пермская земская неделя. 1911а. № 2. Кол. 28–30.
6. Гусев Н. Власть тьмы // Уральская жизнь. 1911б. 5 января. № 3. С. 2.
7. Дер. Сеполь Усть-Зулинской волости Чердынского // Пермская земская неделя. 1908. № 36. Кол. 34.
8. Добротворский Н. Пермяки. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. 1883. Т. 2. Кн. 3, 4. С. 228–263, 548–550.
9. Доклад, читаемый Пермским епархиальным миссионером А. Куляшевым на Казанском миссионерском съезде // Пермские епархиальные ведомости. 1910. № 23. С. 471–475.
10. Жаков К.Ф. По Иньве и Косе. Этнографический очерк // Живая старина. 1903. Вып. 4. С. 409–421.
11. Жаков К. По Иньве и Косе // Камасинский Я Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1906. С. 89–110.
12. Жакова Г. Из жизни пермяков // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 2 января. С. 1–2.
13. Журналисты, корреспонденты Уральских газет и журналов (дореволюционный период). Биографические справки // Фонд непечатных изданий Пермской государственной ордена «Знак Почета» краевой универсальной библиотеки им. А.М. Горького. Пермь, 1982. 33 с.
14. Игнатъев А.А. Священник Иаков Васильевич Шестаков. Очерк жизни и трудов. Сарапул: Типограф. Паевского т-ва газеты «Кама», 1918. 18 с.
15. Из пермской этнографии // Адрес-календарь Пермской губернии на 1907 г. Пермь: Типо-Литография Пермского правления, 1907. Разд. II. С. 3–11.

16. Инородцы Пермской губернии. (Историко-этнографические очерки) // Пермская земская неделя. 1912. № 33. Кол. 25–28.
17. Кривошеков И.Я. Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники // Материалы по изучению Пермского края. Вып. IV. Пермь: Электро-Типография «Труд», 1911. С. 90–150.
18. Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь: Электро-Типография «Труд», 1914. 839 с.
19. Крупкин А. Ворования Пермьяков-инородцев // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 4 (15 февраля). С. 301–307.
20. Лунегов И. Журналист, организатор // Северная звезда. 1967. 5 мая. С. 2.
21. Малахов М.В. Быкобой у пермяков в день Св. Флора и Лавра // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1888а. Т. XI. С. 85–96.
22. Малахов М.В. Жертвоприношение у Черемис // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1888б. Т. XI. С. 84–85.
23. Михайлов Аполлон Тимофеевич [Электронный ресурс] // Забытые имена Пермской губернии. 2017. URL: <http://www.fnperm.ru/> (дата обращения: 23.04.2022).
24. Михайлов А. Жертвоприношение у христиан // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XIV. Вып. 1-6. Казань: Типо-Литография Императорского Казанского университета. 1898. С. 441–444.
25. Опыт описания некоторых пермяцких приходов Соликамского уезда // Памятная книжка для духовенства, изданная по случаю 500-летия блаженной кончины святителя Стефана Епископа Великопермского, с приложением Адрес-календаря на 1896 год / Сост. И. Шестаков. Пермь: Типография Н-ков П.Ф. Каменского, 1896. С. 118–131.
26. Перемены по службе // Пермские епархиальные ведомости. 1900. 16 декабря. С. 406.
27. Перемены по службе // Пермские епархиальные ведомости. 1902. 16 октября. С. 469.
28. Поездка члена-сотрудника М.В. Малахова на Урал // Отчет Русского географического общества за 1881 г. / Сост. В. И. Срезневский. СПб., 1882. С. 35–38.
29. Пospelов Н.М. Всеволод Мефодьевич Янович [Электронный ресурс] // Забытые имена Пермской губернии. 2016. URL: <http://www.fnperm.ru/> (дата обращения: 30.03.2020).
30. Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2, отд. 2. С. 1–127.
31. С.М.А. Пермяки Ошибского прихода, Соликамского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1889. № 14. С. 225–233.
32. Сабуров В. Краткий очерк закамского края Чердынского уезда // Пермские губернские ведомости. 1899а. 27 июля (№ 159), 30 июля (№ 162), 31 июля (№ 163). С. 2.
33. Сабуров В. На скотском празднике (жертвоприношения пермяков) // Пермские губернские ведомости. 1899б. № 219 (10 октября). С. 2.
34. Сведения об инородцах, обитающих в пределах Пермской епархии (преимущественно в религиозном отношении) // Пермские епархиальные ведомости. 1874. № 39–40. С. 387–394.
35. Словцов И. Опыт описания некоторых церквей Соликамского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1876. № 4. С. 45–52.
36. Струминский В.Я. Современные пермяки в отношении религиозном и нравственном // Пермские епархиальные ведомости. 1904. № 39, 41, 43, 45. С. 445–452, 465–471, 481–488, 501–507.
37. Уральские вести. (Из газет). Пермь. (Язычники конца XIX века) // Уральская жизнь. 1900. 27 апреля (№ 113). С. 2.
38. Шестаков И. К просвещению иньвенских инородцев Соликамского уезда // Пермские губернские ведомости. 1899. № 20 (26 января). С. 2.
39. Шестаков Я. Жертвоприношение пермяков-христиан в день Флора и Лавра // Этнографическое обозрение. 1909. № 4. С. 32–36.
40. Шестаков И. Кочинская Ионо-Серафимовская женская инородческая обитель Чердынского уезда Пермской губернии. Нижний Новгород: Типография И.А. Шелеметева. 1911. 4 с. (перепечатано из № 11-12 журнала «Монастырь» 1909 г.).
41. Шестаков И. Верхнекамские инородцы. Опыт обозрения мероприятий земств Соликамского, Чердынского и Глазовского в целях культурного подъема камских инородцев. Архангельск: Губернская Типография, 1912. 15 с.
42. Янович В.М. Пермяки. Этнографический очерк // Живая старина. СПб., 1903. Вып. I, II. С. 52–171.

Список литературы

1. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М.: Издание Т. Солдатенкова, 1868. 784 с.
2. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – перв. пол. XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 373 с.
3. Бойко Ю.И. Традиционная культура прилузских коми (конец XIX – первая половина XX вв.). Казань, 2018. (Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 38. № 1.) 191 с.
4. Голева Т.Г. Фотоматериалы начала XX в. о праздновании коми-пермяками дня святых Флора и Лавра с обрядом жертвоприношения // Музейное наследие. Диалог культур: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Кудымкар, Пермь: Пушка, 2021. С. 198–209.
5. Город на Иньве / Сост. Ю.П. Зубов. Пермь: ТОО НПФ «Горт», 1997. 211 с.
6. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8: Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 2. Приуральский край / ред. П.П. Семенов. СПб, М.: Типография М.О. Вольф, 1901. 311 с.
7. Зеленин Д.К. Троецплатница. Этнографическое исследование. Вятка: Губернская типография, 1906. 54 с.
8. Ивановская Н.И., Мишурина О.В. Смирнов Иван Николаевич [Электронный ресурс] // Собиратели Российского этнографического музея. URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/sobirатели/> (дата обращения: 26.06.2022).
9. Климов В.В., Чагин Г.Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2005. 255 с.
10. Конаков Н.Д. Илья лун // Энциклопедия Уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми / Науч. ред. В.В. Напольских. М., Сыктывкар: Издательство ДИК, 1999. С. 163–165.
11. Конкка А. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Конкка А. На плечах Белой Медведицы. Избранные статьи. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 10–22.
12. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Г. Голике и А. Вильборг, 1903. 529 с.
13. Мельчакова О.А. Коми-пермяцкий просветитель – священномученик Иаков Васильевич Шестаков // Пермская старина. Церковно-краеведческий альманах. 2009. Вып. 2. С. 1–7.
14. Налимов В.П. Пермяки // Великая Россия. Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России / Под ред. Д.Н. Анучина. М.: Дело, 1912. Т. 2. С. 172–192.
15. Поздеев В.А. Вятские песни из архива РГО, записанные Н.А. Добротворским // Живая старина. 2010. № 1. С. 52–55.
16. Садилов Р.Р. Зимние моления-жертвоприношения закамских удмуртов: традиции и современное состояние // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 587–592.
17. Светлаков В., Светлакова Т. О необычном обряде // По Ленинскому пути. 1963. 24 марта. С. 2.
18. Смирнов И.Н. Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов. Казань: Типография «Казанского Биржевого Листка», 1889. 22 с.
19. Смирнов И.Н. Пермяки: Историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань: Типография Императорского Университета, Т. 9. Вып. 2. 1891а. 289 с.
20. Смирнов И. наброски из истории финской культуры // Этнографическое обозрение. 1891б. № 2. С. 59–73.
21. Срезневский И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян, по свидетельствам современным и преданиям. Харьков: Университетская типография, 1846. 107 с.
22. Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми. СПб: МАЭ РАН, 2011. 514 с.
23. Формозов А.А. Уралец Малахов // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 171–174.
24. Шабаев Ю., Жеребцов И. Жаков К.Ф. // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: этнополитический справочник. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 149–150.
25. Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края // Известия государственной академии истории материальной культуры. 1932. Т. XIII. Вып. 1–2. С. 1–46.
26. Rabot Ch. A travers la Russie boréale. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1894. 320 p.

List of sources

1. Adres-kalendar' Permskoi eparkhii na 1909 god [Address-calendar of the Perm diocese for 1909]. P. Ershov. Perm, Elektrotip. V.A. Cherdyntseva, 1908, 321 p. (In Russ.).
2. Aleksandrov N.A. Narody Rossii. Etnograficheskie ocherki i rasskazy [Peoples of Russia. Ethnographic essays and stories]. Inorodtsy lesov. Moscow, Izdanie A.Ya. Panafidina, iss. 3, 1900. 203 p. (In Russ.).
3. Bibliograficheskii ukazatel' pamyatnykh deyatelei Permskogo kraia [Bibliographic index of memorable figures of the Perm region]. A.A. Dmitriev. Perm, Tipo-Litogr. Gubern. Pravleniya, iss. 1, 1902, 48 p. (In Russ.).
4. Gusev Nikolai Nikolaevich [Gusev Nikolai Nikolaevich]. *Sobranie rukopisei Gosudarstvennogo muzeya L.N. Tolstogo*. (In Russ.). Available at: http://www.tolstoy-manuscript.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=3&Itemid=10 (accessed: 27.07.2022).
5. Gusev N. Vlast' t'my [Gusev N. Power of darkness]. *Permskaya zemskaya nedelya*. 1911a, no. 2, number. 28-30. (In Russ.).
6. Gusev N. Vlast' t'my [Gusev N. Power of darkness]. *Ural'skaya zhizn'*. 1911b, January 5, no. 3, p. 2. (In Russ.).
7. Der. Sepol' Ust'-Zulinskoi volosti Cherdynskogo [Der. Sepol' of the Ust-Zulinsky volost of Cherdynsky]. *Permskaya zemskaya nedelya*. 1908, no. 36, number 34. (In Russ.).
8. Dobrotvorskii N. Permyaki. Bytovo i etnograficheskii ocherk [Dobrotvorskii N. Permians. Household and ethnographic essay]. *Vestnik Evropy*. 1883, vol. 2, book 3, 4, pp. 228-263, 548-550. (In Russ.).
9. Doklad, chitaemyi Permskim eparkhial'nym missionerom A. Kulyashevym na Kazanskom missionerskom s"ezde [Report read by the Perm diocesan missionary A. Kulyashev at the Kazan missionary congress]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910, no. 23, pp. 471-475. (In Russ.).
10. Zhakov K.F. Po In've i Kose. Etnograficheskii ocherk [By Inva and Kos]. *Zhivaya starina*. 1903, iss. 4, pp. 409-421. (In Russ.).
11. Zhakov K. Po In've i Kose [By Inva and Kos]. *Kamasinskii Ya Okolo Kamy*, Etnograficheskie ocherki i rasskazy, Moscow, Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina, 1906, pp. 89-110. (In Russ.).
12. Zhakova G. Iz zhizni permyakov [From the life of Permians]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1902, January 2, pp. 1-2. (In Russ.).
13. Zhurnalisty, korrespondenty Ural'skikh gazet i zhurnalov (dorevolyutsionnyi period). Biograficheskie spravki [Journalists, correspondents of the Ural newspapers and magazines (pre-revolutionary period). Curriculum vitae] // *Fond nepechatnykh izdaniy Permskoi gosudarstvennoi ordena «Znak Pocheta» kraevoi universal'noi biblioteki im. A.M. Gor'kogo*. Perm', 1982, 33 p. (In Russ.).
14. Ignat'ev A.A. Svyashchennik Iakov Vasil'evich Shestakov. Ocherk zhizni i trudov. [Priest Jacob Vasilievich Shestakov. Essay on life and works]. Sarapul, Tipogr. Paevskogo t-va gazety «Kama», 1918, 18 p. (In Russ.).
15. Iz permskoi etnografii [From Permian ethnography]. *Adres-kalendar' Permskoi gubernii na 1907 g.* Perm', Tipo-Litografiya Permskogo pravleniya, 1907, section. II, pp. 3-11. (In Russ.).
16. Inorodtsy Permskoi gubernii. (Istoriko-etnograficheskie ocherki) [Foreigners of the Perm province. (Historical and ethnographic essays)]. *Permskaya zemskaya nedelya*. 1912, no. 33, number 25-28. (In Russ.).
17. Krivoshchekov I.Ya. Perm' Velikaya, ee zhivaya starina i veshchestvennye pamyatniki [Perm the Great, its living antiquity and material monuments]. *Materialy po izucheniyu Permskogo kraia*. Perm', Elektro-Tipografiya «Trud», iss. IV, 1911, pp. 90-150. (In Russ.).
18. Krivoshchekov I.Ya. Slovar' geograficheskogo-statisticheskii Cherdynskogo uyezda Permskoi gubernii [Geographical and statistical dictionary of the Cherdyn district of the Perm province]. Perm', Elektro-Tipografiya «Trud», 1914, 839 p. (In Russ.).
19. Krupkin A. Verovaniya Permyakov-inorodtsev [Beliefs of Permyaks-foreigners]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1911, no. 4 (February 15), pp. 301-307. (In Russ.).
20. Lunegov I. Zhurnalists, organizator [Journalist, organizer]. *Severnaya zvezda*. 1967, May 5, pp. 2. (In Russ.).
21. Malakhov M.V. Bykobo i u permyakov v den' Sv. Flora i Lavra [Bykobo among Permians on the day of St. Flora and Laurus]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. Ekaterinburg, 1888a, vol. XI, pp. 85-96. (In Russ.).
22. Malakhov M.V. Zhertvoprinoshenie u Cheremis [Sacrifice at Cheremis]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. Ekaterinburg, 1888b, vol. XI, pp. 84-85. (In Russ.).
23. Mikhailov Apollon Timofeevich [Mikhailov Apollon Timofeevich]. *Zabytye imena Permskoi gubernii*. 2017. (In Russ.). Available at: <http://www.fnperm.ru/> (accessed: 23.04.2022).

24. Mikhailov A. Zhertvoprinoshenie u khristian [Christian Sacrifice]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. Kazan', Tipo-Litografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, vol. XIV, iss. 1-6, 1898, pp. 441-444. (In Russ.).
25. Opyt opisaniya nekotorykh permyatskikh prikhodov Solikamskogo uezda [Experience in describing some Permian parishes in the Solikamsk district]. *Pamyatnaya knizhka dlya dukhovenstva, izdannaya po sluchayu 500-letiya blazhennoi konchiny svyatitelya Stefana Episkopa Velikopermskogo, s prilozheniem Adres-kalendarya na 1896 god*. Perm', Tipografiya N-kov P.F. Kamenskogo, 1896, pp. 118-131. (In Russ.).
26. Peremeny po sluzhbe [Job changes]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. 1900, December 16, pp. 406. (In Russ.).
27. Peremeny po sluzhbe [Job changes]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. 1902, October 16, pp. 469. (In Russ.).
28. Poezdka chlena-sotrudnika M.V. Malakhova na Ural [Travel of Associate Member M.V. Malakhov to the Urals]. *Otchet Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1881 g*. Saint Petersburg, 1882, pp. 35-38. (In Russ.).
29. Pospelov N.M. Vsevolod Mefod'evich Yanovich [Всеволод Мефодьевич Янович]. *Zabytye imena Permskoi gubernii*. 2016. (In Russ.). Available at: <http://www.fnperm.ru/> (accessed: 30.03.2020).
30. Rogov N.A. Materialy dlya opisaniya byta permyakov [Materials for describing the life of Permians]. *Permskii sbornik*. Moscow, 1860, book 2, department 2, pp. 1-127. (In Russ.).
31. pp.M.A. Permyaki Oshibskogo prikhoda, Solikamskogo uezda [S.M.A. Permians of the Oshibsky parish, Solikamsky district]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. 1889, no. 14, pp. 225-233. (In Russ.).
32. Saburov V. Kratkii ocherk zakamskogo kraja Cherdynskogo uezda [A brief outline of the Zakamsky region of the Cherdyn district]. *Permskie gubernskie vedomosti*. 1899a, July 27 (no. 159), July 30 (no. 162), July 31 (no. 163), pp. 2. (In Russ.).
33. Saburov V. Na skotskom prazdnike (zhertvoprinosheniya permyakov) [At the bestial holiday (sacrifices of Permians)]. *Permskie gubernskie vedomosti*. 1899b, no. 219 (October 10), pp. 2. (In Russ.).
34. Svedeniya ob inorodtsakh, obitayushchikh v predelakh Permskoi eparkhii (preimushchestvenno v religioznom otnoshenii) [Information about foreigners living within the Perm diocese (mainly in religious terms)]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. 1874, no. 39-40, pp. 387-394. (In Russ.).
35. Slovtsov I. Opyt opisaniya nekotorykh tserkvei Solikamskogo uezda [Experience in describing some churches of the Solikamsk district]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. 1876, no. 4, pp. 45-52. (In Russ.).
36. Struminskii V.Ya. Sovremennyye permyaki v otnosheniyakh religioznom i нравstvennom [Modern Permians in Religious and Moral Relations]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. 1904, no. 39, 41, 43, 45, pp. 445-452, 465-471, 481-488, 501-507. (In Russ.).
37. Ural'skie vesti [Ural news]. *Ural'skaya zhizn'*. Perm', 1900, April 27 (no. 113), p. 2. (In Russ.).
38. Shestakov I. K prosveshcheniyu in'venskikh inorodtsev Solikamskogo uezda [To the enlightenment of the Invensky foreigners of the Solikamsk district]. *Permskie gubernskie vedomosti*. 1899, no. 20 (26 January), p. 2. (In Russ.).
39. Shestakov Ya. Zhertvoprinoshenie permyakov-khristian v den' Flora i Lavra [Perm Christian Sacrifice on the Day of Florus and Laurus]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1909, no. 4, pp. 32-36. (In Russ.).
40. Shestakov I. Kochinskaya Iono-Serafimovskaya zhenskaya inorodcheskaya obitel' Cherdynskogo uezda Permskoi gubernii [Kochinskaya Iono-Serafimovskaya women's foreign monastery of the Cherdyn district of the Perm province]. Nizhnii Novgorod, Tipografiya I.A. Shelemeteva, 1911, 4 p. (In Russ.).
41. Shestakov I. Verkhnekamskie inorodtsy. Opyt obozreniya meropriyatii zemstv Solikamskogo. Cherdynskogo i Glazovskogo v tselyakh kul'turnogo pod"ema kamskikh inorodtsev [Verkhnekamsk foreigners. The experience of reviewing the activities of the Zemstvos of Solikamsk. Cherdynsky and Glazovsky for the cultural uplift of Kama foreigners]. Arkhangel'sk, Gubernskaya Tipografiya, 1912, 15 p. (In Russ.).
42. Yanovich V.M. Permyaki. Etnograficheskii ocherk [Permians. Ethnographic essay]. *Zhivaya starina*. Saint Petersburg, 1903, iss. I, II, pp. 52-171. (In Russ.).

References

1. Afanas'ev A. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu [Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow, Izdanie T. Soldatenkova, vol. 2, 1868. 784 p. (In Russ.).
2. Belitser V.N. Ocherki po etnografii narodov komi. XIX - perv. pol. XX v. [Essays on the ethnography of the Komi peoples. XIX - perv. floor. 20th century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958, 373, p. (In Russ.).

3. Boiko Yu.I. Traditsionnaya kul'tura priluzskikh komi (konets XIX - pervaya polovina XX vv.) [The traditional culture of the Priluzian Komi (the end of the 19th - the first half of the 20th centuries)]. Kazan', 2018, 191 p. (In Russ.).
4. Goleva T.G. Fotomaterialy nachala XX v. o prazdnovanii komi-permyakami dnya svyatykh Flora i Lavra s obryadom zhertvoprinosheniya [Photographic materials of the beginning of the 20th century. about the celebration of the day of Saints Florus and Laurus by the Komi-Permyaks with the rite of sacrifice]. *Muzeinoe nasledie. Dialog kul'tur: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kudymkar, Perm', Pushka, 2021, pp. 198-209. (In Russ.).
5. Gorod na In've [City on Inva]. Perm', TOO NPF «Gort», 1997, 211 p. (In Russ.).
6. Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii [Picturesque Russia. Our fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday meaning]. Vol. 8, Srednee Povolzh'e i Priural'skii krai, part 2, vol. 8, Priural'skii krai, Saint Petersburg, Moscow, Tipografiya M.O., Vol'f, 1901, 311 p. (In Russ.).
7. Zelenin D.K. Troetsiplyatnitsa. Etnograficheskoe issledovanie [Trinity. Ethnographic research]. Vyatka, Gubernskaya tipografiya, 1906, 54 p. (In Russ.).
8. Ivanovskaya N.I., Mishurinskaya O.V. Smirnov Ivan Nikolaevich [Smirnov Ivan Nikolaevich]. *Sobirатели Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya*. (In Russ.). Available at: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/sobirатели/> (accessed: 26.06.2022).
9. Klimov V.V., Chagin G.N. Kruglyi god prazdnikov, obryadov i obychaev komi-permyakov [Year-round holidays, rituals and customs of the Komi-Permyaks]. Kudymkar, Komi-Perm. kn. izd-vo, 2005. 255 p. (In Russ.).
10. Konakov N.D. Illya lun [Illya moon]. *Entsiklopediya Ural'skikh mifologii*. Vol. 1, Mifologiya komi, Izdatel'stvo DIK, 1999, pp. 163-165. (In Russ.).
11. Konkka A. Zhertvoprinosheniya zhivotnykh na letnikh kalendarnykh prazdnikakh karel (materialy k opisaniyu obryada) [Animal sacrifices at the summer calendar holidays of the Karelians (materials for the description of the rite)]. *Konkka A. Na plechakh Beloi Medveditsy. Izbrannye stat'i*. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2014, pp. 10-22. (In Russ.).
12. Maksimov S.V. Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila [Impure, unknown and cross power]. Saint Petersburg, Tovarishchestvo G. Golike i A. Vil'borg, 1903. 529 p. (In Russ.).
13. Mel'chakova O.A. Komi-permyatskii prosvetitel' - svyashchennomuchenik Iakov Vasil'evich Shestakov // Permskaya starina. Tserkovno-kraevedcheskii al'manakh. 2009, iss. 2, pp. 1-7. (In Russ.).
14. Nalimov V.P. Permyaki [Permyaks]. *Velikaya Rossiya. Geograficheskie, etnograficheskie i kul'turno-bytovye ocherki sovremennoi Rossii*. Moscow, Delo, 1912, vol. 2, pp. 172-192. (In Russ.).
15. Pozdeev V.A. Vyatskie pesni iz arkhiva RGO, zapisannye N.A. Dobrotvorskim [Vyatka songs from the archive of the Russian Geographical Society, recorded by N.A. Dobrotvorsky]. *Zhivaya starina*. 2010, no. 1, pp. 52-55. (In Russ.).
16. Sadikov R.R. Zimnie moleniya-zhertvoprinosheniya zakamskikh udmurtov: traditsii i sovremennoe sostoyanie [Winter prayers-sacrifices of Zakama Udmurts: traditions and current state]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. 2017, vol. 27, iss. 4, pp. 587-592. (In Russ.).
17. Svetlakov V., Svetlakova T. O neobychnom obryade [About an unusual ceremony]. *Po Leninskomu puti*. 1963, Martha 24, p. 2. (In Russ.).
18. Smirnov I.N. Sledy chelovecheskikh zhertvoprinoshenii v poezii i religioznykh obryadakh privolzhskikh finnov [Traces of human sacrifice in the poetry and religious rites of the Volga Finns]. Kazan', Tipografiya «Kazanskogo Birzhevogo Listka», 1889, 22 p. (In Russ.).
19. Smirnov I.N. Permyaki: Istoriko-etnograficheskii ocherk [Permians: Historical and ethnographic essay]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri imperatorskom Kazanskom universitete*. Kazan', Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, vol. 9, iss. 2, 1891a. 289 p. (In Russ.).
20. Smirnov I. Nabrski iz istorii finskoi kul'tury [Sketches from the history of Finnish culture]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1891b, no. 2, pp. 59-73. (In Russ.).
21. Sreznevskii I. Svyatilishcha i obryady yazycheskogo bogosluzheniya drevnikh slavyan, po svidetel'stvam sovremennym i predaniyam [Sanctuaries and rituals of pagan worship of the ancient Slavs, according to modern evidence and legends]. Khar'kov, Universitetskaya tipografiya, 1846, 107 p. (In Russ.).
22. Teryukov A.I. Istoriya etnograficheskogo izucheniya narodov komi [History of ethnographic study of the Komi peoples]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2011, 514 p. (In Russ.).
23. Formozov A.A. Uralets Malakhov [Uralets Malakhov]. *Voprosy istorii*. 1991, no. 4-5, pp. 171-174. (In Russ.).

24. Shabaev Yu., Zherebtsov I. Zhakov K.F. [Zhakov K.F.]. *Ural'skaya yazykovaya sem'ya: narody, regiony i strany: etnopoliticheskii spravochnik*. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2015, pp. 149-150. (In Russ.).

25. Shmidt A.V. Zhertvennye mesta Kamsko-Ural'skogo kraya [Sacrificial places of the Kama-Ural region]. *Izvestiya gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*. 1932, vol. XIII, iss. 1-2, pp. 1-46. (In Russ.).

26. Rabot Ch. A travers la Russie boréale. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1894. 320 p.

Информация об авторе

Т.Г. Голева – кандидат исторических наук,
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
Институт гуманитарных исследований УрО РАН.

Information about the author

T.G. Goleva – Ph.D. (History),
Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022;
принята к публикации 23.09.2022

The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for
publication 23.09.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 25–40.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 7. P. 25-40.

Научная статья

УДК 32. 019. 5

doi: 10.24412/2713-0231-2022-7-25-40

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОМСОМОЛЬСКОЙ ЭЛИТЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВЕКОВОГО ЮБИЛЕЯ ВЛКСМ

Владимир Викторович Шилов

Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета, Березники, Россия, vvs595959@mail.ru

Аннотация. На основе проведённых мероприятий и воспоминаний комсомольских лидеров РФ в честь столетия комсомола, анализируется роль данной молодёжной организации в советском обществе. Отмечая 100-летие ВЛКСМ официальные власти показывали и до сих пор показывают только положительную сторону деятельности этой организации, практически не освещая как в советский период велась пропаганда и воспитание материалистического мировоззрения, атеизма, необходимостью борьбы с частной собственностью, рыночными отношениями, буржуазной «представительной демократией» при этом, в массе своей не только рядовые комсомольцы, но и их руководители довольно поверхностно были знакомы с марксистско-ленинской идеологией, что в известном смысле тоже способствовало довольно быстрому прекращению существования СССР после провозглашённого курса на Гласность в период Перестройки. Низвергая с исторического Олимпа бывших советских и российских госдеятелей, часть исследователей пытается найти конкретных виновных в развале СССР, что вряд ли будет верным направлением исследований при анализе перехода от одного общественного строя к другому после буржуазно-демократической революции августа 1991 г. Показаны противоречивые результаты в процессе формирования ценностных установок личности периода господства коммунистической идеологии, что является препятствием для новых, эффективных методов управления у значительной части современной политической элиты РФ. Рассматривается вопрос о том, что на определённом историческом этапе народ детерминирует власть. Проводится утверждение о необходимости проведения модернизации в современном российском обществе, успех которой будет заключаться в коммерциализации новых технологий и только на основе благоприятной социо-политической среде.

Ключевые слова: идеология, коммунистическое воспитание, наследие, личность, общество, религия, памятники, политическая воля, гражданское мужество.

Для цитирования: Шилов В.В. Трансформация комсомольской элиты: размышления после векового юбилея ВЛКСМ // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 25–40. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-25-40>

Original article

TRANSFORMATION OF THE KOMSOMOL ELITE: REFLECTIONS AFTER THE 100TH ANNIVERSARY OF THE VLKSM

Vladimir V. Shilov

The Berezniki branch of Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia, vvs595959@mail.ru

Abstract. Based on the events and memoirs of Komsomol leaders of the Russian Federation in honor of the centenary of the Komsomol, the role of this youth organization in Soviet society is analyzed. Celebrating the 100th anniversary of the Komsomol, the official authorities showed and still show only the

positive side of the activities of this organization, practically not covering how the propaganda and education of the materialist worldview, atheism, the need to fight against private property, market relations, bourgeois "representative democracy" was carried out during the Soviet period, while not only ordinary Komsomol members but their leaders were also quite superficially familiar with the Marxist-Leninist ideology, which in a certain sense also contributed to the rather rapid termination of the existence of the USSR after the proclaimed course on Glasnost during the period of Perestroika. By overthrowing former Soviet and Russian state officials from the historical Olympus, some researchers are trying to find specific perpetrators of the collapse of the USSR, which is unlikely to be the right direction of research when analyzing the transition from one social system to another after the bourgeois-democratic revolution of August 1991. Contradictory results are shown in the process of the formation of value attitudes of the personality during the period of the domination of communist ideology, which is an obstacle to new, effective management methods for a significant part of the modern political elite of the Russian Federation. The question is considered that at a certain historical stage the people determine the power. The statement is made about the need for modernization in modern Russian society, the success of which will consist in the commercialization of new technologies and only on the basis of a favorable socio-political environment.

Keywords: ideology, communist education, heritage, personality, society, religion, monuments, political will, civil courage.

For citation: Shilov V.V. Transformation of the Komsomol elite: reflections after the 100th anniversary of the VLKSM. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;7:25-40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-25-40>

Введение

Комсомольской элите (в советский период термину «элита» соответствовал термин – номенклатура), в частности и об её «перерождении» в бизнес-элилу, посвящено не мало интересных работ [Ручкин 2010]. В данной статье ставится риторический вопрос о возможности проведения модернизации в РФ современным истеблишментом, выросших в реалиях господства коммунистической идеологии.

Основная часть

Осенью 2018 г. практически все центральные СМИ посвятили значительное количество эфирного времени и статей в печатных масс-медиа 100-летию ВЛКСМ. Тогда же в государственном Кремлёвском дворце состоялся более чем трёхчасовой концерт, посвящённый юбилею комсомола, а перед началом выступления артистов заместитель главы Администрации Президента РФ С.В. Кириенко зачитал поздравление В.В. Путина ветеранам организации и вручил орден «За заслуги перед Отечеством» Евгению Тяжельникову, занимавшему в своё время высшую комсомольскую должность. Высокие правительственные награды также получили Борис Пастухов и Виктор Мишин, бывшие первые секретари ЦК ВЛКСМ.

Практически во всех регионах, муниципалитетах РФ 100-летие комсомола тоже торжественно отмечали. В крупном индустриальном центре Западного Урала с населением около 150 тысяч жителей г. Березники Пермского края в канун 100-летнего юбилея 28 октября 2018 г. на здании березниковской городской администрации появилась мемориальная доска, посвящённая столетию ВЛКСМ, а почётное право открыть памятную доску было предоставлено первому секретарю Березниковского горкома ВЛКСМ в 1968 г. Валерию Зубареву, первому секретарю горкома ВЛКСМ в 1980-е гг. Олегу Ковалёву, председателю комитета управления МЖК Валерию Чистякову и члену Пермского обкома комсомола Борису Саньчеву.

В эти же «торжественные дни» в Березниках представители крупного промышленного предприятия филиала «Азот» «ОХК «УРАЛХИМ», торжественно передали Совету ветеранов предприятия исторический альбом – «Комсомол «Азота» [На «Азоте»... 2018: 2]. Все корпоративные музеи градообразующих предприятий города (ПАО «АВИСМА», ОАО «Березниковский содовый завод», ПАО «Уралкалий»), в том числе и Березниковский историко-художественный музей им. И.Ф.Коновалова подготовили масштабные выставки к 100-летию ВЛКСМ [Пальникова 2018: 1, 4].

Не менее торжественно 100-летний юбилей отмечали в краевом центре г. Перми, издав даже по заказу Администрации Пермского края 800 страничный фолиант «Пермский комсомол. Сборник документов, воспоминаний и очерков по истории комсомола в Пермском крае. К 100-летию ВЛКСМ», с приветствием на первой странице губернатора Пермского края М.Г. Решетникова [Пермский комсомол... 2018].

По некоторым данным через эту молодёжную организацию в советский период прошло около 200 миллионов юношей и девушек, а в конце эпохи Л.И. Брежнева в комсомоле состояло порядка 42 миллионов членов, тем не менее, осталось впечатление, что столетний юбилей праздновался только на каналах, страницах государственных, региональных, муниципальных СМИ и самими бывшими комсомольскими функционерами, а не «всенародным комсомольским единством».

В г. Березники бывшие комсомольские руководители (совместно с бывшим парт- и хозактивом) тоже собирались на «тайную комсомольскую вечерю» в доме культуры Metallургов (присутствовал и глава городского округа), для этого взяв из городского музея атрибуты своей комсомольской организации и организовав хороший банкет. Бывших «рядовых» членов там не наблюдалось.

Отмечая 100-летие ВЛКСМ официальные власти показывали и до сих пор показывают только одну сторону деятельности этой организации (физкультура и спорт, ударные комсомольские стройки, возведение МЖК, стройотряды), при этом ныне здравствующие бывшие комсомольские функционеры не рассказывают, как они с «горящими глазами» рассказывали «комсомольской пастве» о светлых коммунистических идеалах, о величайшем зле «частной собственности», о борьбе с «акулами империализма», о религиозном мракобесии, о скором коммунистическом изобилии, о будущем всеобщем счастье народа в построенном коммунистическом обществе.

Разумеется, в рядах руководителей ВЛКСМ были не только прожженные карьеристы, как хорошо показано в фильме «ЧП районного масштаба», снятого в 1988 г. Сергеем Снежкиным по мотивам одноимённой повести Юрия Полякова, были в рядах комсомольской номенклатуры и наивные романтики. Неслучайно русский философ Н.А. Бердяев писал: «Марксизм не есть только наука и политика, он есть также вера, религия. И на этом основа его сила» [Бердяев 1990: 80–89].

В массе своей не только рядовые комсомольцы, но и их руководители довольно поверхностно были знакомы с марксистско-ленинской идеологией. Бывший первый секретарь Пермского обкома ВЛКСМ В.М. Ермолов, в канун 100-летия комсомола вспоминал: «Несомненно, что деятельность комсомола основывалась на идеологии. В тоже время, проработав в этой структуре тринадцать лет, я не могу сказать, что мы были такими уж идейными...» [Валентин Ермолов... 2018: 4].

Видимо, не освоив даже основных положений марксизма, скажем из той же популярной работы В.И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма» [Ленин 1968: 40–48] многие комсомольские лидеры в конце советской эпохи легко пошли за освобождённым от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Б.Н. Ельциным. Последний секретарь комитета ВЛКСМ Березниковского титано-магниевого комбината Игорь Маркеев в канун 100-летия ВЛКСМ вспоминал: «Закончилось всё резко. Конец 1980-х, перестройка, мы за Ельцина комсомольским активом собирали подписи у проходной... Ощущения конца совсем не было, наоборот. И вдруг – путч, партийная организация в опале, комсомол упразднён...» [Фиалкина 2018: 5].

Молчание и двурушничество комсомольских лидеров наблюдалось и на самом верху даже в период хрущёвской оттепели. Бывший глава ЦК ВЛКСМ, награждённый накануне 100-летия комсомола орденом Александра Невского Б.Н. Пастухов в интервью газете «Собеседник» на вопрос, почему он молчал в 1962 г. в Манеже, когда Никита Хрущёв «распекал» художников-авангардистов, в частности Эрнста Неизвестного и других ответил: «Понимал, что мои восклицания ничего не изменят, поэтому надо было терпеть. И мы

терпели» [Борис Пастухов... 2018: 7]. В этом же интервью, бывший главный комсомолец страны сказал, что сегодня его старший внук работает в Лондоне, и он не хочет, чтобы тот возвращался в Россию.

Воспитанные в эпоху и в организациях двуличия (КПСС, ВЛКСМ) и ставшие «историческими деятелями» новой России, экс-комсомольские и экс-партийные лидеры часто попадали и попадают в неловкие ситуации. В конце эпохи перестройки в 1991 г. Б.Н. Ельцин пообещал «лечь поперёк рельсов», если инициированные им либеральные экономические реформы приведут к повышению цен более чем в три-четыре раза. После отпуска цен 2 января 1992 г. цены на большинство товаров были освобождены и выросли в 26 раз и при этом реальные доходы граждан упали до 44 % от уровня 1991 г. При этом, низвергая с исторического Олимпа бывших советских и российских госдеятелей (бывших членов ВЛКСМ и КПСС) часть исследователей пытается найти конкретных виновных в развале СССР (личность, заговор).

Профессор, д.и.н., гл. научный сотрудник Центра международных экономических и политических исследований ИЭ РАН В.И. Дашичев, сожалея о распаде СССР (и системе в целом), пишет: «Главной причиной гибели Советского Союза как социалистической страны явился государственный переворот, тайно инспирированный США» [Дашевич 2014: 218]. Если принять данное утверждение за аксиому, то М.С. Горбачёв или Б.Н. Ельцин – тайные ставленники США, агенты ЦРУ, которых можно сравнить со всеильным Ильёй Муромцем, который (е) одним взмахом палицы уничтожил (и) «империю зла» СССР.

В тоже время В.И. Дашичев о И.В. Сталине, который чуть ли не половину срока существования СССР являлся его руководителем, пишет: «Разве не удивительно, что во главе советского государства и правящей партии мог встать человек (Сталин – прим. авт.), имевший низкое образование, окончивший всего четыре класса церковно-приходской школы, притом страдавший паранойей и связанным с ней патологическим властолюбием, неразборчивый в средствах достижения своих целей, не умевший даже правильно говорить по-русски?!» [Дашичев 2014: 207].

Здесь же уместно задать вопрос: что это за уникальный в истории человечества политический режим, основанный на марксистско-ленинской идеологии, который позволяет почти три десятка лет занимать высшую должность в государстве человеку «страдавшему паранойей» с четырьмя классами образования?

Доходит и до парадоксов. Некоторые современные политики, общественные деятели, жёстко осуждая выходку дворовых, безголовых «певиц» Пусси Райт в храме Христа Спасителя (вплоть до высылки из страны), при этом восхищаются советским лидером Сталиным, «забывая», что именно Сталин рекомендовал запечатлеть на киноплёнку для потомков взрыв этого самого Храма в 1931 г. «Забывают» поклонники Сталина и тот факт, что не только «при Хрущёве», а даже в годы «застоя» Сталину памятники в СССР не возводились.

В последние годы, судя по пропаганде советского наследия (ВЛКСМ, ГТО, стройотрядов, личности Сталина, Брежнего) и пропаганде достижений «коммунистического Китая», можно предположить, что современная правящая элита предлагает вновь взять за основу методы управления советской эпохи, – доминирования государства в экономике, общественной жизни.

При этом, когда представители политической элиты РФ говорят, что распад СССР – это «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века», возникает вопрос, а что собственно мы потеряли? Территорию? Численность населения? Методы управления? Госплан СССР? Несменяемость власти? Атеизм? Имитацию выборов? Идеологию?

Ключевая буква в аббревиатуре ВЛКСМ (как и КПСС) – это буква «к», то есть построение «коммунизма», а это, как писали классики марксизма-ленинизма, подразумевает: борьба с частной собственностью, борьба со всеми видами предпринимателей (буржуями, капиталистами, кулаками, кустарями), непримиримая борьба с любой религией, которая сплошь представлена «тунеядцами» и «пропагандистами» бывшего правящего режима.

Вступая в ряды этих уже исторических организаций, новоявленные члены партии и комсомола давали «страшную клятву» – бороться с вышеуказанными пережитками прошлого, «акулами империализма» и пр.: суть клятвы звучала примерно так, что если я нарушу клятву «пусть меня покарает суровая рука моих товарищей...»

Исследователь советской номенклатуры (в новоязе – элиты) в России социолог О.В. Крыштановская [Крыштановская 2005] в своей статье «Финансовая олигархия в России» приведена таблица, в которой такие данные [Крыштановская 1996]:

Происхождение	Окружение Президента	Кабинет министров	Региональная элита	Бизнесмены
Номенклатура КПСС	15,9	0	14,6	8
Комсомол	0	0	1,5	23
Советская	47,7	20	64,7	2
Хозяйственная	6,8	31,4	1,5	23
Другая	4,6	22,9	0	5
Прочие	25	25,7	17,7	39

Как видно, с большим отрывом именно «комсомольская элита» стала «строителями капитализма». Неслучайно сегодня многих бывших рядовых комсомольцев несомненно раздражает тот факт, что их бывшие комсомольские «вожди» сами стали «акулами империализма», с коими боролись не покладая рук в пору своей партийно-комсомольской деятельности. Многие бывшие функционеры комсомола и партии (ортодоксальные «вождисты») сегодня сами посещают храмы, или глубокомысленно рассуждают о «вкладе религии в культуру в многовековой истории страны», что тоже вызывает иронию у бывших «простых» комсомольцев.

Даже во всезнающей Википедии о лидере нынешних коммунистов Г.А. Зюганове в графе «отношение к религии» записано – «Русская православная церковь» (для примера: у лидеров современных Северной Кореи и Китая в этой графе записано – атеизм, как и у экс-лидера Кубы Ф. Кастро). Лидер современных коммунистов Зюганов ещё и доктор философских наук и в годы «застоя», работая в Орловском пединституте был не только членом КПСС, секретарём комитета ВЛКСМ, но и как преподаватель активно пропагандировал молодёжи «основной вопрос философии», то есть на чём и базировался «научный атеизм». Борьба за «электорат» в наши дни видимо у гражданина Зюганова перевешивает его мировоззренческое кредо.

Молодому поколению, не испытавшему на себе «комсомольской благодати» стоит посмотреть фильмы о советском комсомоле, такие как упомянутый фильм «ЧП районного масштаба» или «Стиляги». Конечно эти фильмы грустные комедии и откровенный гротеск, но, по сути, они очень правдиво и ярко осветили «юность комсомольскую мою», приёмы и методы «борьбы» за светлые коммунистические идеалы, начальный этап карьеры будущей советской номенклатуры.

Тот же Б.Н. Ельцин яркий пример «жертвы» номенклатурного коммунистического воспитания. Профессор Гарварда Тимоти Колтон в своей монографии о Б.Н. Ельцине пишет: «Ельцин по команде из Москвы взрывает знаменитый Ипатьевский дом в Свердловске (где была расстреляна семья Николая II в июле 1918 г. – прим. В.Ш.), трезво рассуждая, что за его спиной стоят десятки готовых и выполнить приказ, и занять его место в обкоме» [Timothy J. Colton 2008: 59].

Можно ещё назвать конкретных «выдающихся» воспитанников комсомола, перешедших с высоких постов из стана строителей коммунизма в стан тех, с кем боролись – «буржуев-капиталистов». Так Борис Березовский с 1960 по 1974 г. не только состоял в рядах ВЛКСМ, но и получил премию Ленинского комсомола. Михаил Ходорковский работал в Бауманском райкоме комсомола Москвы, а один из первых российских миллиардеров Михаил Прохоров в советский период возглавлял комсомольское бюро в Московском финансовом институте.

Известный чеченский боевик, бригадный генерал армии ЧРИ, организатор ряда громких терактов на территории РФ С.Б. Радуев (умер в 2002 г. в тюрьме «Белый лебедь» г. Соликамска) в советский период очень хорошо зарекомендовал себя на комсомольской работе: в советской армии был заместителем секретаря комсомольской организации части, прошёл путь от освобождённого (от производства) секретаря комсомола в училище до инструктора одного из отделов в республиканском комитете ВЛКСМ (ноябрь, 1988 г.) Разумеется, Радуев был и членом КПСС 1987-1991 гг.

Украинский олигарх, объявленный Следственным комитетом РФ в международный розыск И.В. Коломойский, будучи в своё время учеником средней школы в Днепропетровске был награждён значком ЦК ВЛКСМ. Этот комсомольский «бонус» не помешал ему стать нуворишем. Видимо, как ему объясняли комсомольцы-атеисты: «Муки совести – это поповское слово».

Системные «либералы» (Г.О. Грэф) и «государственники» (В.И. Матвиенко), занимающие сегодня важные посты в РФ тоже родом из комсомольских функционеров. Первый был комсоргом курса в Омском государственном университете, а вторая с 1972 г. – на комсомольской работе, а в 1980-е гг. возглавила Ленинградский обком ВЛКСМ.

Губернаторы Пермского края уже в XXI в. Ю.П. Трутнев и О.А. Чиркунов, начавшие свою политическую карьеру на освобождённых комсомольских должностях в Пермской области, сегодня богатейшие люди России (мультимиллионеры).

Эти комсомольские лидеры не только хорошо знали, но активно в своё время доводили до молодёжи основные постулаты коммунистической морали, закреплённых в таких известных комсомольских лозунгах: «Если партия скажет надо, комсомольцы ответят есть!», «Буржуи под стол! Идёт комсомол!», «Комсомол – школа воинствующего большевизма», «У партии и комсомола одна цель – коммунизм!»

Автор этих строк, будучи студентом 2-го курса исторического факультета Пермского государственного университета (классического) в 1981 г. был приглашён в комитет ВЛКСМ госуниверситета для объяснения: почему он отслуживший в армии и отработавший на оборонном заводе молодой человек не является членом ВЛКСМ. Больше всех «распекал» тогдашний лидер этого комитета. Данный секретарь комитета ВЛКСМ Пермского госуниверситета (1981–1984), зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ (1984–1990), первый заместитель председателя Центрального Совета Союза пионерских организаций – Федерации детских организаций в 1990–1993 гг., в «лихие 90-е» эмигрировал в более тогда «надёжную» страну США (перевёз туда и семью), где стал... профессором баптистского колледжа.

Довелось три семестра автору этих строк читать курс «История КПСС» в Березниковском филиале Пермского политехнического института (ныне БФ ПНИПУ), не являясь при этом ни членом КПСС, ни членом ВЛКСМ. Узнав о таком «безобразии» вновь был приглашён уже в горком КПСС и один из трёх его секретарей (по идеологии) «пригрозил» автору... передвинуть очередь на квартиру. Объяснения партчиновникам, что профессиональный историк может читать не только историю КПСС, но и может читать курсы «История Гестапо», «История Коза ностры» и т.п. у партчиновников вызывал только нервный смех... Но ветер перемен (перестройка) уже к тому времени набрал обороты и всё окончилось без «вступления» в партийные ряды строителей коммунизма.

Авторы одного из «юбилейных» изданий к 100-летию ВЛКСМ пишут: «В комсомольской организации существовала система работы с кадрами...» [Пермский комсомол... 2018: 223]. Правда почитатели ВЛКСМ «забывают» что из 16 первых секретарей, только последний в СССР 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ В.М. Зюкин (1990–1991), был единственным после 1918 г. руководителем комсомола, избранный на альтернативной основе (во втором туре с небольшим перевесом опередил Андрея Шаронова).

Интересно, что В.М. Зюкин родился в г. Березники в 1954 г. и при нём 28 сентября 1991 г. на XXII чрезвычайном съезде была распущена всесоюзная комсомольская организация и вместе с ней официально прекратила своё существование всесоюзная

пионерская организация при ЦК ВЛКСМ. И как многие бывшие комсомольские бонзы, Зюкин тоже стал строителем капитализма: Президент Фонда международного молодёжного сотрудничества (1992 г.); глава брокерской компании ООО «Крэйтон Капитал» (1998 г.); президент ООО «Пилот Менеджмент» (2003 г.)

Современным ортодоксальным поклонникам ВЛКСМ можно также напомнить, что за более чем семь десятков лет существования комсомола его возглавляли 16 руководителей и шесть из этих главных комсомольских «начальников» были казнены как «враги народа», а А.И. Мильчаков (чьим именем названа одна из улиц г. Перми) хотя и избежал ВМН (высшей меры наказания), но 16 лет находился «на перевоспитании» в норильских и магаданских лагерях.

Воспитанные на коммунистических идеях в реалиях советского социализма, бывшие комсомольские лидеры и оставшаяся сегодня небольшая когорта бывших партийный функционеров, время от времени утверждают, что они в рядах ВЛКСМ и КПСС прошли большую школу «менеджмента» (эффективных руководителей). Многие из них (в том числе и рядовые члены) не скрывают, что им импонировала и до сих пор импонирует «коммунистическая идея».

В интервью, показанном на канале «Россия 24» В.В. Путин, комментируя американские выборы, сказал: «Но я был всё-таки почти 20 лет – 18 лет – был членом Коммунистической партии Советского Союза. Был там, честно говоря, рядовым, но, можно сказать, идейным членом партии. И многие из этих ценностей левого характера мне нравятся и до сих пор». Выступая на межрегиональном форуме ОНФ в 2016 г. он признался, что до сих пор хранит билет члена КПСС СССР.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР (ВЧК) как известно в СССР превратилась в «Боевой отряд партии». Её основатель Ф.Э. Дзержинский говорил: «ЧК, – должен быть органом Центрального комитета, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку или в орган контрреволюции» [Менжинский 1927]. Подобный взгляд на роль чекистских органов неоднократно подчеркивалась и в выступлениях лидеров большевиков, и в партийных решениях [Пожидаев 2008: 45–48].

В интервью американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS в преддверии участия в 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН В.В. Путин согласился с утверждением о том, что «бывших сотрудников КГБ не бывает», в той части, что полученные знания и опыт всегда остаются с ними.

Здесь же можно заметить, некоторые представители спецслужб давали себе вполне объективную оценку. Главный борец за «американские ценности» Джон Эдгар Гувер (1895–1972), один из создателей ФБР (переживший на своём веку 8 президентов и сделавший из ФБР «государство в государстве»), в середине 1950-х гг. стал заниматься большой политикой и, скорее всего, мог бы претендовать на самые важные посты в государстве, тем не менее, о себе говорил: «Я мог бы стать президентом, но истина состоит в том, что человек из спецслужб не может руководить страной, не развалив её и не устроив террор для своих сограждан, и я это понимаю» [Куприянов 2018: 8–9].

При этом возникает вопрос: почему Б.Н. Ельцин выбрал себе именно такого приемника? Думается, во-первых, с конца 1980-х и в 90-е гг. в массовом сознании вроде как было «всем понятно», что коммунистическая идеология – это зло, рейтинг вождей СССР Ленина и Сталина был на очень низком уровне. Во-вторых, Б.Н. Ельцин, можно предположить, подумал: если я сумел раз и навсегда порвать со своим «коммунистическим прошлым и его сторонниками», то и В.В. Путин тоже легко «расстанется» со своим чекистским прошлым, своими бывшими коллегами. К тому же в 1999 г. в окружении Б.Н. Ельцина В.В. Путин выглядел исполнительным «скромняшкой», преданно смотрящий в глаз хозяину Кремля...

В советской истории такое уже наблюдалось. Сталин тоже не мог себе представить, что «рубашка-парень», который у него на даче в украинской «косоворотке» лихо отплясывал гопака, через три года после его смерти выступить на съезде партии с разоблачением его культа...

Можно искренне сожалеть о распаде СССР (там осталась молодость, родители), но пытаться воссоздавать по старым лекалам (шаблонам) апробированную советскую модернизацию будет большой ошибкой. Здесь уместно вспомнить слова немецкого философа Георга Гегеля, которого цитировал тот же Карл Маркс в своём сочинении «18-е брюмера Луи Бонапарта»: «История повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй – в виде фарса» [Маркс 1957].

Разумеется, находится немало экспертов, которые утверждают, что «отщепенцы», «перерожденцы» были и будут во все времена, главное – это положительный опыт советской модернизации. При этом «марксисты» упорно не замечают замечание своего кумира Маркса, что «критерий истины – это общественная практика». А история стран XX в. хорошо показала практику «построения коммунизма» и «открытого рыночного общества»: ФРГ и ГДР, Северной и Южной Кореи, КНР и Тайваня, советских прибалтийских республик и скандинавских стран, «острова свободы» Куба, с которого каждый шестой житель бежал и третье поколение граждан живёт при «карточной системе», в целом «лагерь социализма» и «лагерь капитализма». Кто выиграл исторический спор в XX столетии очевидно.

В XX в. практически все ведущие страны мира увеличили свою численность в 2–3 раза, даже Германия, дважды развязавшая мировые войны и Япония (потерпевшие сокрушительное поражение). Россия с численностью населения в этот же период потерпела сокрушительное фиаско [Статистический ежегодник... 1913]

Догоняющему развитию, как известно, есть определённые пределы [Иноземцев 2000: 71–76]. Плановая экономика СССР показывала хорошие результаты только в период действия «мобилизационной экономики».

Исследователь этой сложной темы В.В. Попов пишет: «Способность мобилизации внутренних сбережений для осуществления «большого толчка», позволяющего бедным странам вырваться из «ловушки отсталости», всегда считалась главным достоинством плановой экономики. Оказывается, однако, что из-за неспособности обеспечить своевременную замену устаревающего оборудования плановая система может более или менее успешно функционировать только два-три десятилетия после «большого толчка», а потом наступает неизбежное замедление темпов роста» [Попов 2009: 77–90].

Человек не может всю свою жизнь находиться в состоянии «мобилизации» (догнать и перегнать!) Этого можно добиться только путём внеэкономического принуждения (ГУЛАГ и т.п.), что в свою очередь, как показал исторический опыт СССР чревато демографическими проблемами, даже при «железном занавесе», который не позволял покидать страну Советов. Отсутствие частной собственности, рыночных отношений, представительной демократии привело к нежеланию основной массы населения трудоспособного возраста проявлять инициативу, творчество. Поэтому вряд ли в XXI в. России вновь нужна «сталинская модернизация», о чём мечтает ряд современных политических деятелей.

После перехода от одного общественного строя к другому в так называемые «лихие 90-е» (оценка этому периоду пока историками не дана) в новой России не был принят закон о люстрациях, как было сделано при Конраде Аденауэре в постфашистской Германии и Михаиле Саакашвили в постсоветской Грузии¹. В той же послевоенной Германии судили только со звания полковника и всем «фюрерам» НСДАП до самого низшего звена было запрещено работать: 1) на государственной и муниципальной службе, 2) в системе образования, 3) в СМИ.

¹ Парламент Грузии 1 июня 2011 г. единогласно принял «Хартию свободы», объединяющую в себе закон «О люстрации» и так называемый «Акт патриота». Новый закон запрещает занимать государственные и общественные должности лицам, сотрудничавшим с советскими спецслужбами, а также бывшим партийным и комсомольским функционерам.

Кроме этого, и коммунистическая партии Германия тоже была запрещена. Интересно, что К. Аденауэр, запретив в 1950-е гг. в Германии коммунистическую партию, одновременно испытывал глубокую личную симпатию к её вождю Максиму Рейману, а сам раскол на ФРГ и ГДР он считал даже выгодным для того, чтобы показать всем немцам преимущества своего пути. В Советском Союзе таких лидеров как Аденауэр к сожалению, не оказалось, когда итоги «холодной войны» были уже очевидны.

Более того, правящая элита РФ пытается взять на вооружение не только советский опыт управления, а даже и досоветский, только в определённом ракурсе. Для этого используются как официальные государственные СМИ, так и открываются выставки, памятные знаки, памятники конкретным событиям и личностям.

14 октября 2016 г. в г. Орле был торжественно открыт памятник Ивану IV Грозному (присутствовали на открытии депутат Госдумы Николай Земцов, писатель Александр Проханов, политдеятель Сергей Кургинян, президент ассоциации байкеров Александр Залдостанов), освещали эту церемонию более 20-ти российских и зарубежных СМИ. При этом в СМИ «забыли» отметить, что на знаменитом памятнике в Великом Новгороде «Тысячелетие России», открытом в 1862 г. ещё при «царском режиме» из 129 изображённых исторических фигур российского государства Иван IV Грозный не присутствует.

Ещё пример. На памятнике «самому эффективному и успешному царю» Александру III, открытому 18 ноября 2017 г. в Крыму (в присутствии президента РФ В.В. Путина) на постаменте выбита «крылатая» фраза императора, что «Во всём мире у России только два верных союзника – наша армия и флот». Опять же не упоминалось, что именно при Александре III («самом русском царе») был создан Циркуляр «О сокращении гимназического образования», прозванный в народе «циркуляром о кухаркиных детях» (нормативный акт периода контрреформ, подписанный 18 (30) июня 1887 г. российским министром просвещения И.Д. Деляновым). При этом «самом русском царе» был упразднён институт мировых судей, сокращены компетенции суда присяжных, положен конец университетской автономии и развитию женского высшего образования, усилилась цензура «благодаря» изданию в 1882 г. «Временных правил о печати».

Неслучайно писатель-сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин назвал царя Топтыгиным Третьим (на высказывание Александра III, что он «никаким скотам не даст ограничивать волю самодержца»), а известный юрист А.Ф. Кони назвал Александра III – «бегемотом в эполетах».

Впрочем, царю-консерватору и ретрограду тогда на время удалось законсервировать революционную ситуацию, которую он оставил в «наследство» своему сыну, последнему русскому императору Николаю II. Поэтому русские революции 1905 и 1917 гг. были вполне «ожидаемы», которые в новоязе сегодня можно назвать «оранжевыми» или более точно «догоняющими» от революции «сверху» 1861 г.

В XXI в. памятники (бюсты) Сталину активно стали устанавливать сначала в южных регионах РФ, в последние годы и в других регионах страны. И здесь же следует заметить, осенью 2018 г. ВЦИОМ провёл опрос и выяснилось, что 47 % опрошенных граждан России в возрасте от 18 до 24 лет никогда не слышали о репрессиях.

В годы «застоя» молодые люди тоже практически не слышали о репрессиях, Большом терроре 1937/38 гг. (возможно даже ещё меньше чем современная молодёжь), но в «эпоху Брежнева» памятники (бюсты) И.В. Сталину («Вождю всех времён и народов») всё-таки не устанавливались.

В 2017 г. в г. Перми в зданиях бывших Речного и расположенного рядом Железнодорожного вокзалов был открыт выставочный проект «Россия – Моя история», посвящённый истории России с древнейших времён и до наших дней. Идея создания этого проекта принадлежит ответственному секретарю Патриаршего совета по культуре епископу

Егорьевскому Тихону (Шевкунову). Проект получил и поддержку Администрации Президента РФ, Министерства культуры РФ, Министерства образования и науки РФ, Правительства Москвы.

Как писали организаторы этого выставочного проекта: «Задача проекта – дать трезвую оценку событиям прошлого и попытаться заново их осмыслить». Начало проект получил в 2013 г., а первые экспозиции были открыты в декабре 2015 г. в павильоне 57 ВДНХ. 12 декабря 2017 г. состоялось открытие этого исторического парка в Перми и город стал 15-м в России, принявшим проект.

Что сразу в экспозициях этого выставочного проекта бросается в глаза человеку, воспитанному на уроках истории ещё советской школы? Например, что «декабристы» в современной трактовке – это довольно «опасные люди», которые бросили вызов «законной власти» (в новоязе – экстремисты, террористы).

При этом представители старшего поколения, кроме уважительного отношения к декабристам из курса истории в советской школе, хорошо помнят почти трёхчасовой фильм Владимира Мотыля 1975 г. «Звезда пленительного счастья» (показан и подвиг жён декабристов) и помнят, как великий А.С. Пушкин («наше всё») относился к декабристам, в частности его знаменитое послание в Сибирь: «Во глубине сибирских руд / Храните гордое терпение, / Не пропадёт ваш скорбный труд...»

Довольно тенденциозно в «историческом парке» представлен и Л.Н. Толстой. По трактовке авторов проекта – неоднозначная и даже подозрительная личность. Это тоже объяснимо, – у русского классика были непростые отношения с Русской православной церковью (РПЦ), а идея создания «исторического парка» как раз и принадлежит РПЦ. Опять же старшее поколение россиян вряд ли «отвернётся» от Л.Н. Толстого, с молодым поколением несколько будет сложнее.

Очень неоднозначную реакцию в обществе вызвала статья в «Российской газете» (26 сентября 2014 г.) председателя Конституционного суда РФ, д. ю. н., заслуженного юриста России В.Д. Зорькина о том, что одной из ключевых причин революций XX в. – это отмена крепостного права, которое, по его мнению: «При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации...» [Зорькин 2014]. А ведь В.Д. Зорькин 22 года был членом КПСС. Возможно нынешнему заслуженному юристу РФ с комсомольской юности импонировало крепостничество (?), только в период господства коммунистической идеологии за приверженность к «крепостничеству» можно было поставить крест на карьере или даже угодить в психиатрическую «лечебницу».

Тем не менее, таким образом, подготовив общественное мнение в нужном для власти ракурсе (на лучших, по их мнению, образцах досоветской и советской эпохи и привлекая к этому даже «экспертов-юристов»), можно будет поднимать вопрос и о «точечном» изменении Конституции РФ.

Академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН, д.и.н., полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» А.О. Чубарья на вопрос: «Сейчас в ходу термин «историческая политика» ответил: «Это опасный термин, он не просто сближает историю с политикой, он ставит историю на рельсы государственной идеологии, как это было в годы советской власти. Но у нас в Конституции есть прямой запрет на государственную идеологию» [Рудаков 2021: 66–73].

Правящая элита РФ воспитана не только на «старых, добрых традициях командно-административной системы» (в новоязе – вертикаль власти) и, как любая элита, стремится сохранить и расширить своё господство, в том числе и при помощи «нужной» истории. Гениально точно по этому поводу сказал Дж. Оруэлл в известном романе «1984», что «тот, кто управляет прошлым, тот управляет будущим» [Оруэлл 2019].

Можно предположить, в этом и кроется проблема современного «застоя» в экономике и общественно-политической жизни российского социума. На XX Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в июне 2016 г. американский профессор

Массачусетского технологического института (MIT), ведущий зарубежный учёный в области истории советской и российской науки Лорэн Грэхм [Грэхэм 1991] на вопрос Г.О. Грефа «сможет ли Россия конкурировать?» дал развёрнутый ответ, чего не хватает России, чтобы начать зарабатывать на своих инновационных идеях.

Так он сказал: «Руководители России пытаются провести модернизацию, но, к сожалению, в русле своих предшественников (царей и советских руководителей) они пытаются отделить технологию от социо-политических систем... Они перекашивают правовую систему в своих целях, они подписывают законы, которые обвиняют русских, которые сотрудничают в научных разработках с другими и они поддерживают авторитарные режимы. Такого рода политика не может привести к развитию общества, где процветают рискованные предприниматели и инноваторы. Такая политика может привести только к возникновению общества, где люди втягивают голову в плечи, опасаясь быть наказанными» [Грэх 2016: 6].

Беда бывших комсомольских функционеров была в том (как и многих сегодняшних политдеятелей) – это бюрократический подход в работе, нежелание, неумение аппаратчиков искать и использовать инициативу снизу, боязнь даже формально исказить «генеральную линию партии». То есть они до сих пор «втягивают голову в плечи, опасаясь быть наказанными».

Сторонники «вертикали власти», «суверенной демократии» (при Ленине это называлось «демократическим централизмом», в эпоху Брежнева «командно-административная система») утверждают, что «вертикаль власти» и привела современное российское общество к «стабильности», «поступательному развитию».

Оппоненты нередко говорят, что на самом деле в РФ сложился авторитаризм «благодаря» узкому «ближнему кругу» Президента РФ (при Ельцине называли – «семья Ельцина»), который опирается на армию и журналистов-пропагандистов центральных и региональных СМИ.

Так называемая новая «либеральная элита» постсоветской России (бывшие воспитанники ВЛКСМ и КПСС те же Гайдар, Чубайс и К^о) вряд ли могут называться «либералами» в классическом понимании этого слова. «Либеральной блок» в современной России тоже вроде как существует. Иногда даже в него «записывают» и председателя ЦБ РФ Э.С. Набиуллину. Её однокурсник, глава Центра развития ВШЭ С.В. Алексашенко вспоминал о ней: «...стипендиатка Карла Маркса, любившая марксистско-ленинскую политэкономия, свято верившая в идеалы коммунизма, один из первых студентов, принятых в партию у нас на курсе...» [Бельченко 2010: 16]

Но после начала спецоперации по демилитаризации и денацификации на Украине российский рубль значительно укрепился по отношению к доллару и евро, при этом цены в РФ на товары, покупаемые за валюту, почему-то не снизились. Э.С. Набиуллина данный «феномен» не прокомментировала.

Председатель ЦБ РФ явно должна была и проконсультировать Президента РФ о последствиях расчёта за российский экспорт в иностранной валюте на рубли (для «недружественных стран»). Пока же можно вновь вспомнить нашего Михаила Салтыкова-Щедрина, его едкий афоризм: «Это не страшно, если за рубль российский в Европе полтинник дадут. Вот страху-то будет, когда за него в зубы получишь».

Про «журналистов-пропагандистов» говорит много не надо. Почти про них писал тот же Салтыков-Щедрин: «Многие не видят различия между понятиями «Отечество» и «их превосходительство», или ещё его же: «Что-то заговорили о патриотизме. Наверное, опять проворовались». Тем не менее, следует повториться, не чиновники и учёные-обществоведы «втянувшие голову в плечи, опасаясь быть наказанными» и не пропагандисты от масс-медиа авторы авторитарного режима, а именно российский народ *детерминировал* нынешнюю власть. В России исторически сложилось, что роль личности (главы государства) играет большое значение. Хотя роль личности в истории довольно ограничена, но большому счёту *народ всегда детерминирует власть*.

«Запрос» народа после всех унижений 90-х гг. (задержка зарплат, потеря вкладов, тревога за будущее детей) на жёсткого, злопамятного, мстительного (воздаёт по «заслугам» вора и мошенникам) и быстрого на расправу «лидера» был на лица.

Унижение народа наблюдалось и с точки зрения геополитики. Распад «великой державы» СССР, «предательские» беловежские соглашения в массовом сознании «перевесили» всеобщий советский «дефицит», «гулаг», «железный занавес». Неслучайно «крымнаш» как ключевое слово популярно с весны 2014 г. и «обнуление» президентских сроков (практика пересмотра конституционных ограничений) в 2020 г. в РФ прошло на «ура» (за внесение поправок в Основной закон проголосовали 77,92 %, против выступили 21,27 % участников референдума).

Несмотря на то, что народ «детерминирует власть» на определённом историческом этапе, нередко впоследствии об этом и жалеет. Так на парламентских выборах 5 марта 1933 г. в Германии нацисты показали блестящие результаты, то есть Гитлер и нацисты пришли к власти в рамках законных процедур, о чём голосовавшие за них немцы очень жалели после 1945 г. Немцы об этом не только жалели, но и молчали, когда их спрашивали представители молодого поколения постфашистской Германии: почему они голосовали за Гитлера и его партию? Данное послевоенное поколение немцем так и вошло в историю как «молчащее поколение».

При этом вопрос нужно рассматривать намного шире, который можно трактовать как *ответственность элит*. Прежде всего современной российской политической элите и особенно представителям общественных наук нужно честно ответить на вопрос: что такое коммунизм как учение или как идеология. *На заседании в Страсбурге 19 сентября 2019 г. Европарламент принял резолюцию, по которой приравнял фашизм и коммунизм.*

Данный вопрос (о тождестве коммунизма и фашизма) поднимали и ранее представители социально-политических и гуманитарных наук, но только за рубежом. В частности, нобелевский лауреат по экономике Фридрих фон Хайек (1899–1992) [Хайек 2005: 49–55] и профессор русской истории Гарвардского университета Ричард Пайпс (1923–2018) [Пайпс 1993] видели сходство между СССР и нацистской Германией, даже считали их «родственными политическими режимами», то есть тоталитарными режимами (включал ещё и Италию при Муссолини), которых объединяло отрицание демократии и прав человека [Пайпс 2005].

Главы ведущих экономик мира тоже нередко высказывали свою точку зрения о коммунизме. Известное словосочетание в СССР как «Империи зла» впервые было публично использовано Рональдом Рейганом в его знаменитой речи перед Национальной ассоциацией евангелистов США 8 марта 1983 года. Говоря о христианских ценностях, американский президент как пример их отрицания привёл СССР, назвав советский режим аморальным и разрушительным. «Я верю, что коммунизм – это очередной печальный и странный период истории человечества, последняя страница которого пишется сейчас».

В новой России, на словах приняв «христианские ценности», бывшие «прозревшие» атеисты начинают рассуждать чуть ли не об идентичности христианского и коммунистического мировоззрения, как следствие, – требуют бережного к ним отношения. По сути же, у данных «учёных» срабатывает инстинкт самосохранения. Или, если верить французскому философу, социологу П. Бурдьё, человеку «на склоне лет жизни своей» требуется более всего, – *признания*.

Принятая «официальная» точка зрения о том, что распад СССР – это «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века» затрудняет делать объективный научный анализ истории СССР. Историк и (культур) философ В.К. Кантор в публичной лекции «Империя как европейская идея» в рамках проекта «ACADEMIA» (лекция 1, лекция 2, телеканал «Культура», эфир 27–28 сентября 2011 г.) высказал мнение, что время существования СССР следуют делить на два периода: 1917–1953 гг. – «деспОтия» (в лекции он несколько раз делал ударение на второй слог – *прим.авт.*) и 1953–1991 гг. – «советская империя».

Если согласиться с данной периодизацией, то о каком развитии социально-политических и гуманитарных наук можно говорить в эпоху деспотии и империи? «Советские» общественные науки должны были безоговорочно «научно обосновывать» форсированную индустриализацию, сплошную коллективизацию (уничтожение крестьянства как класса, источника предпринимательства, креативности), ввод войск в Венгрию (1956 г.), Чехословакию (1968 г.), Афганистан (1979 г.)

К сожалению, и в XXI в. российское научное сообщество в массе своей молчит по поводу «идентичности» христианских (религиозных) и коммунистических ценностей, молчит оно и по поводу упомянутой резолюции Европарламента от 19.09.2019 г. приравнявшей фашизм и коммунизм.

Это и объяснимо, так как научная истина не ограничивается религиозным или художественным термином «покаяние», по аналогии скажем с замечательным фильмом-притчей 1984 г. «Покаяние» Т.Е. Абуладзе. Здесь только оговоримся, – для тех же изуверских религиозных сект («скопцы» и т.п.) никакое «покаяние» неприемлемо, – суд и тюрьма.

Научная истина всегда требует её воплощения (общественной практики) и в случае признания «правоты» указанной резолюции о фашизме и коммунизме, потребуются и принятие закона о люстрации, по которому многие политики и учёные-обществоведы РФ просто лишатся своей работы. Известный немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889–1976), после прихода к власти нацистов в 1933 г. сразу к ним присоединился, состоял в НСДАП и был назначен ректором Фрайбургского университета. В 1946 г. Хайдеггера, во время проводившейся денацификации лишили права преподавать и статуса «почётного преподавателя» (право на преподавание ему восстановили в 1951 г.)

Заключение

Надежда на политическую и научную российскую элиту, осознание ей ответственности перед страной, остаётся. Политическую волю и гражданское мужество проявить никогда не поздно, и не хотелось бы, чтобы сбывалось предсказание советского и российского экономиста Н.П. Шмелёва о том, что «Россия станет Европой только через три поколения» [Николай Шмелёв... 2010: 2]. Будем надеяться и на нынешнее поколение учёных в решении этого сложного вопроса.

Список литературы

1. Андреев Н. Карл Маркс: «Разрушить Севастополь... Захватить Крым... Оккупировать Одессу...» // Родина. 2018. № 5 (май). С. 68–73.
2. Бельченко В. Человек в футляре // Огонёк. 2010. № 9. 8 марта. С. 16.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: Умса Press, 1990. 160 с.
4. Борис Пастухов: «Молодёжь сегодня бесхозная» // Собеседник. 2018. № 42 (1728). 31 октября – 6 ноября. С. 7.
5. Валентин Ермолов «Комсомол нас учил созиданию...» // Звезда. Пермь. 2018. № 122 (32879). 1 ноября. С. 4.
6. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 440 с.
7. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. П.: Политиздат, 1991. 480 с.
8. Грэх Л. Вам нужно молоко без коровы! // Аргументы недели. 2016. № 24 (515). 23 июня. С. 6.
9. Дашичев В.И. Как и почему был разрушен Советский Союз // Социально-гуманитарные знания. Научно-образовательное издание. 2014. № 2. С. 206–219.
10. Зорькин В. Суд скорый, правый и равный для всех: Судебная реформа Александра II: уроки для правового развития России // Российская газета. 2014. 26 сентября.
11. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М.: Интерпрас, 2000. С. 71–76.
12. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
13. Крыштановская О.В. Финансовая олигархия в России // Известия. 1996. 10 января.

14. Куприянов Д. Гроза Белого дома // Загадки истории. 2018. № 43. С. 8–9.
15. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма. ПСС, 5-е изд. М., 1968. Т. 23. С. 40–48.
16. Маркс К. 18-е брюмера Луи Бонапарта. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. 639 с.
17. Менжинский В.Р. О Дзержинском // Правда. 1927. 20 июля.
18. На «Азоте» выпущен альбом к 100-летию ВЛКСМ // Неделя.ru (Березники). 2018. № 38 (641). 2 ноября. С. 2.
19. Николай Шмелёв: «Россия станет Европой через три поколения» // Аргументы Недели. 2010. 13 января. С. 2.
20. Оруэлл Дж. (1999) 1984 / Пер. с англ. В. Голышева. М.: Изд-во АСТ, 2019. 318 с.
21. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 477 с.
22. Пайпс Р. Русская революция. Россия под большевиками. 1918-1924 (Russia Under the Bolshevik Regime: 1918–1924). М.: Захаров, 2005. 704 с.
23. Пальникова Ю. Комсомол – в моей судьбе // Березники вечерние. 2018. № 43 (1327). 31 октября. С. 1, 4.
24. Пермский комсомол // Сборник документов, воспоминаний и очерков по истории комсомола в Пермском крае. К 100-летию ВЛКСМ / предс. Ред кол. С.В. Неганов: науч. ред. В.П. Мохов. Пермь: 2018. 800 с.: ил.
25. Пожидаев А.А. Превращение ВЧК в «Боевой отряд партии» // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 4. С. 45–48.
26. Попов В. Закат плановой экономики. Почему советская модель потеряла динамизм в 1970-1980-е годы // Эксперт. Специальный выпуск. 2009. № 1 (640). С. 77–90.
27. Рудаков В. Девять – ноль в пользу Истории (интервью с А.О. Чубарьяном) // Журнал «Историк». Москва. 2021. № 10 (82). Октябрь 2021. С. 66–73.
28. Ручкин Б.А. Комсомольская элита в советский и постсоветский периоды развития страны [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/6/Ruchkin_Komsomol_Elite/#_ednref26 (дата обращения: 05.08.2022).
29. Статистический ежегодник России // Население России и других государств (без их колоний). 1913. Издание ЦСК МВД. СПб., 1914.
30. Фиалкина Ю. Молодость в музейной «упаковке» // Metallurg (Березники). 2018. № 43 (4036). 2 ноября. С. 5.
31. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
32. Timothy J. Colton. Yeltsin: A Life. New York, 2008. 666 p.

References

1. Andreev N. Karl Marks: «Razrushit' Sevastopol'... Zakhvatit' Krym... Okkupirovat' Odessu...» [Karl Marx: "Destroy Sevastopol... Capture the Crimea... Occupy Odessa..."]. *Rodina*. 2018, no. 5 (May), pp. 68-73. (In Russ.).
2. Bel'chenko V. Chelovek v futlyare [Man in a case]. *Ogonek*. 2010, no. 9, Martha 8, p. 16. (In Russ.).
3. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. Parizh, Umsa Press, 1990, 160 p. (In Russ.).
4. Boris Pastukhov: «Molodezh' segodnya beskhoznaya» [Boris Pastukhov: "Young people today are ownerless"]. *Sobesednik*. 2018, no. 42 (1728), October 31 - November 6, p. 7. (In Russ.).
5. Valentin Ermolov «Komsomol nas uchil sozidaniyu...» [Valentin Yermolov "Komsomol taught us to create..."]. *Zvezda*. Perm', 2018, no. 122 (32879), November 1, p. 4. (In Russ.).
6. Gaidar E.T. Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoi Rossii [The death of an empire. Lessons for modern Russia]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2006, 440 p. (In Russ.).
7. Grekh L.R. Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze [Natural science, philosophy and the sciences of human behavior in the Soviet Union]. Politizdat, 1991, 480 p. (In Russ.).
8. Grekh L. Vam nuzhno moloko bez korovy! [You need milk without a cow!]. *Argumenty nedeli*. 2016, no. 24 (515), June 23, p. 6. (In Russ.).

9. Dashichev V.I. Kak i pochemu byl razrushen Sovetskii Soyuz [How and why the Soviet Union was destroyed]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. Nauchno-obrazovatel'noe izdanie*. 2014, no. 2, pp. 206-219. (In Russ.).
10. Zor'kin V. Sud skoryi, pravyi i ravnyi dlya vsekh: Sudebnaya reforma Aleksandra II: uroki dlya pravovogo razvitiya Rossii [The court is fast, right and equal for all: Judicial reform of Alexander II: lessons for the legal development of Russia]. *Rossiiskaya gazeta*. 2014, September 26. (In Russ.).
11. Inozemtsev V.L. Predely «dogonyayushchego» razvitiya [Limits of "catching up" development]. Moscow, Interpras, 2000, pp. 71-76. (In Russ.).
12. Kryshantovskaya O.V. AnATOMIYA rossiiskoi elity [Anatomy of the Russian elite]. Moscow, Zakharov, 2005, 384 p. (In Russ.).
13. Kryshantovskaya O.V. Finansovaya oligarkhiya v Rossii [Financial oligarchy in Russia]. *Izvestiya*. 1996, January 10.
14. Kupriyanov D. Groza Belogo doma [Storm of the White House]. *Zagadki istorii*. 2018, no. 43, pp. 8-9. (In Russ.).
15. Lenin V.I. Tri istochnika i tri sostavnykh chasti marksizma [Three sources and three components of Marxism]. PSS, 5th edition, Moscow, 1968, vol. 23, pp. 40-48. (In Russ.).
16. Marks K. 18-e bryumera Lui Bonaparta. Marks K. i Engel's F. [18th Brumaire Louis Bonaparte. Marx K. and Engels F]. *Sochineniya*. Moscow, Politizdat, 1957, vol. 8. 639 p. (In Russ.).
17. Menzhinskii V.R. O Dzerzhinskom [About Dzerzhinsky]. *Pravda*, 1927, July 20. (In Russ.).
18. Na «Azote» vypushchen al'bom k 100-letiyu VLKSM [Azot released an album dedicated to the 100th anniversary of the Komsomol]. *Nedelya.ru (Berezniki)*. 2018, no. 38 (641), November 2, p. 2. (In Russ.).
19. Nikolai Shmelev: «Rossiya stanet Evropoi cherez tri pokoleniya» [Nikolai Shmelev: "Russia will become Europe in three generations"]. *Argumenty Nedeli*. 2010, January 13, p. 2. (In Russ.).
20. Oruell Dzh. (1999) [Orwell J. (1999)]. 1984, Moscow, Izd-vo AST, 2019, 318 p. (In Russ.).
21. Paips R. Rossiya pri starom rezhime [Russia under the old regime]. Moscow, Nezavisimaya gazeta, 1993, 477 p. (In Russ.).
22. Paips R. Russkaya revolyutsiya. Rossiya pod bol'shevikami. 1918-1924 (Russia Under the Bolshevik Regime: 1918–1924) [Russian revolution. Russia under the Bolsheviks. 1918-1924 (Russia Under the Bolshevik Regime: 1918–1924)]. Moscow, Zakharov, 2005, 704 p. (In Russ.).
23. Pal'nikova Yu. Komsomol - v moei sud'be [Palnikova Yu. Komsomol is in my destiny]. *Berezniki vechernie*. 2018, no. 43 (1327), October 31, pp. 1, 4. (In Russ.).
24. Permskii komsomol [Perm Komsomol]. *Sbornik dokumentov, vospominanii i ocherkov po istorii komsomola v Permskom krae. K 100-letiyu VLKSM*. Perm', 2018, 800 p.: il. (In Russ.).
25. Pozhidaev A.A. Prevrashchenie VChK v «Boevoi otryad partii» [The transformation of the Cheka into the "Combat Detachment of the Party"]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 2008, no. 4, pp. 45-48. (In Russ.).
26. Popov V. Zakat planovoi ekonomiki. Pochemu sovetskaya model' poteryala dinamizm v 1970-1980-e gody [Decline of the planned economy. Why the Soviet Model Lost Dynamism in the 1970s and 1980s]. *Ekspert. Spetsial'nyi vypusk*. 2009, no. 1 (640), pp. 77-90. (In Russ.).
27. Rudakov V. Devyat' - nol' v pol'zu Istorii [Nine - zero in favor of History]. *Zhurnal «Istoriik»* Moscow, 2021, no. 10 (82), October 2021, pp. 66-73. (In Russ.).
28. Ruchkin B.A. Komsomol'skaya elita v sovetskii i postsovetskii periody razvitiya strany [Komsomol elite in the Soviet and post-Soviet periods of the country's development]. *Informatsionnyi humanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. 2010, no. 6. (In Russ.). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/6/Ruchkin_Komsomol_Elite/#_ednref26 (accessed: 05.08.2022).
29. Statisticheskii ezhegodnik Rossii [Statistical Yearbook of Russia]. *Naselenie Rossii i drugikh gosudarstv (bez ikh kolonii)*. 1913, Izdanie TsSK MVD, Saint Petersburg, 1914. (In Russ.).
30. Fialkina Yu. Molodost' v muzeinoi «upakovke» [Youth in a museum "package"]. *Metallurg (Berezniki)*. 2018, no. 43 (4036), November 2, p. 5. (In Russ.).
31. Khaiek F. Doroga k rabstvu [Road to slavery]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2005, 264 p. (In Russ.).
32. Timothy J. Colton. Yeltsin: A Life. New York, 2008. 666 p.

Информация об авторе

В.В. Шилов – кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой общенаучных дисциплин,
Березниковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета.

Information about the author

V.V. Shilov – Ph.D. (History), Associate Professor,
Head of the Department of General Scientific Disciplines,
Berezniki branch of Perm National Research Polytechnic University.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 21.09.2022

The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for
publication 21.09.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 41–50.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 7. P. 41-50.

Научная статья
УДК 81'0
doi: 10.24412/2713-0231-2022-7-41-50

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В КРУГЕ ОБЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ ЧЭНЬЮЙ)

Юлия Евгеньевна Арекеева

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, izh4yu@gmail.com

Аннотация. Активный рост политических, научных, экономических контактов между Россией и Китаем обусловил большой интерес к исследованиям, посвященным изучению китайской лингвокультуры и национальному своеобразию китайцев. Изучение основополагающей культурно-когнитивной категории сознания, бинарной оппозиции «Свой – Чужой», и ее репрезентации во фразеологической системе китайского языка способствует укреплению взаимопонимания между нашими странами, поскольку находит отражение в стратегиях общения китайцев и чертах их поведения. В настоящей статье предлагается рассмотрение сущности оппозиции «Свой – Чужой» сквозь призму категории человеческих отношений, участники которой категоризируют окружающий мир, проводя границу между своим (близким, родным, понятным) и чужим (далеким, неизвестным). Результаты анализа концептуализации оппозиции «Свой – Чужой» представлены на материале китайских чэньюй, описывающих круг общения человека, исследуемый материал взят из словарей китайских чэньюй. К исследованию привлекались лексические единицы – собственно термины родства/свойства и отношений между людьми, чэньюй с данными компонентами, природу которых составляет противопоставление «Свой – Чужой», текстовые фрагменты из произведений художественной литературы, содержащие рассматриваемые единицы, на китайском языке. В результате работы с данными словарей были исследованы 219 чэньюй, более 800 контекстов из базы Корпуса китайского языка Пекинского Университета и Корпуса современного китайского языка. С целью классификации материала, полученного в результате изучения языковых данных, разработаны семантические модули, актуализирующие оппозицию «Свой – Чужой» в китайских чэньюй с компонентами терминов круга общения человека, и конкретизирующие их дифференциальные признаки.

Ключевые слова: фразеологизм, чэньюй, китайский язык, оппозиция «Свой – Чужой», семантический модуль, дифференциальные признаки.

Для цитирования: Арекеева Ю.Е. «Свои» и «чужие» в круге общения человека (на примере китайских чэньюй) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 41–50. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-41-50>

Original article

«FRIENDS» AND «FOES» IN A PERSON'S SOCIAL CIRCLE (BASED ON THE EXAMPLE OF CHINESE CHENGYU)

Yuliya E. Arekeeva

Udmurt State University, Izhevsk, Russia, izh4yu@gmail.com

Abstract. The active growth of political, scientific, economic contacts between Russia and China has led to great interest in the study of Chinese linguistic culture and the national identity of the Chinese. The study of the fundamental cultural-cognitive category of consciousness, the binary opposition «Friend – Foe», and its

representation in the phraseological system of the Chinese language contributes to the strengthening of mutual understanding between our countries, as it is reflected in the communication strategies of the Chinese and the features of their behavior. This article proposes to consider the essence of the opposition «Friend – Foe» through the prism of the category of human relations, whose participants categorize the world around them, drawing a line between their own (close, dear, understandable) and alien (distant, unknown). The results of the analysis of the conceptualization of the opposition «Friend – Foe» are presented on the base of the material of Chinese chengyu, describing the circle of communication of a person, the material under study is taken from the dictionaries of Chinese chengyu. The study involved lexical units – the terms of kinship/property and relations between people, chengyu with these components, the nature of which is the opposition «Friend – Foe», text fragments from works of fiction containing the units in question, in Chinese. As a result of working with dictionary data, 219 chengyu, more than 800 contexts from the base of the Chinese Language Corpus of Peking University and the Corpus of Modern Chinese were studied. In order to classify the material obtained as a result of the study of language data, semantic modules have been developed that actualize the opposition «Friend – Foe» in Chinese chengyu with components of the terms of a person's social circle, and specify their differential features.

Keywords: phraseological unit, chengyu, Chinese language, opposition «Friend – Foe», semantic module, differential features.

For citation: Arekeeva Yu.E. «Friends» and «Foes» in a person's social circle (based on the example of Chinese chengyu). Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;7:41-50. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-41-50>

Введение

В последнее время наблюдается активный рост политических, научных, экономических контактов между Россией и Китаем, все сильнее ощущается необходимость выстраивания гармоничных взаимоотношений и качественно нового понимания особенностей дружественного нам сообщества. Реализации этого направления способствует развитие лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и других направлений лингвистики. В центре внимания наук когнитивного цикла находятся разнообразные проблемы, связанные с репрезентацией знаний, моделированием как познавательным механизмом, исследованием информационных процессов, изучением метафоры и др. Особая роль в этих процессах отводится когнитивной лингвистике (составляющей, по оценке специалистов, вместе с когнитивной психологией и когнитивной социологией ядро когнитивной науки), которая участвует в познании человеческого разума и интеллекта, немислимых без языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи [Ивашкевич 2021: 34].

Во второй половине XX в. на место господствующей системно-структурной парадигмы в языкознании приходит антропоцентрический подход, рассматривающий взаимосвязь языка и культуры, взаимодействие человека и внешнего мира [Арутюнова 1999; Вежбицкая 1996; Попова 2002; Кубрякова 1995].

В рамках антропоцентрического подхода осуществляется рассмотрение содержания оппозиции «Свой – Чужой» как одной из системообразующих и фундаментальных основ человеческой картины мира. Ее истоки восходят к древнейшим процедурам членения мира на «Свое» и «Чужое», характерным еще для древнейшего человека. По мысли Ю. С. Степанова, оппозиция «Свой – Чужой» пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения [Степанов 2001: 473].

В исследовании предлагается рассмотрение сущности оппозиции «Свой – Чужой» сквозь призму категории человеческих взаимоотношений, представители которой структурируют окружающий мир, проводя границу между своим (близким, родным, понятным) и чужим (далеким, неизвестным). Исследование выполнено на материале китайских чэньюй, которые содержат термины, описывающие отношения между людьми. Под чэньюй мы вслед за З.И. Барановой понимаем устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения [Баранова 1969: 98]. К

исследованию привлекались лексические единицы – собственно термины родства/свойства и отношений между людьми, чэньюй с данными терминами-компонентами, природу которых составляет противопоставление «Свой – Чужой», текстовые фрагменты из произведений художественной литературы, содержащие рассматриваемые единицы, на китайском языке.

Главным источником собранной нами картотеки послужили 汉语大辞典 Hànyǔ dàcídiǎn «Большой словарь китайского языка» [БСКЯ], 大 БКРС [БКРС] и 成语宝典 Chéngyǔ bǎodiǎn «Собрание чэньюй» [СЧ]. Полученный материал исследования систематизирован по семантическим модулям. В качестве методов использовались метод направленной выборки, описательный метод, корпусный анализ, контекстуальный анализ.

Основная часть

Язык – самое экономное средство получения, накопления и обобщения информации, уникальный механизм сохранения и передачи «коллективной памяти», эксплицированной в слове. Каждый народ по-своему членит многообразие мира, по-своему называет эти фрагменты мира. Носители языка наполняют языковые единицы тем содержанием, которое диктуется им структурами мира и деятельности людей, отложившимися в их голове как концептуальные структуры сознания.

Категоризация мира посредством бинарных оппозиций, скрытых в области человеческого бессознательного, является основой языкового сознания, обеспечивающей межпоколенную передачу культурной информации. Согласно мысли Ю.М. Лотмана, бинарность является обязательным законом построения реальной семиотической системы [Лотман 1996: 164]. Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»). При этом внутреннее пространство обладает индивидуальностью и определяется как «наше», «свое», «безопасное». Ему противостоит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное» [там же: 175].

Изначально понятия «Свой» и «Чужой» составляли единое целое – среду обитания человека. Однако в результате категоризации жизненного пространства, развития мышления индивида бинарная модель мира усложняется и разрастается до многоуровневых связей человека с обществом: родственных, языковых, профессиональных, этнических и других. В современной культурной коммуникации категория «Свой – Чужой» репрезентируется как самоотнесение субъекта к определенной социальной группе, понимаемой как «свои», и отделение себя от общности, определяемой субъектом как «чужие». В оппозиции «Свой – Чужой» на примере отношений между людьми как важнейшей составляющей китайской культуры выявляются лингвокультурные маркеры, способствующие проведению границ между концептами.

При исследовании границы между человеком и окружающим его миром мы воспользовались разработанной К. Левиним теорией поля. Под полем подразумевается «жизненное пространство» индивида, состоящее из человека и психологической окружающей среды, как она существует для него [Левин 2000: 11]. Опираясь на топологическое изображение жизненного пространства, представим сферу отношений индивида с другими людьми в форме овалов (см. Рис. 1):

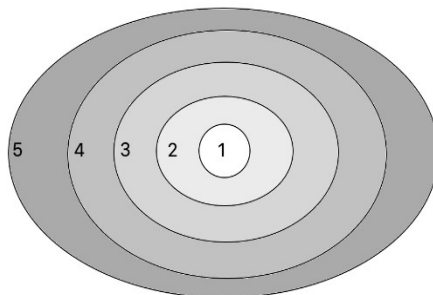

Рис. 1. Схема организации отношений индивида с другими людьми

В центре схемы под номером 1 находится круг, представляющий собой внутренний мир индивида, его личное пространство. Это часть человеческой личности, которая осознаётся как «Я» и находится в контакте с окружающим миром. В сфере жизненного пространства человека находится семья (2), друзья (3) и знакомые (4). Граница отделяет свой круг общения от чужих, незнакомых людей (5). Таким образом, отношения со «своими» включают внутренний мир индивида, отношения кровного и свойственного родства, близкий и дальний круг общения. «Чужими» предстают незнакомые, далекие, враждебно настроенные лица.

Изучение языка предполагает анализ постижения фрагментов действительности – языковой картины мира, в нашем случае – выявление специфики семантики отношений между людьми в китайском языке. В этом процессе особая роль принадлежит фраземике, вербализующей те или иные аспекты бинарных отношений внутри оппозиции. Лексика и фразеология, описывая базовые признаки окружающих явлений и эксплицируя «скрытые» знания об элементах национальной культуры, моделируют фрагменты языковой картины мира. Фразеологические единицы содержат в себе богатый лингвокультурологический потенциал: они отражают ментальность народа, его образ жизни, специфическое миропонимание. Изучение их роли в формировании концептосферы играет важную роль в установлении механизмов создания фразеологической картины мира, проявляемой через культурные маркеры «Своего» и «Чужого».

Объектом нашего рассмотрения становятся китайские чэньюй с терминами, описывающими связи между людьми, использование которых предполагает опредмечивание в языковом значении отобранных фразеологических единиц элементов оппозиции «Свой – Чужой». Оппозиция «Свой – Чужой» в языковом выражении представлена компонентами кровного родства и свойства («отец/мать», «сын/дочь», «брат/сестра», «муж/жена» и т. п.), близкого круга общения («друг», «сосед», «коллега» и т. п.), дальнего круга общения («знакомый», «приятель» и т. п.). «Свой» люди описываются фразеологизмами с указанными терминами как родные, знакомые, безопасные, надежные. Понятие «Чужого» (вне круга общения) включает в себя такие компоненты, как «незнакомец», «посторонний», «враг».

Нами были выделены общие признаки оппозиции «Свой – Чужой», объективируемые фразеологизмами в китайском языке. В работе вводится понятие «семантический модуль», который позволяет нам актуализировать подсистемы. Впервые использованный в диссертации Е.О. Зубаревой, термин «семантический модуль» определен как отдельно оформленный элемент структуры микрополя, состоящий из лексических единиц, отражающих конкретный компонент значения [Зубарева 2019: 48].

В результате работы с данными словарей нами были проанализированы 219 чэньюй, более 800 контекстов из базы Корпуса китайского языка Пекинского университета и Корпуса современного китайского языка. С целью классификации материала, полученного в результате изучения данных корпусов, разработаны семантические модули, актуализирующие оппозицию «Свой – Чужой» в китайских чэньюй с компонентами терминов круга общения человека.

1. Семантический модуль СЕМЕЙНОЕ СОСТОЯНИЕ.

Под семейным состоянием понимается положение человека в демографической структуре семьи, данный термин указывает, входит ли человек в семью и какое место занимает среди других ее членов [ДЭС]. Актуализация оппозиции «Свой – Чужой» в данном семантическом модуле происходит за счет детализации признаков *члены семей – одинокие лица*.

Чэньюй 指腹为亲 zhǐ fù wéi qīn (букв. «Подушечки пальцев породнились») означает «брак по договорённости», «брачный договор на ребенка, заключенный во время беременности» [БСКЯ]. В древности подобный тип вступления в брак был очень распространен: обе стороны заключают брачный контракт, когда и жених, и невеста находятся в утробе матери.

此女囚，姓那，是清雍正年间翰林院大学士之女，在她出生前父与律部尚书大人的夫人曾指腹为亲 [BCC].

Эта заключенная женщина по фамилии На была дочерью ученого Императорской Академии во времена правления императора Юнчжэна из династии Цин. Еще до рождения ее отец и жена магистрата Министерства юстиции **были обручены** (Пер. – Ю.А.).

Противоположный по смыслу чэньюй 旷夫怨女 kuàng fū yuàn nǚ (букв. «Холостяки и старые девы») описывает мужчин и женщин, которые не вступили в брачные отношения [БСКЯ].

我不知道这两个“黑话”的语源，但我能感到旷夫怨女们那一份阴冷的心态 [CCL].

Я не знаю этимологии этих двух «сленговых слов», но я чувствую в них мрачное душевное состояние **неженатых людей** (Пер. – Ю.А.).

2. Семантический модуль ПОДДЕРЖКА

Поддержка интерпретируется в словарях как помощь, содействие [ТСРЯ]. Противопоставление «своего» и «чужого» в рамках семантического модуля реализуется в дифференциальных признаках *наличие общения – отсутствие общения*.

Рассмотрим пару чэньюй, объективирующих оппозицию «Свой – Чужой» в семантическом модуле «Поддержка». Чэньюй 六亲无靠 liù qīn wú kào (букв. «Шесть родственников, не на кого положиться») имеет значение «лишённый поддержки родных и друзей, одинокий, сиротливый» [БКРС].

她看得出他是对女人说惯了谎的。她不能不当心——她是个六亲无靠的人。她只有她自己了 [BCC].

Она видела, что он привык лгать женщинам. Она не могла позволить себе быть беспечной – она из тех, кому **не на кого положиться**. У нее есть только она сама (Пер. – Ю.А.).

Второй чэньюй из антонимической пары *наличие общения – отсутствие общения*, 亲如一家 qīn rú yī jiā (букв. «Близки, как одна семья») описывает очень близкие и доверительные отношения между людьми, готовность прийти на выручку и поддержать в любой ситуации [БСКЯ].

由于大龙乡卫生院的这种与病患亲如一家的“朋友式”服务，取得了病人及病人家属的信任 [BCC].

Благодаря «дружескому», **как в семье**, обслуживанию, больница поселка Далун, завоевала доверие пациентов и их семей (Пер. – Ю.А.).

3. Семантический модуль КУМОВСТВО

Кумовство определяется как служебное покровительство своим друзьям, родственникам в ущерб делу [ТСО]. В основе рассматриваемого семантического модуля лежат антонимические пары *корыстные интересы – непредвзятость*.

Чэньюй 攀亲道故 pān qīn dào gù (букв. «Набиваться в родственники, говорить о стародавней дружбе») означает «стараться завязать связи», «продвигаться по социальной лестнице через старых друзей», «пристраиваться к кому-либо» (Пер. – Ю.А.). Как правило, использование этого чэньюй связано с описанием отношений с людьми, занимающими высокое положение в обществе, извлечением выгоды из такого знакомства.

你这小子是刚出道的雏儿吗？我们在这里“剪径”，难道你以为我是要和你攀亲道故么？（梁羽生《风云雷电》第十五回） [БСКЯ].

Ты, паренек, только-только начавший карьеру птенец? Мы тут «разбойничаем», неужели ты думаешь, что я буду с тобой общаться? (Лян Юйшэн, «Буря и гром», 15 глава) (Пер. – Ю.А.).

Антонимичный чэньюй 至人无亲 zhì rén wú qīn (букв. «Совершенные люди не имеют родственников») имеет значение «люди с высоким нравственным воспитанием ко всему относятся одинаково, нет разницы между близкими и далекими людьми» [БСКЯ]. Впервые встречается в даосском трактате «Чжуан-цзы», названном по имени автора (369–286 гг. до н. э.):

“庄子曰：‘至人无亲。’”

«Чжуан-цзы сказал: «У святого нет предпочтений»» (Пер. – Ю.А.).

4. Семантический модуль ВКУСЫ, ПРИСТРАСТИЯ

Под вкусом понимается способность человека к различению, пониманию и оценке эстетических явлений во всех сферах жизни и искусства [ЭС]. В рассматриваемом семантическом модуле можно выделить дифференциальные признаки *наличие вкуса – отсутствие вкуса*.

Чэньюй 逐臭之夫 zhú chòu zhī fū (букв. «Мужчина с особыми пристрастиями») определяется как «человек эксцентричных вкусов» [БКРС]. Этимология фраземы восходит к притче из «Люй-ши чуньцю» («Вёсны и осени господина Люя»), китайского энциклопедического текста эпохи Воюющих царств, созданного в царстве Цинь под патронажем Люй Бувэя в III веке до н. э.: некто был изгнан из семьи за дурной запах, а между тем на чужбине люди восхищались исходящим от него ароматом.

在二千多年的封建社会里，商被列于四民之末，而传统的观念又使人们把企业家仅仅视为猎取利润的逐臭之夫 [CCL].

В феодальном обществе более 2000 лет ведение бизнеса было возможным только самым низшим представителям четырех сословий (служилые, крестьяне, ремесленники, купцы), и традиционная концепция заставляла людей думать, что предприниматель был всего лишь **человеком эксцентричных вкусов**, охотящимся за прибылью (Пер. – Ю.А.).

Чэньюй 庸夫俗子 yōng fū sú zǐ (букв. «Обыватель, мирянин») описывает филистеров, бездарей, обычных людей [БКРС]. Описываемая им категория людей не отличается взыскательным вкусом, довольствуется тем, что имеет, не стремится выделиться из толпы.

然而天下绝大多数是终老病死，这当然属于庸夫俗子了。他们顺其自然，总比那些临终时还要做几句诗，表白自己不怕死的人好些 [CCL]

Однако подавляющее большинство людей в мире умирает от болезней и смерти, и это, конечно, **простые обыватели**. Они лучше тех, кто в конце жизни пишет несколько стихов, в которых утверждает, что не боится смерти (Пер. – Ю.А.).

5. Семантический модуль РОД ЗАНЯТИЙ

Род занятий позиционируется как постоянное занятие, вид деятельности [ТСРЯ]. К данной категории относятся род деятельности, характер работы, специальность. Одними из дифференциальных признаков, репрезентирующих оппозицию «Свой – Чужой» в рассматриваемом семантическом модуле, является пара *воры – честные люди*.

Чэньюй 窥牖小儿 kuī yǒu xiǎo ér (букв. «Ребенок заглядывает в дом из окна») описывает мелких воров, грабителей, нечестных людей. По своему происхождению восходит к трактату «Бо у чжи» («Заметки о множестве вещей») Чжан Хуа (232–300 гг.), писателя, поэта, политического деятеля времен династии Западная Цзинь. Согласно легенде, Дунфан Шо (154–93 гг. до н.э.), китайский придворный учёный, поэт, историк, через окно подглядывал за персиками бессмертия богини Сиванму, одной из наиболее почитаемых в даосском пантеоне, и украл их, а богиня за это прогнала его на время с небес на землю [БКРС].

Чэньюй-антоним 男耕妇织 nán gēng fù zhī (букв. «Мужчины пахут, а женщины ткут») описывает жизнь трудолюбивой, честной фермерской семьи, указывает на разделение мужского и женского труда (Пер. – Ю.А.). Восходит к сборнику Ло Ми (14 июня 1131 г. – 30 марта 1189 г.) «История дорог» – сборник, представляющий собой 47 томов мифологических и исторических произведений, в которых описаны легенды и исторические события, связанные с историей, географией, обычаями древних времен. “男耕女织 · 不夺其时。”

«Мужчины пахут, женщины ткут, не нужно их грабить» (Пер. – Ю.А.).

6. Семантический модуль РЕАЛЬНОСТЬ

Согласно определению, данному в словарях, под реальностью понимается объективно существующее явление, действительность, факт [ТСУ]. Деление на «Свое» и «Чужое» связано с дифференцированием исследуемого модуля на признаки *вымысел – действительность*.

Репрезентирующий первый из пары признак чэньюй 凭虚公子 píng xū gōng zǐ (букв. «Вымышленный молодой господин») имеет значение «вымышленное имя, псевдоним; прикрываться чужим именем» [БКРС]. Он описывает гипотетического человека или предметы, а также голословные, ни на чем не основанные обвинения в адрес других. С данным чэньюй связывают следующую легенду: седьмому императору династии Хань У-ди (156–87 до н. э.) очень понравилась «Ода о Цзы Сюйе», написанная писателем Сыма Сянжу (179–117 до н. э.). В ней рассказывалось о том, что правитель царства Чу велел Цзы Сюю отправиться с визитом к правителю царства Ци. Циский ван в честь его приезда возглавил общенациональную охоту и взял с собой Цзы Сюя. Цзы Сюй из всех сил расхваливал великолепную охоту правителя царства Чу, намеренно унижая правителя Ци, после чего было поднято восстание [БСКЯ].

Антонимический чэньюй 老身长子 lǎo shēn zhǎng zǐ (букв. «Старое тело, взрослый сын») имеет значение «прожитая жизнь», «реальные события жизни», «накопленный опыт». Встречается в стихотворении китайского государственного деятеля, поэта Лу Ю (1125–1210 гг.) «Библиография»:

“老身长子知无憾 · 泛宅浮家苦未能。” [БСКЯ]

«О прожитой жизни не испытываю сожалений, плавучий дом моей семьи не может страдать» (Пер. – Ю.А.).

7. Семантический модуль ФАКТЫ

Факт интерпретируется как действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует [ТСРЯ]. Данный семантический модуль конкретизирует признаками *сплетни – правда*.

一介之夫 yī jiè zhī fū (букв. «Один мужчина») описывает честного, принципиального, непоколебимого человека (Пер. – Ю.А.). Впервые упоминается в «Хоу Ханьшу» («История династии Поздняя Хань») – продолжении исторической хроники «Ханьшу», охватывающей период с 25 по 200 гг. н. э.:

“中世偏行一介之夫，能成名立方者，盖亦乐也。” [БСКЯ]

«В Средние века мужчины могли в одиночку справляться с делами, получить широкую известность, быть лучше всех» (Пер. – Ю.А.).

Второй член антиномической пары, 曾母投杼 zēng mǔ tóu zhù (букв. «Мать под влиянием сплетен») означает, что постоянные слухи о ком-то могут пошатнуть веру в него. По легенде, мать философа и ученика Конфуция Цзэн Шэня (505–436 гг. до н. э.) слышала слух о том, что он убийца, три раза подряд, поверила, что это правда, и прогнала его (Пер. – Ю.А.).

8. Микромодуль ВЕРНОСТЬ

Под верностью понимается стойкость и неизменность в чувствах, отношениях, в исполнении своих обязанностей, долга [ТСРЯ]. Участвуя в категоризации «Своего» и «Чужого», данный семантический модуль детализируется признаками *целомудрие – измена*.

Чэньюй 义夫节妇 yì fū jié fù (букв. «Вдовцы, не вступающие во второй брак, целомудренные женщины») описывает людей высоких принципов, праведных мужей и верных жен (Пер. – Ю.А.).

刚到西递我就被村口的“荆首相”的牌坊所吸引，牌坊是最中国特色的历史产物，它大多是为孝子贤孙、义夫节妇和媛烈女而建造的 [ВСС].

Как только я прибыл в деревню Сиди, меня привлекла арка «премьер-министра Цзин» на въезде, самая историческая вещь с китайской спецификой, в основном построенная для почтительных сыновей, добродетельных внуков, **праведных мужей, верных жен** и мучеников (Пер. – Ю.А.).

Второй участник оппозиции, чэньюй 王八羔子 wángbā gāozǐ (букв. «Щенок рога носца») имеет значение «черепашье отродье, ублюдок» [БКРС] и выражает пренебрежение, неодобрение по отношению к объекту номинации. Фразема используется для описания неверной жены, мужа, или плохого парня. Впервые встречается в романе Лю Э (1857–1909 гг.) «Путешествие Лао Цаня»:

“吴二浪子那个王八羔子，我们在牢里的时候，他同贾大妮子天天在一块儿。”

«Блудный сын У Эра, этот **ублюдок**, когда мы были в тюрьме, он каждый день проводил с девчонкой Цзя Да» (Пер. – Ю.А.).

Заключение

Таким образом, многоаспектность понятий «Свой» и «Чужой» в рамках фразеологии позволяет использовать различные способы решения проблемы актуализации этой оппозиции. Культурно-когнитивная парадигма лингвистического исследования позволяет провести категоризацию объектов, принадлежащих к сферам «Своего» и «Чужого», на основе семантических модулей и детализирующих их антонимических признаков.

Анализ системы средств репрезентации оппозиции «Свой – Чужой» продемонстрировал, что большинство чэньюй, описывающих круг общения человека, выражают теплые, уважительные отношения, которые проявляются через любовь, преданность, почтительность. «Свой» во фразеологизмах китайского языка имеет положительную оценку, при этом «чужой» вербализуется прежде всего во фразеологизмах, содержащих указание на дальность родственных связей, поверхностное знакомство, или описывающих нравственно-этические нормы сообщества.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М: Языки русской культуры, изд. 2-е, испр. 1999. 896 с.
2. Баранова З.И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка: дисс. ... к. филол. н. М., 1969. 234 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Издательство: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Зубарева Е.О. Моделирование концептуального поля «Миграция»: дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2019. 195 с.
5. Ивашкевич И.Н. К вопросу о взаимосвязи между психологическими и языковыми структурами (междисциплинарный подход к проблеме) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 1. С. 33–40.
6. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 1995. С. 144–238.

7. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
10. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. С. 69–77.
11. 大 БКРС Большой китайско-русский словарь. [Электронный ресурс] URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: июнь 2022).
12. 汉语大辞典 Большой словарь китайского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hydc.com/> (дата обращения: май–июнь 2022).
13. Демографический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] URL: <https://demography.academic.ru/> (дата обращения: май–июнь 2022).
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: май–июнь 2022).
15. 成语宝典 Собрание чэньюй. [Электронный ресурс] URL: <https://chengyu.duwenz.com/> (дата обращения: май–июнь 2022).
16. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: май–июнь 2022).
17. Энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (дата обращения: май–июнь 2022).
18. 北京大学汉语语料库 Корпус китайского языка Пекинского университета. [Электронный ресурс] URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: май–июнь 2022).
19. 汉语语料库 Корпус современного китайского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: май–июнь 2022).

References

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. M: Yazyki russkoi kul'tury, 2 edition, 1999. 896 p. (In Russ.).
2. Baranova Z.I. Chen"yui kak razryad frazeologizmov kitaiskogo yazyka [Chengyu as a category of phraseological units of the Chinese language]. PhD thesis. Moscow, 1969, 234 p. (In Russ.).
3. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Izdatel'stvo Russkie slovari, 1996, 416 p. (In Russ.).
4. Zubareva E.O. Modelirovanie kontseptual'nogo polya «Migratsiya» [Modeling the conceptual field "Migration"]. PhD thesis. Perm', 2019, 195 p. (In Russ.).
5. Ivashkevich I.N. K voprosu o vzaimosvyazi mezhdu psikhologicheskimi i yazykovymi strukturami (mezhdistsiplinaryni podkhod k probleme) [On the question of the relationship between psychological and linguistic structures (an interdisciplinary approach to the problem)]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. 2021, no. 1, pp. 33-40. (In Russ.).
6. Kubryakova E.S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigm analysis)]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sbornik statei*. Moscow, Izd-vo «Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet», 1995, pp. 144-238. (In Russ.).
7. Levin K. Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh [Field theory in the social sciences]. St. Petersburg, Rech', 2000, 368 p. (In Russ.).
8. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek - tekst - semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Man - text - semiosphere – history]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1996, 464 p. (In Russ.).
9. Stepanov Yu.S. Konstanty: slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2 edition, Moscow, Akademicheskii proekt, 2001, 990 p. (In Russ.).
10. Popova E.A. Chelovek kak osnovopolagayushchaya velichina sovremennogo yazykoznaneya [Man as a fundamental value of modern linguistics]. *Filologicheskie nauki*. 2002, no. 3, pp. 69-77. (In Russ.).

11. 大 BKRS Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'. [大 BCRS Large Chinese-Russian Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://bkrs.info/> (accessed: June 2022).
12. 汉语大辞典 Bol'shoi slovar' kitaiskogo yazyka. [汉语大辞典 Comprehensive Chinese Dictionary]. (In Russ.). Available at: <http://www.hydc.com/> (accessed: mai-iyun' 2022).
13. Demograficheskii entsiklopedicheskii slovar'. [Demographic Encyclopedic Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://demography.academic.ru/> (accessed: May June 2022).
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. [Explanatory dictionary of the Russian language]. (In Russ.). Available at: <http://ozhegov.info/slovar/> (accessed: May June 2022).
15. 成语宝典 Sobranie chen"yui. [成语宝典 chengyu meeting]. (In Russ.). Available at: <https://chengyu.duwenz.com/> (accessed: May June 2022).
16. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka pod redaktsiei D.N. Ushakova. [Explanatory dictionary of the Russian language, edited by D.N. Ushakov]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (accessed: mai-iyun' 2022).
17. Entsiklopedicheskii slovar'. [Encyclopedic Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (accessed: May June 2022).
18. 北京大学汉语语料库 Korpus kitaiskogo yazyka Pekinskogo universiteta. [北京大学汉语语料库 Peking University Chinese Corpus]. (In Russ.). Available at: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (accessed: May June 2022).
19. 汉语语料库 Korpus sovremennogo kitaiskogo yazyka. [汉语语料库 Modern Chinese Corpus]. (In Russ.). Available at: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (accessed: May June 2022).

Информация об авторе

Ю.Е. Арекеева – старший преподаватель кафедры романской филологии,
второго иностранного языка и лингводидактики,
Удмуртский государственный университет.

Information about the author

Yu.E. Arekeeva – Senior Lecturer of the Department of Romance Philology,
Second Foreign Language and Linguistics,
Udmurt State University.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 10.08.2022;
принята к публикации 13.09.2022

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 10.08.2022; accepted for
publication 13.09.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 51–59.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 7. P. 51-59.

Научная статья

УДК 811.133.1

doi: 10.24412/2713-0231-2022-7-51-59

ОБ ИЗМЕНЕНИИ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Сергей Владимирович Балакин¹, Ирина Вениаминовна Ващенко²

^{1,2} Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия,
sergiorusso2007@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются эволюционные процессы системы прошедших и будущих времен в романских языках. Анализируется развитие формальных признаков, что свидетельствует о вторичной концептуализации доминант «посессивность» и «движение вперед» концепта ВРЕМЯ. Констатируется влияние вторичной концептуализации на совершенствование системы вспомогательных глаголов, что приводит ко все более усиливающейся тенденции к аналитизму. На основе анализа конкретных примеров из франко-испано-португальскоязычной прессы в статье доказывается, что португальский язык в большей степени сохраняет синтетические формы в плане прошедшем, однако будущий план отличается преобладанием аналитических конструкций; в испанском языке наблюдается стирание границ между аналитическими и синтетическими формами плана прошедшего и усиление аналитической формы *ir+а* в плане будущем; относительно французского языка, иллюстрируется тяготение к субстантивному стилю и стремление к аналитическому выражению и прошедшего, и будущего планов. Применяя концептуально-репрезентативный метод в статье исследуются такие основополагающие характеристики концепта ВРЕМЯ как «дистантность», «обладание», «посессивность», «движение вперед», «итеративность» и «отношение», вербализующие в глагольных формах будущих и прошедших времен такие смыслы, как длительность, протяженность, непрерывность и связь с моментом речи за счет морфологических и лексических средств. В настоящее время обозначенные выше процессы являются результатом вторичной концептуализации признаков, входящих в состав концепта ВРЕМЯ. На основе вторичной концептуализации в плане прошедшем на первый план выходит характеристика «посессивность»; в плане будущего времени – характеристика «движение вперед». Вторичная концептуализация также заключается в постепенном стирании границ между претеритом и перфектом.

Ключевые слова: французский язык, испанский язык, португальский язык, концепт ВРЕМЯ, концептуальные признаки.

Для цитирования: Балакин С.В., Ващенко И.В. Об изменении в системе глагола романских языков // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 51–59. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-51-59>

Original article

ABOUT THE CHANGE IN THE VERB SYSTEM OF ROMANCE LANGUAGES

Sergey V. Balakin¹, Irina V. Vashchenko²

^{1,2} Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia, sergiorusso2007@mail.ru

Abstract. This article examines the evolutionary processes of the system of past and future tenses in Romance languages. The development of formal features is analyzed, which indicates the secondary conceptualization of the dominants «possessiveness» and «forward movement» of the concept of TIME. The influence of secondary conceptualization on the improvement of the system of auxiliary verbs is stated, which leads to an increasingly increasing trend towards analyticism. Based on the analysis of concrete

examples from the French-Spanish-Portuguese-language press, the article proves that the Portuguese language retains synthetic forms to a greater extent in the past plan, but the future plan is characterized by the predominance of analytical constructions; in Spanish, there is a blurring of the boundaries between the analytical and synthetic forms of the past plan and the strengthening of the analytical form *ir+a* in the future plan with regard to the French language, the attraction to the substantive style and the desire for analytical expression of both past and future plans are illustrated. Applying a conceptually representative method, the article explores such fundamental characteristics of the concept of TIME as «distance», «possession», «possessiveness», «forward movement», «iterativity» and «relation», verbalizing in the verb forms of future and past tenses such meanings as duration, extension, continuity and connection with the moment speech at the expense of morphological and lexical means. Currently, the processes outlined above are the result of the secondary conceptualization of the features that make up the concept of TIME. On the basis of secondary conceptualization, in the past, the characteristic «possessiveness» comes to the fore; in the future, the characteristic «moving forward». Secondary conceptualization also consists in the gradual blurring of the boundaries between preterite and perfect.

Keywords: French, Spanish, Portuguese, concept TIME, conceptual features.

For citation: Balakin S.V., Vashchenko I.V. About the change in the verb system of Romance languages. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;7:51-59. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-51-59>

Введение

Современные романские языки претерпевают изменения, которые в синхронии могут оставаться не замеченными. Однако по формальным признакам в устной речи франко-, испано- и португалоговорящих, а также судя по журналистскому дискурсу, намечаются некоторые явления, для которых характерны появление (формирование) дополнительных аналитических форм (как, например, в испанском языке), продолжение развития аналитических форм (как, например, во французском языке) и стирание границ между аналитическими и синтетическими формами (как, например, в испанском и португальском языках). Данные изменения происходят прежде всего в плане выражения будущих и прошедших времен.

Основная часть

За свою историю в целом в романских языках отмечается периоды разноплановых переходов от аналитических конструкций к синтетическим формам и наоборот. Так, например, будущее время образовалось от общей модальной латинской перифразы *habēo + infinitive*, в которой глагол *habēo* стоял непосредственно после инфинитива. В результате этого глагольная система приобрела скрытый вспомогательный глагол внутри глагольной формы: во французском языке – *je chanterai*, испанском, – *cantaré*, португальском – *cantarei*. Однако в настоящее время постепенно начинает преобладать аналитическая конструкция, в которой в качестве вспомогательного глагола выступает глагол движения.

Наличие синтетических форм сохраняется и в плане прошедшем, в котором глагольные формы являются прямыми наследниками глаголов народной латыни. Так, в испанском языке сохраняется устойчивая тенденция применять синтетические формы при выражении плана прошедшего. При этом граница между перфектом и претеритом остается четко очерченной. В данном случае испанский язык сохраняет основную типологическую черту романских языков, которая заключается в существовании трихотомии «претерит / перфект / имперфект». Однако постепенно происходит упрощение спектра прошедших времен, что связано с размытием границ между претеритом и перфектом. Во французском языке данный процесс уже завершился; в испанском и португальском языках тенденция к размытию границ между претеритом и перфектом имеется, но остается пока слабовыраженной. Претерит в испанском все более уступает свои функции перфекту, что связано с тяготением к большей конкретизации описания выполненного действия или состоявшегося события.

Относительно семантики стирание границ между претеритом и перфектом происходит на понимании «текущей релевантности», которая связана с продолжением настоящего [Comrie 1976: 56], «прагматически актуальное событие в прошлом» [Сичинава 2008: 712],

«сохранение результата в точке отсчета» [Ландер 2002: 300]. С. Флейшман определяет перфект, описывающий ситуацию, которая началась и продолжается до сих пор и актуальна в настоящий момент [Fleischman 1983: 194]. Ю.С. Маслов, характеризуя семантическую категорию перфектности, не обозначает текущую релевантность, но говорит о семантике перфектной «предикативной единицы», при совпадении двух временных планов: плана предшествующего и плана последующего [Маслов 2006]. Ср.:

Hasta ahora, la implantación de la genética clínica ha sido desigual según la comunidad autónoma [El País].

Buena parte de la población está hipermedicalizada, se toman combinaciones de fármacos que no se han estudiado y sus efectos son desconocidos [El País].

Es probable que esta búsqueda acabe identificando dolencias nuevas, como ya ha hecho el equipo de Pablo Lapunzina, genetista del Hospital La Paz de Madrid y coordinador de esta parte del proyecto [El País].

Описанные выше формальные признаки являются отражением способов концептуализации окружающего мира франко-испано- и португалоговорящими, и обозначенные выше процессы свидетельствуют о вторичной концептуализации признаков «посессивность» и «движение вперед», лежащих в основе мегаконцепта ВРЕМЯ. Помимо этих признаков временная система романских глаголов отражает такие морфологически передаваемые концепты, как длительность, протяженность, непрерывность и связь с моментом речи, которые отражаются в трихотомии времен плана прошедшего и будущего, выраженной не только за счет аналитических форм, но и за счет морфологических средств.

Концептуальный признак «посессивность» по своей природе проходит вторичную концептуализацию на основе профилирования элемента пространственности, а именно дистантности события, при которой возникает такое описание прошедшего времени, в котором отсутствуют связи с произошедшими событиями, в результате чего формируется локализация действия в прошлом. Данный процесс прежде всего влияет на развитие категории времен перфекта в испанском и португальском языках. Было замечено, что в разговорной речи, равно как и в журналистском дискурсе, размытие границ четкого разграничения описания действия нет. Если взять описание незаконченного времени, в данном случае нет конкуренции, так как существует только одна форма имперфекта. Соответственно, если для описания незаконченности для романских языков имперфект является самодостаточным, то для времен претерита характерна многоликость и строится она на оппозиции: ощутил результат / без результата.

Концептуализация же будущего времени основана на пространственных характеристиках; время отражается как движение вперед – возникающий вопрос о гипотетичности фразы снимается, так как в пространстве как таковом она отсутствует, и концептуализация пространства происходит без гипотетичности.

Рассмотрим более подробно процессы изменения системы времен во французском, испанском и португальском языках.

Португальский язык

В португальском языке претеритум сохраняет свои лидирующие позиции при нарративе (вводе речи автора). В целом португальский язык в большей степени сохраняет синтетические формы. Ср.:

Se tivéssemos um congresso para a data que estava inicialmente antecipada, e fui eu que quis antecipar, significaria que existiam apenas três semanas para fazer tudo isto, argumentou, referindo-se a programa, protagonistas, listas fechadas e estratégia de coligação definida. «Era deixar o partido em stand by», considerou [<https://www.dn.pt/politica/nuno-melo-e-os-seus-apoiantes-tem-entrado-numa-escalada-de-agressao-verbal-e-ambiente-tumultuoso-no-cds-14293259.html>].

В отличие от испанского и французского языков, в португальском языке, по словам И.Ф. Ликуновой, семантически четко прослеживается граница между претеритом (melhorou)

и перфектом (*tem saído, tem trabalhado*) [Ликунова 179]. Главный критерий – аспектуальная характеристика действия: «если действие, выраженное претеритом, мыслится как завершённое к моменту речи о нём, то действие, обозначенное перфектом, обычно не завершено в полном объёме и в дальнейшем предполагается его продолжение» [там же].

Л. Бланш и П. Болеу отмечают, что в Латинской Америке сохраняется четкая граница в использовании *Pretérito Perfecto* и *Pretérito Indefinido* [Blanche 1937: 376]. П. Болеу приводит пример с выражениями *Tenho tomado banho no mar* и *Tomei banho no mar*; в первой фразе говорящий обозначает многократное вхождение в воду, во второй фразе повторное и последующее вхождение в воду не предусматривается [Boleo 1981: 73].

В формальном плане наблюдается очевидная тенденция в португальском языке использовать два вспомогательных глагола *ter* и *haver*. Данная тенденция кроется в самой природе категории посессивности, при которой утрачиваются конкретные аргументы в структуре предикатов. В результате этого происходит постепенное абстрагирование обозначенных выше глаголов, что увеличивает их валентностные способности не только «притягивать» конкретные аргументы, выраженные субстантивами, но и способность описывать (точнее фиксировать) факт наличия результата по определенному действию; все это сближает глагол *ter* с перфектными формами прошедшего времени. Постепенно португальский глагол *ter* проходит стадию абстрагирования за счет потери категории «*конкретный физический объект, который можно держать в руке», что и служит одним из доказательств его грамматикализации. На данный факт указывает и А.М. Молодкин, исследующий функционирование глаголов *haver* и *ter* в португало-креольских языках Африки; автор отмечает, что имеется факт активной замены глагола *haver* на *ter* при выражении сложных времен [Молодкин 2001: 314].

Таким образом, как отмечают лингвисты, в португальском языке процесс унификации глагольных единиц темпоральности не завершён: благодаря полифункциональности и полисемантической, одни глагольные формы получают функциональное утверждение за счет исчезновения других, синонимичных и более слабых в функциональном и семантическом значении [Молодкин 2001: 4].

В целом для португалоязычной лингвокультуры, как и для французской, категория «посессивность» имеет большое значение. Следует отметить, что актуализация посессивности обнаруживается в конструкциях «*haver de*», «*haver que*», «*ter de*», «*haver que*», «*ter a*» для описания необходимости совершения какого-либо действия.

Соответственно, по мнению многих российских и зарубежных лингвистов, португальский перфект, в отличие от такой же формы в других романских языках, обладает особой спецификой, которая заключается в способности передавать действие в его развитии от прошлого к настоящему, с захватом момента настоящего. Связь с моментом настоящего может осуществляться двояко: либо действие реально продолжается в настоящем, либо продолжение соотнесено с моментом настоящего в сознании говорящего.

Испанский язык

Для испанского языка в настоящее время характерны четыре прошедшего времени: *Pretérito Perfecto*, *Pretérito Indefinido*, *Pretérito Imperfecto*, *Pluscuamperfecto*. При этом наблюдаются два направления, в основе которых лежит один и тот же процесс: употребление перфектных форм в нарративе и использование (постепенная грамматикализация) глагола *tener* с семантикой обладания.

Во-первых, использование *Pretérito Perfecto* в нарративе свидетельствует о постепенном переходе аналитических форм в аорист. При этом *Pretérito Indefinido* сохраняет значение аориста, что свидетельствует о возникновении двух аористов, один из которых начинает отражать типично законченные ситуации, в частности экспериенциальную и имediataльную, объединённые способностью обозначать «текущую релевантность».

Связь между этими двумя планами является причинно-следственной в самом широком смысле слова: предшествующее действие, описывающее (или, шире) «положение дел»,

вызывает некие последствия для субъекта действия, для его объекта или для всей ситуации в целом, некое новое состояние, новое «положение дел»» [Маслов 2006: 195]. В.А. Плуноян, подчеркивает переходной период перфекта, характеризует появление его ослабленного результата, описывающего не конкретное, лексикографически детерминированное состояние, возникшее в результате завершения действия, а любой (пусть даже косвенный) результат ситуации, релевантный в последующий момент (обычно в момент речи), – так сказать «эхо» ранее имевшей место ситуации [Плуноян 2011: 389].

Учитывая наличие довольно распространенного (в первую очередь в лингводидактической литературе, и поэтому – «традиционного») разрешения на сочетаемость испанского перфекта, основное внимание при обсуждении «конкуренции» перфекта и претерита в испанистике всегда уделяется преходиернальным контекстам с соответствующим эксплицитным указанием. То есть наиболее часто обсуждается способность перфекта появляться в контекстах, характерных для аориста. Соответственно, для перфектных форм признак итеративности, то есть повторяемости, – не является существенным; на передний план выдвигается признак предшествования моменту речи на основе актуализации концептуальной характеристики дистантности.

С другой стороны, продолжается отчетливое употребление *Preterito Perfecto* при описании законченного действия, имеющего в настоящем результат.

Следующая особенность современного *Preterito Perfecto* заключается в тенденции заменять вспомогательный глагол *haber* на *tener*, отличающийся более выраженной семантикой обладания. Соответственно, в испанском языке, как и в португальском, наблюдается категориальное смешение, например, субстантивов и отглагольных форм, которые могут употребляться в сочетании с глаголом *tener*. Ср.:

Hasta ahora, España no tenía un plan para que los médicos puedan acceder a esas instrucciones, entenderlas y tratar a cada uno de sus pacientes en función de ellas [El País].

Использование глагола *tener* в качестве вспомогательного отражает вторичную концептуализацию характеристики посессивности. При этом наблюдается процесс смещения глагола *tener* в сторону десемантизации и указания на прошлое с усиленным элементом фактивности. По мнению Л.О. Резникова, они остаются связанными с конкретными представлениями об окружающих вещах, лишь постепенно приобретает более отвлеченное значение [Резников 1946: 221–222]. Ср.:

El Ministerio de Hacienda ya tiene listo el impuesto de plusvalía después de que la semana pasada el Tribunal Constitucional declarase nulo el método utilizado para calcular la base imponible [El País].

В исследовательском случае усиливающий элемент *ya* указывает на наличие неоспоримого факта наличия прочитанного документа. В данном примере глагол *tener* отражает синкретизм, сочетающий в себе семантический компонент обладания предметом. Соответственно, глагол *tener* имеет пограничное значение, а именно «совершенное (сделанное) можно подержать в руках или увидеть своими глазами». Ср.:

Sin embargo, el mercado de GNL ha experimentado fuertes oscilaciones en los últimos años, y su dinámica es mucho más volátil que las relaciones a largo plazo que se establecen a través de las interconexiones por ductos. Apostar por el GNL puede tener sentido como solución transitoria, pero exige también templanza y pedagogía para sortear los previsibles brotes de inestabilidad en los mercados. En todos los grandes cambios industriales, las principales dificultades aparecen durante la transición [El País].

Таким образом, можно сделать вывод о стирании границ между аналитическими и синтетическими формами в испанском языке, что говорит о постепенном исчезновении понимания процессов, имевших результат на момент речи и процессов, произошедших давно. Повторимся, данный процесс наглядно представлен в португальском языке, в котором в большинстве случаев используются две – аналитическая и синтетическая – формы одновременно.

Что касается плана будущего, в испанском языке продолжается тенденция усиления аналитической формы *ir+a*, что свидетельствует об усилении характеристики «движение вперед», вторичная концептуализация которой завершена. Ср.:

El proyecto va a intentar ayudar a personas a las que se detecta una metástasis sin que se sepa en qué órgano se originó el tumor primario [El País].

Концептуальный признак «движение вперед» более всего проявляется в испанском языке, в котором актуализирован дополнительный элемент – предлог *a*. Ср.:

Ahora, un gran proyecto que involucra a hospitales y médicos de todo el país va a sentar las bases para que los ciudadanos tengan acceso universal a esta práctica [El País].

Французский язык

Во французском языке, в отличие от испанского и португальского, не отмечается развитие системы вспомогательного глагола прошедшего плана; в нем устойчивость проявляют глаголы *avoir* и *être*, что, по мнению А.В. Кузнецовой, свидетельствует о большем системном изменении латинских форм, нежели в итальянском, испанском и португальском глаголах [Кузнецова 29].

Quand nous la rencontrions le 3 mars 2020, Brune Poirson n'avait encore aucun symptôme du Covid-19, dont elle se révélera atteinte douze jours plus tard. Détendue, la secrétaire d'État auprès de la ministre de la Transition écologique et solidaire nous recevait dans son bureau, à l'aile droite du ministère [Le Figaro].

Il s'agit des mères des deux adolescentes: elles auraient encouragé leurs filles à avoir des relations avec le chanteur et leur auraient demandé ensuite de taire les faits. Le parquet a ouvert vendredi une information judiciaire portant sur l'ensemble des chefs des gardes à vue, a indiqué la source judiciaire [Le Figaro].

Об устойчивости системы вспомогательных глаголов также свидетельствует явное тяготение к субстантивному стилю французской системы, которая манифестируется, например, наличием причастий прошедшего времени в своей синтаксической позиции в качестве дополнения. Ср.:

Une manifestation réunissant des milliers de jeunes venus crier l'urgence climatique avait déjà été organisée vendredi à Glasgow, à l'issue de la première des deux semaines de la COP26 [Le Figaro].

Данные единицы, по мнению А.Э. Сенцова, сконцентрированы вокруг архисемы *avoir* и описывают те или иные ситуации обладания. На основе анализа ядерных лексем представляется возможным выделить следующие основные концептуальные признаки «посессивности» во французском языке: 1) процесс овладения / состояние обладания; 2) акцент на способе получения / акцент на результате; 3) отношение к внутреннему миру человека / отношение к внешнему миру, окружающей действительности; 4) отторжимость объекта обладания / неотторжимость объекта обладания; 5) акцент на насилии при овладении / отсутствие подобного акцента [Сенцов 2009: 138].

Во французском языке в настоящее время, в отличие от португальского и испанского, наблюдается конкуренция в плане выражения будущих времен. Это связано с двумя тенденциями: стремление к аналитическому выражению времен, частотность употребления глагола *aller* и сама семантика обозначенного глагола. Ср.:

La Terre va passer dans la nuit de lundi à mardi dans les résidus de la comète 73P qui s'est disloquée en 1995 [Le Figaro].

Заключение

Итак, развитие временных парадигм во французском, испанском и португальском языках идет разнопланово, как на глубинном, так и на формальном уровнях. На глубинном уровне наблюдается, с одной стороны, процесс окончательного стирания границ между действиями, имеющими результат в момент речи, и действиями, не имеющими результата. В португальском языке также оказывается важным процесс смены вспомогательного глагола

без выхода за рамки категории посессивности. Предикат тяготеет к более абстрактной форме, которая выражается в постепенной потере конкретных актантов в структуре предиката. Это влечет за собой постепенное абстрагирование последнего. Данные процессы особо наблюдаются в планах систем прошедших и будущих времен, что является результатом вторичной концептуализации и категоризации концепта ВРЕМЯ у франко-, испано- и португалоговорящих. Концептуально-репрезентативный метод, призванный исследовать «соотношения и взаимодействия концептуального пространства и семантического пространства языка» [Беседина 2006: 8], показывает, что концепт ВРЕМЯ в романских языках включает такие концептуальные характеристики, как «дистантность», «обладание», «движение вперед», «итеративность» и «отношение». Обозначенные концептуальные характеристики являются отражением способов концептуализации окружающего мира франко-, испано- и португалоговорящими и вербализуют в глагольных формах будущих и прошедших времен такие смыслы, как длительность, протяженность, непрерывность и связь с моментом речи за счет морфологических и лексических средств: окончаний и вспомогательных глаголов. Вторичная концептуализация морфологически передаваемых обозначенных выше концептуальных характеристик заключается в когнитивных процессах перспективизации и дефокусировки. Вторичная концептуализация характеристик концепта ВРЕМЯ прежде всего влияет на развитие системы вспомогательных глаголов, что приводит ко все более усиливающейся тенденции к аналитизму.

Список литературы

1. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: Монография / Федеральное агентство по образованию; Институт языкознания РАН; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Белгор. гос. ун-т. М.; Тамбов: Изд-во «Тамбовский государственный университет»; Белгород: Изд-во «Белгородский государственный университет», 2006. 214 с.
2. Иванова А.В. Функционирование глагола обладания на идеоматическом уровне в каталонском языке // Тезисы XLIII Международной филологической конференции. 2014. С. 341–342.
3. Ландер Ю. А. Перфект и обстоятельства конкретного времени. Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. Плунгян В.А., Урманчиева А.Ю. (сост.). М.: Индрик, 2003. С. 300–312.
4. Лихунова И.Ф. Семантика португальского перфекта // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2020. № 3 (18). С. 178–184.
5. Маслов Ю.С. Перфектность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: УРСС, 2003, 2006. (1-е изд. 1987). С. 195–209.
6. Молодкин А.М. Языковые контакты в этнокультурном пространстве португалоязычной Африки: дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2001. 367 с.
7. Плунгян В.А. К типологии перфекта в языках мира // Доклад на конференции Греческого центра СПбГУ «Перфект на Балканах и вне Балкан» 25.04.2011. СПб., 2011.
8. Резников Л.О. Проблема образования понятия в ответе истории языка // Философские записки. М., 1946. Т. 1. С. 179–236.
9. Сенцов А. Э. Концепт «обладание» во французской лингвокультуре // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 137–143.
10. Сичинава Д.В. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // Динамические модели: Слово. Предложение. Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 711–749.
11. Становая Л.А. Особенности аналитического и синтетического развития французского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 128. С. 26–35.
12. Черткова М.Ю. Типология категории вида / аспекта в разноструктурных языках мира: автореф. ... д. филол. н. М., 56 с.
13. Blanche L.J. Sobre el uso del pretérito en el español de México // Studia philológica. Homenaje ofrecido a Damaso Alonso M. Madrid, 1981 V. II. P. 131–144.

14. Boleo M. de P. Genese do conceito do tempo passado e a sua expressao nas línguas romanicas. // *Biblos*, Coimbra, 1937. P. 315–340.
15. Comrie B. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
16. Diário de Notícias [Электронный ресурс] URL: <https://www.dn.pt/politica/-nuno-melo-e-os-seus-apoiantes-tem-entrado-numa-escalada-de-agressao-verbal-e-ambiente-tumultuoso-no-cds-14293259.html> (дата обращения: 26.06.2022).
17. El País [Электронный ресурс] URL: <https://elpais.com/economia/2021-11-06/asi-sera-el-nuevo-impuesto-de-plusvalia-dara-dos-opciones-a-los-ciudadanos-y-les-permitira-elegir-la-mas-favorable.html> (дата обращения: 26.06.2022).
18. Fleischman S. From pragmatics to grammar: diachronic reflections on complex pasts and futures in Romance // *Lingua*. 1983. V. 60.
19. Le Figaro [Электронный ресурс] URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-eco/glasgow-et-le-monde-marchent-samedi-pour-le-climat-20211106> (дата обращения: 26.06.2022).

References

1. Besedina N.A. Morfologicheski peredavaemye kontsepty [Morphologically transmitted concepts]. Monografiya. Moscow, Tambov, Izd-vo «Tambovskii gosudarstvennyi universitet»; Belgorod, Izd-vo «Belgorodskii gosudarstvennyi universitet», 2006, 214 p. (In Russ.).
2. Ivanova A.V. Funktsionirovanie glagola obladaniya na ideomaticheskom urovne v katalonskom yazyke [Functioning of the Possession Verb at the Ideomatic Level in Catalan]. *Tezisy XLIII Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii*. 2014, pp. 341-342. (In Russ.).
3. Lander Yu. A. Perfekt i obsoyatel'stva konkretnogo vremeni. Yazyki mira. Tipologiya. Ura-listika. Pamyati T. Zhdanovoi. Stat'i i vospominaniya [Perfect and specific tense. Languages of the world. Typology. Uralistics. In memory of T. Zhdanova. Articles and memoirs]. Moscow, Indrik, 2003, pp. 300-312. (In Russ.).
4. Likunova I.F. Semantika portugal'skogo perfekta [Semantics of the Portuguese Perfect]. *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya*. 2020, no. 3 (18), pp. 178-184. (In Russ.).
5. Maslov Yu.S. Perfektnost' [Perfection]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Moscow, URSS, 2003, 2006, pp. 195-209. (In Russ.).
6. Molodkin A.M. Yazykovye kontakty v etnokul'turnom prostranstve portugaloyazychnoi Afriki [Language contacts in the ethno-cultural space of Portuguese-speaking Africa]. PhD dissertation. Saratov, 2001, 367 p. (In Russ.).
7. Plungyan V.A. K tipologii perfekta v yazykakh mira [On the typology of the perfect in the languages of the world]. *Doklad na konferentsii Grecheskogo tsentra SPbGU «Perfekt na Balkanakh i vne Balkan»*. Saint Petersburg, 2011. (In Russ.).
8. Reznikov L.O. Problema obrazovaniya ponyatiya v otvete istorii yazyka [The problem of concept formation in the answer to the history of language]. *Filosofskie zapiski*. Moscow, 1946, vol. 1, pp. 179-236. (In Russ.).
9. Sentsov A. E. Kontsept «obladanie» vo frantsuzskoi lingvokul'ture [The concept of "possession" in French linguistic culture]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. Tambov, Gramota, 2009, no. 8 (27), part I, pp. 137-143. (In Russ.).
10. Sichinava D.V. Svyaz' mezhdu formoi i semantikoi perfekta: odna neizuchennaya zakonornost' [Relationship between the form and the semantics of the perfect: one unexplored regularity]. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008, pp. 711-749. (In Russ.).
11. Stanovaya L.A. Osobennosti analiticheskogo i sinteticheskogo razvitiya frantsuzskogo yazyka [Features of the analytical and synthetic development of the French language]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2020, no. 128, pp. 26-35. (In Russ.).
12. Chertkova M.Yu. Tipologiya kategorii vida / aspekta v raznostrukturnykh yazykakh mira [Typology of the category of aspect / aspect in the languages of the world with different structures]. Doctoral dissertation abstract. Moscow, 56 p. (In Russ.).
13. Blanche L.J. Sobre el uso del pretérito en el español de México // *Studia philológica*. Homenaje ofrecido a Damaso Alonso M. Madrid, 1981 V. II. P. 131-144.
14. Boleo M. de P. Genese do conceito do tempo passado e a sua expressao nas línguas romanicas. // *Biblos*, Coimbra, 1937. P. 315-340.

15. Comrie B. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
16. Diário de Notícias [Электронный ресурс] URL: <https://www.dn.pt/politica/-nuno-melo-e-os-seus-apoiantes-tem-entrado-numa-escalada-de-agressao-verbal-e-ambiente-tumultuoso-no-cds-14293259.html> (дата обращения: 26.06.2022).
17. El Pais [Электронный ресурс] URL: <https://elpais.com/economia/2021-11-06/asi-sera-el-nuevo-impuesto-de-plusvalia-dara-dos-opciones-a-los-ciudadanos-y-les-permitira-elegir-la-mas-favorable.html> (дата обращения: 26.06.2022).
18. Fleischman S. From pragmatics to grammar: diachronic reflections on complex pasts and futures in Romance // *Lingua*. 1983. V. 60.
19. Le Figaro [Электронный ресурс] URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-eco/glasgow-et-le-monde-marchent-samedi-pour-le-climat-20211106>

Информация об авторах

С.В. Балакин – доктор филологических наук, доцент,
Уральский государственный университет путей сообщения;
И.В. Ващенко – кандидат филологических наук, доцент,
Уральский государственный университет путей сообщения.

Information about the authors

S.V. Balakin – Grand Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Ural State University of Railway Transport;
I.V. Vashchenko – Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Ural State University of Railway Transport.

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 20.09.2022

The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 20.09.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 60–71.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 7. P. 60-71.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.24412/2713-0231-2022-7-60-71

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Дарья Сергеевна Тюрина¹, Наталья Владимировна Хорошева²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ dariatiurina97@gmail.com

² romanphyl@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию реализации стратегий при переводе международных пресс-конференций на примере пресс-конференции глав внешнеполитических ведомств России и Евросоюза, которая состоялась в Москве 5 февраля 2021 г. Материалом исследования стала запись синхронного перевода выступавших на русский и французский языки соответственно. В переводе пресс-конференции С.В. Лаврова и Ж. Борреля наиболее явно прослеживались стратегии компрессии и декомпрессии (часто – совместно со стратегией столлинга). В основе макростратегии переводчика лежала установка на максимальное снижение воздействия на реципиента элементов конфликтного дискурса. Можно обозначить следующие виды компрессии в тексте перевода: 1) компрессия за счет сжатия синонимических пар; 2) компрессия за счет генерализации; 3) компрессия за счет опущения отдельных элементов текста (в частности – информации эмоционального типа). Стратегия декомпрессии выражалась в форме: экспликации, конкретизации, намеренного добавления релетитивных элементов. В ходе анализа мы пришли к выводу, что в рамках конференц-перевода переводчик может выступать не только в роли транслятора, но и в роли «редактора», что связано со спецификой пресс-конференции как жанра. Так, в рассмотренных нами примерах переводчики нередко опускали «эмоциональную информацию», неоднозначные метафоры, сравнения (прослеживается установка на фактуализацию), что может быть обусловлено контактоустанавливающей функцией переводящей личности. Вместе с тем, компоненты высказывания, позволяющие усилить кооперативный момент мероприятия, переводчиком акцентировались.

Ключевые слова: конференц-перевод, синхронный перевод, дипломатический дискурс, переводческая стратегия, переводческие приемы

Для цитирования: Тюрина Д.С., Хорошева Н.В. Специфика реализации стратегий синхронного перевода // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 60–71. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-60-71>

Original article

SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF SIMULTANEOUS TRANSLATION STRATEGIES

Daria S. Tyurina¹, Natalya V. Khorosheva²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ dariatiurina97@gmail.com

² romanphyl@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the implementation of strategies in the translation of international press conferences on the example of the press conference of the heads of foreign ministries of Russia and the European Union, which took place in Moscow on February 5, 2021. The material of the study

was the recording of simultaneous translation of speakers into Russian and French, respectively. In the translation of the press conference by Sergey Lavrov and J. Borrel, the strategies of compression and decompression were most clearly traced (often in conjunction with the Stalling strategy). The translator's macro strategy was based on the aim to minimize the impact of elements of conflict discourse on the recipient. The following types of compression can be designated in the translation text: 1) compression due to compression of synonymous pairs; 2) compression due to generalization; 3) compression due to omission of individual elements of the text (in particular, information of an emotional type). The decompression strategy was expressed in the form: explications, specification, intentional addition of repetitive elements. During the analysis, we came to the conclusion that within the framework of conference translation, a translator can act not only as a translator, but also as an «editor», which is due to the specifics of a press conference as a genre. So, in the examples we have considered, translators often omitted «emotional information», ambiguous metaphors, comparisons (the attitude to factualization is traced), which may be due to the contact-establishing function of the translating personality. At the same time, the components of the statement, allowing to strengthen the cooperative moment of the event, were emphasized by the translator.

Keywords: conference translation, simultaneous translation, diplomatic discourse, translation strategy, translation techniques.

For citation: Tyurina D.S., Khorosheva N.V. Specifics of the implementation of simultaneous translation strategies. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;7:60-71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-60-71>

Введение

Дипломатический дискурс, в частности – дискурс политических пресс-конференций, представляется одним из наиболее сложных с точки зрения устного перевода ввиду необходимости выбора переводческих стратегий, способствующих ведению эффективного диалога между сторонами. Активизация международного сотрудничества обусловила постановку множества вопросов, связанных с переводческим сопровождением в сферах межкультурных и межгосударственных коммуникаций, и, хотя трудов о конференц-переводе написано немало (см. [Иванова 2009; Илюхин 2001; Погодин 2015; Усачева, Шовгенина 2012] и др.), когнитивный аспект построения переводческих стратегий остается недостаточно разработанным. Предметом исследования выступают переводческие стратегии и их реализация в синхронном переводе пресс-конференций глав внешнеполитических ведомств.

Большинство современных исследований, посвященных конференц-переводу, отталкиваются в основных положениях от интерпретативной теории, разработанной французскими переводоведами Д. Селескович и М. Ледерер в 70-е гг. XX в. [Selescovitch, Lederer 1984]. Именно Д. Селескович выдвинула идею о трехфазности процесса перевода (этап понимания – этап девербализации – этап перевыражения) как альтернативу представлениям о переводе как о «перекодировке языков». Настоящее исследование также лежит в русле интерпретативной теории перевода. К.А. Зорин относит этот жанр к формам организации коллективного интервью (коллективное интервью также организуется в форме брифинга и подхода к прессе), проводимого в связи с конкретным информационным поводом с целью распространения, разъяснения или опровержения какой-либо информации, а также к формам медиасобытия, то есть события, которое формируется исходя из принципов медиалогии, медиажанра и медиамифологии в рамках медиарынка [Зорин 2014: 1].

Для укрепления когнитивной готовности и, соответственно, для успешной реализации перевода переводчику необходимо выстраивать вокруг себя новое информационное пространство и осваивать новые лексические парадигмы, «вычлняя» их из имеющегося материала. В отсутствие конкретного, связанного с событием материала, переводчику приходится ориентироваться на тематическую лексику, клише. Среди таких «блоков информации» часто оказываются актуальными наименования подразделений, органов власти, названия организаций и специфических мероприятий, фразы, характерные для начала и завершения речей [Усачева, Шовгенина 2012: 70].

Основная часть

Обратимся к тексту вступительной речи С.В. Лаврова. Уже в самом начале в речи российского министра иностранных дел прослеживаются элементы конфликтного дискурса, что связано с кризисом в отношениях между Россией и ЕС. Это видно по ироничному словосочетанию *переживают далеко не лучшие времена*. Кроме того, даже фактологическая информация (*Мы честно сегодня об этом сказали*), благодаря наречию *честно* и общему экспрессивному контексту высказывания, приобретает элементы отрицательной оценочности.

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: Мы подробно рассмотрели то, в каком состоянии находятся сегодня отношения между Россией и Европейским союзом. Ясно, что они <i>переживают далеко не лучшие времена</i> , в том числе в связи с <i>ограничениями, рестрикциями односторонними, нелегитимными</i> , которые Евросоюз вводит под надуманными предлогами. <i>Мы честно об этом сегодня сказали</i> .	S. Lavrov: Nous avons discuté en détail l'état des relations actuelles entre la Russie et l'Union Européenne. Il est évident que ces relations <i>passent par des moments pas simples</i> ce qui est lié avec des <i>restrictions unilatérales</i> qui sont introduites par l'Union Européenne pour des raisons imaginaires. <i>Nous en avons déjà parlé aujourd'hui</i> .

Можно заметить, что переводчик особенно осторожно работает именно с «конфликтными» компонентами оригинала. Прежде всего, он пытается устранить иронию путем организации текста перевода по некоему однородному, экспрессивно нейтральному сценарию, основанному преимущественно на фактах, а не оценке. Так, вариант *passent par des moments pas simples* позволяет констатировать факт наличия проблем в отношениях между Россией и Евросоюзом без передачи иронического настроения высказывания. То же касается и варианта *Nous en avons déjà parlé aujourd'hui*. В данном случае отрицательная оценочность устраняется за счет опущения наречия *честно*.

Интересно проанализировать употребление в тексте перевода наречия *déjà*, усиливающего фактуализацию. В данном случае искусственное удлинение речевого сегмента позволяет сфокусировать внимание реципиента на поздних, более нейтральных элементах дискурса. Здесь и далее в тексте перевода будут использоваться подобные «дистракторы», позволяющие управлять фокусом внимания реципиента.

Рассмотрим другой пример:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: Но важно, как я считаю, что с обеих сторон подтверждена <i>заинтересованность в поддержании и расширении каналов диалога</i> , в том числе <i>по вопросам, где наши позиции расходятся, а таких вопросов немало</i> . Мы отметили готовность прагматично сотрудничать <i>там, где это интересно и выгодно</i> обеим сторонам.	S. Lavrov: Il est important, de mon point de vue, que les deux côtés ont fait preuve de leur <i>intérêt de maintenir et élargir le dialogue</i> , y compris pour <i>des questions de divergence</i> qui sont assez nombreuses. Nous sommes prêts à poursuivre notre coopération <i>là où l'on trouve l'intérêt</i> pour les deux parties.

В данном случае переводчик прибегает к синтаксическим трансформациям, меняя представленные в оригинале отглагольные существительные (*поддержании и расширении*) на глаголы (*maintenir et élargir*), что можно объяснить разницей между языками: для русского официально-делового стиля употребление отглагольных существительных является жанрово необходимым, чего нельзя сказать о французской традиции.

Кроме того, высказывание в тексте перевода становится более компактным: переводчик устраняет первое придаточное (*по вопросам, где наши позиции расходятся* передается как *pour des questions de divergence*), а также не передает синонимическую пару *интересно и выгодно* в полном объеме, сводя ее к *là où l'on trouve l'intérêt*.

Интересно, что наречие *немало*, отрицательное по форме (в слове присутствует отрицательный префикс *ne*), передается положительным с точки зрения формы наречием *nombreuses*, хотя переводчик мог использовать вариант *Il y a pas mal de questions*. Можно сделать вывод, что экспрессивная нейтрализация высказывания возможна в том числе на уровне формы.

В ряде случаев С.В. Лавров прибегает к использованию репетитивных элементов текста (*весьма и весьма*):

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: У нас общее мнение, что дальнейшая деградация связей <i>чревата негативными и весьма и весьма непредсказуемыми последствиями</i> .	S. Lavrov: Nous avons une opinion commune que la dégradation ultérieure de nos relations <i>peut être dure en conséquences</i> .

В данном случае переводчик оставляет репетитивные элементы текста без внимания, а определения *негативными* и *непредсказуемыми* передает через генерализацию *dure en conséquences*. Генерализация является одним из частых способов экспрессивной нейтрализации оригинала в переводе данной пресс-конференции.

Избыточные элементы текста, в частности – излишняя тематическая информация, подвергаются компрессии:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: Евросоюз по-прежнему как <i>объединение</i> остается крупнейшим торгово-экономическим партнером Российской Федерации.	S. Lavrov: L'Union Européenne reste notre partenaire le plus important du point de vue économique.

В данном случае к избыточной тематической информации можно отнести сочетание как *объединение*. И для ораторов, и для аудитории очевидно, что Евросоюз представляет собой объединение, а потому в целях экономии времени подобная информация может быть опущена.

То же касается наречия *по крайней мере*, не несущего значимой смысловой нагрузки в рамках анализируемого контекста.

В ряде случаев сама специфика языка перевода позволяет сделать акцент на позитивных компонентах высказывания:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: У нас есть понимание, что мы будем искать другие сферы приложения наших совместных усилий <i>в рамках выстраивания обновленных отношений</i> . Упоминали сегодня мы и здравоохранение, и изменение климата, науку, образование как те области, в которых эксперты и министры обеих сторон могут подготовить достаточно значимые договоренности.	S. Lavrov: Nous avons cette compréhension que nous allons chercher d'autres points d'appliquer nos efforts communs <i>pour créer, pour restaurer nos relations</i> . Nous avons parlé aujourd'hui de la santé publique, des changements climatiques, de la science, de l'éducation. <i>Bref, ces domaines où les experts, les ministres des deux côtés sont en mesure de préparer des accords importants</i> .

Так, передача сочетаний с отглагольными существительными и определениями (*выстраивания обновленных отношений*) глаголами (*pour créer, pour restaurer nos relations*), обусловленная языковой разницей, позволяет сделать акцент на положительной части речевого сегмента и подчеркнуть готовность к сотрудничеству. Можно сказать, что в ряде случаев кооперативный, гармоничный дискурс может быть усилен благодаря специфике языка, средствами которого передается коммуникативное намерение оратора.

Употребление вводного переводчиком слова *bref* также позволяет подчеркнуть информацию, являющуюся частью кооперативного дискурса, сделать смысловой акцент на главном. Это важно для поддержания благоприятной атмосферы мероприятия.

Схожая ситуация нейтрализации наблюдается и в вопросно-ответной части пресс-конференции. В данном случае экспрессивная нейтрализация достигается за счет замены неопределенно-личных форм (*задержали*) на пассивные (*ont été arrêtés*).

Интересно проследить использование стратегии столлинга, при которой переводчик вводит тематическую информацию, чтобы «выиграть время», дожидаясь дополнительного контекста. Данная стратегия особенно эффективна при возникновении в оригинале неоднозначных элементов, которые можно «распознать» только дождавшись их полной актуализации в контексте. Такой неоднозначный элемент встречается при описании С.В. Лавровым политического диалога с Евросоюзом:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: У нас есть желание продолжать политический диалог. Сегодняшние переговоры подтвердили, что это полезно <i>независимо ни от чего</i> . И у нас есть наработки по развитию взаимодействия в <i>целом ряде</i> перспективных направлений.	S. Lavrov: Nous avons la volonté de poursuivre le dialogue politique. <i>Cet entretien d'aujourd'hui a reaffirmé l'importance de ce dialogue. Nonobstant le cadre actuel, nous avons des perspectives à développer.</i>

Как видим, переводчик использует тематическую информацию *cet entretien d'aujourd'hui a reaffirmé l'importance de ce dialogue*, которая является избыточной с точки зрения исходного текста, но, вместе с тем, не противоречит ему и не добавляет новых смыслов. *Независимо ни от чего*, отсылка к многочисленным текущим проблемам, «независимо от которых» диалог все-таки выстраивается, возникает у переводчика чуть позже, через экспликацию. *Nonobstant le cadre actuel* – переводческое решение, позволяющее «вывести на поверхность» коммуникативное намерение говорящего, сделав его лингвистическую форму выражения более конкретной, ясной.

Стратегия столлинга имеет различные формы выражения и может сочетаться с целым рядом переводческих приемов:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: У нас также есть понимание необходимости использовать возможности квартета для создания условий <i>возобновления</i> прямого диалога между палестинцами и израильтянами.	S. Lavrov: Nous avons <i>cette</i> compréhension de la nécessité d'utiliser les possibilités des médiateurs pour <i>restaurer</i> le dialogue direct entre les Palestiniens et les Israéliens.

Так, в приведенном примере указательное местоимение *cette* позволяет переводчику не только дождаться нового контекста, но и подчеркнуть важную, в данном случае – относящуюся к гармоничному типу дискурса, информацию.

Можно обратить внимание и на очевидную формальную разницу между русской и французской версиями текста. Отглагольное *возобновление* в русском тексте выражается глаголом во французском, для которого характерна именно такая синтаксическая организация в рамках официально-делового стиля.

Стратегия столлинга встречается и в форме использования практически идентичных, минимально различающихся элементов текста. Так, переводчиком дублируются слова о готовности российской стороны к сотрудничеству:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: <i>Мы к этому готовы</i> [к сотрудничеству], и <i>мы сегодня услышали заверения</i> , что в Евросоюзе также формируется такое мнение.	S. Lavrov: <i>Nous sommes prêts à renforcer nos contacts, nous y sommes prêts et nos collègues nous ont fait preuve de la même opinion de la part de l'Union Européenne.</i>

Любопытно, как смещаются акценты во второй части приведенного отрывка. В оригинале высказывание строится, как и в начале, в форме первого лица множественного числа. В переводе же «мы» становится косвенным дополнением, а в качестве подлежащего использовано нейтральное *collègues*.

Вступительное слово Ж. Борреля не менее интересно с точки зрения переводческого анализа:

ИТ	Синхронный перевод
J. Borrell: <i>We are seeing each other more as a competitor or a rival rather than a partner.</i>	J. Borrell: <i>Maintenant nous nous sentons plus comme des concurrents que comme des partenaires.</i>

В приведенном речевом сегменте можно наблюдать сразу несколько интересных приемов. Во-первых, *present continuous* в исходном тексте реализуется в тексте перевода не грамматически, а лексически, через наречие *maintenant*. Во-вторых, синонимическая пара *a competitor or a rival* компрессируется и транслируется лишь одним словом.

Кроме того, употребленные в единственном числе *a competitor, a rival, a partner* присутствуют в тексте перевода во множественном числе. Такое решение можно объяснить желанием переводчика указать на взаимное неприятие сторон.

Декомпрессия может использоваться в тех же целях, что и столлинг:

ИТ	Синхронный перевод
J. Borrell: Engagement with Russia is therefore of key importance for the European Union.	J. Borrell: La reliance et l'action avec ce pays a une importance énorme <i>pour tous les pays de l'Union Européenne</i> .

Намеренное развертывание какого-либо элемента текста позволяет дождаться новой информации. Но не только: декомпрессия позволяет выделить информацию, относящуюся к гармоничному типу дискурса, что важно в рамках конференц-перевода.

В ряде случаев переводчик выступает как редактор, оформляющий коммуникативное намерение говорящего в более явном и более жанрово соответствующем виде. Это особенно актуально, когда речь идет о переводе ораторов, выступающих на неродном для них языке (родной язык Ж. Борреля – испанский).

Рассмотрим следующий сегмент:

ИТ	Синхронный перевод
J. Borrell: However, events, both at home and abroad... <i>It's a difficult thing to have a relationship that we dreamt in the 90s when we talked about Europe from Lisbon to Vladivostok.</i>	J. Borrell: Mais des événements internes et externes <i>ont créé un cadre compliqué</i> pour développer des relations dont nous avons rêvé pendant les années 90s lorsque nous avons parlé de l'Europe de Lisbonne à Vladivostok.

Можно заметить, что переводчик транслирует нехарактерное для официально-делового стиля фразовое единство *it's a difficult thing* в том виде, в котором оно звучало бы органично и эксплицитно на языке перевода: *ont créé un cadre compliqué* (т.е. *привели к формированию сложной ситуации*).

Речь ораторов, особенно импровизированная, действительно не всегда соответствует требованиям какого-то определенного стиля, тем более, что мы имеем дело с гибридным жанром, в рамках которого «возможно все». В этом случае переводчик может прибегнуть к перекодировке информации, если это делает итоговый текст более однородным и более простым для понимания.

При переводе с английского на французский в ряде случаев наблюдается трансформация на уровне местоимений, результат которой – усиленная персонификация текста оригинала:

ИТ	Синхронный перевод
J. Borrell: <i>As you can expect, I have conveyed to Minister Lavrov our deep concern and reiterated our appeal to his release.</i>	J. Borrell: <i>J'ai fait part à monsieur Lavrov de ma préoccupation à ce sujet et je lui a adressé mon appel à libérer Navalny.</i>

Как видим, оригинальное *our* превращается в *je* и *mon* в тексте перевода. Подобный прием позволяет создать ощущение диалога между ораторами, даже если фактически они говорят от имени стран/организаций.

В данном примере прослеживается и экспликация: притяжательное местоимение *his* заменяется на *Navalny*. Переводчик эксплицирует исходный текст, но в данном случае делает это через тему, представленную в более ранних элементах дискурсов (экспликация чаще выражается рематически).

Мы уже говорили о приемах, позволяющих транслировать коммуникативное намерение говорящего, *le vouloir dire* в терминологии Д. Селескович, напрямую. Тем не менее, не всегда такая установка способствует эффективному неконфликтному взаимодействию сторон:

ИТ	Синхронный перевод
J. Borrell: <i>While we fully respect Russian sovereignty <..>, the European Union consider that issues related with the rule of law, human rights, civil society and political freedom are central to our common future, both for the European Union and Russia.</i>	J. Borrell: <i>Avec tout mon respect pour la souveraineté de la Russie <...>, je tiens à rappeler que la Fédération Russe est liée par les principes de la primauté de la loi et l'engagement de respect de droits de l'homme et des libertés fondamentales.</i>

В данной ситуации отправной точкой для переводчика служит достаточно абстрактная формулировка-намека. Исходный текст не содержит прямой угрозы (она завуалирована), хотя в коммуникативное намерение оратора действительно входит желание «приструнить» собеседника. В тексте перевода, однако, прослеживаются элементы открытого обвинения, причем одностороннего. Дополнение Ж. Борреля *both for the European Union and Russia* в тексте перевода не представлено, и создается ощущение, что виноватой изначально признается лишь другая сторона переговоров. Мы можем прийти к выводу, что в данном случае переводчик невольно трансформировал формально гармоничный дискурс в конфликтный.

В приведенном отрывке также вновь встречается установка на диалогизацию (замена *we* на *mon*).

Комплексное применение стратегий наблюдается повсеместно. Так, декомпрессия (в формате конкретизации) может следовать за компрессией:

ИТ	Синхронный перевод
J. Borrell: <i>On the green economy our ambitious green deal is to fight climate change and environmental challenges, we give also a lot of opportunities to cooperate.</i>	J. Borrell: <i>En ce qui concerne la lutte contre les changements climatiques, l'Union Européenne est engagée dans le domaine ce qui nous offre une plateforme pour la coopération bilatérale.</i>

В данном случае из синонимического единства *fight climate change and environmental challenges* транслированным оказывается лишь первый элемент, а абстрактное *we give also a lot of opportunities to cooperate* передается в более конкретном виде.

Перейдем к рассмотрению вопросно-ответной части пресс-конференции.

Хотя мы анализируем синхронный перевод, одна из особенностей которого – временная ограниченность, во французской версии текста часто встречается декомпрессия в сочетании со стратегией столлинга:

ИТ	Синхронный перевод
С.Лавров: И у нас здесь с Евросоюзом абсолютно одинаковый подход. Надо <i>решать любые проблемы</i> , которые у кого-то есть к <i>любому международному партнеру</i> , исключительно через диалог. А силовое давление, ультиматумы, <i>санкции, наказание</i> всех, кто хочет развивать нормальные отношения путем введения экстерриториальных рестрикций – это все <i>методы, инструменты из колониального прошлого</i> .	S. Lavrov: Et nous, avec l'Union Européenne, nous avons la même approche qui consiste à <i>résoudre toutes sortes de problèmes et différends</i> uniquement en dialoguant. Et la pression de force, des ultimatums, <i>des sanctions</i> , tous ceux qui veulent développer des relations, toutes sortes des restrictions exterritoriales... Alors, là, <i>ce sont des outils et des méthodes du passé colonial</i> .

Вариант *résoudre toutes sortes de problèmes et différends* позволяет не только выделить смысловое ядро высказывания путем лексического развертывания, но и дожидаться дополнительного контекста.

В данном примере представлен и вариант компрессии исходного текста. Сочетание *любому международному партнеру* опускается переводчиком как избыточное. Эту информацию вряд ли можно отнести к реме высказывания, а потому ее отсутствие в тексте перевода не наносит ущерб смыслу. Синонимические пары (*санкции, наказание*) вновь передаются через генерализацию (*des sanctions*). Что же касается элементов конфликтного дискурса (*методы, инструменты из колониального прошлого*), в этот раз они не подверглись экспрессивной нейтрализации. Это можно объяснить сложностью «перестройки» высказываний, в которых оценка предьявляется в жесткой, завуалированной форме.

Обратимся к следующему примеру:

ИТ	Синхронный перевод
С.Лавров: Я сегодня говорил, кстати, что, к сожалению, Евросоюз сегодня все больше и больше <i>сам</i> начинает прибегать к этим инструментам, которые являются <i>фирменным изобретением</i> Соединенных штатов. <i>Печально</i> .	S.Lavrov: Et nous avons <i>parlé</i> aujourd'hui d'eux. Malheureusement, l'Union Européenne utilise de plus en plus ses outils <i>qui ont été inventés</i> par les États-Unis. <i>Nous le déplorons</i> .

Вновь прослеживается тенденция смещения акцентов. Хотя оратор формально говорит от своего имени, в тексте перевода дважды используется множественное число первого лица (*nous avons parlé, nous le déplorons*). Такой прием позволит подчеркнуть, что озвучиваемое является не личным мнением оратора, а позицией государства, представителем которого он является. В данном случае мы вновь имеем дело с конфликтным (иначе – деструктивным) дискурсом. Переводчик частично смягчает его влияние путем опущения местоимения-существительное *сам*.

Наблюдается и синтаксическая трансформация (номинативная конструкция *фирменным изобретением* передана через глагол).

С.В. Лаврову свойственно использование в речи ярких образных высказываний:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: Когда поначалу Президент Путин объявил о создании вакцины «Спутник V», эта новость была встречена достаточно негативно – от скептических высказываний (<i>что, мол, слишком рано и никто ничего не знает</i>) до того, что русские торопятся, <i>чтобы только снять какие-то геополитические пенки <...></i> .	S. Lavrov: Dès que monsieur Poutine a déclaré la création du vaccin «Sputnik V», cette annonce a été mal reçue, a été suivie des réponses critiques <i>sous prétexte que</i> les Russes sont en hâte et sont pressés <i>pour résoudre des problèmes géopolitiques</i> .

В данном случае переводчик пошел по пути деодеоматизации, эксплицировав значение неологизма *снять геополитические пенки* в тексте перевода. Такое переводческое решение представляется наиболее приемлемым, поскольку выражение не является узуальным даже для русскоязычной аудитории, а потому поиск эквивалента в условиях синхронного перевода вызвал бы значительные затруднения.

Наблюдается и стратегия компрессии (переводчик опускает компонент *что, мол, слишком рано и никто ничего не знает*), однако в данном случае сжатие текста компенсируется введением компонента *sous prétexte que* в тексте перевода.

Сама специфика устной импровизированной речи (наличие повторяющихся элементов, упрощенная структура высказывания) помогает переводчику успевать за оратором. Так, в данном примере повторяющиеся элементы (*magazine*) позволяют переводчику ускориться:

ИТ	Синхронный перевод
J. Borrell: I am very happy to read the scientific report published in the prestigious magazine, scientific magazine “Lancet”, explaining the performance of the russian vaccine.	J. Borrell: J’ai été heureux de lire les rapports scientifiques publiés dans une revue prestigieuse scientifique “Lancet”, l’article qui a été consacré à une haute efficacité du vaccin russe.

Интересно проанализировать переводческое решение *qui a été consacré à une haute efficacité*. Переводчик вновь усиливает элементы гармоничного дискурса, употребляя глагол менее нейтральный глагол *consacrer* и прилагательное *haute* с явно положительной коннотацией.

Эмоциональные элементы дискурса часто опускаются:

ИТ	Синхронный перевод
Газета «Коммерсант»: Сергей Викторович накануне вашего приезда обещал передать вам видеоматериалы с кадрами жестких разгонов протестных акций на территории стран Европы.	Journal “Kommersant”: Monsieur Lavrov a promis de vous transmettre les vidéos avec les <i>dispersions</i> des manifestations en Europe.

Так, определение «жесткий» никак не отражено в тексте перевода, однако когнитивная информация осталась. Небольшой компрессии подверглись элементы *видеоматериалы с кадрами и на территории стран Европы*, что никак не влияет на комплексное понимание сегмента.

Эмоциональная информация может быть трансформирована в более нейтральную за счет синтаксиса, например – при цитировании:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: Испанские власти ответили: «Вы знаете, у нас есть наша судебная система и даже не думайте сомневаться в тех решениях, которые мы принимаем в наших судах по нашим законам».	S. Lavrov: L’Espagne a répondu que le jugement a été porté en bonne et due forme conformément à la législation interne.

Трансформация прямой речи в косвенную не только позволяет снизить градус конфликтности дискурса за счет фактуализации, но и приближает ее к собственно официальной речи, то есть не наносит ущерба с точки зрения жанра.

Наиболее примечательные с точки зрения когнитивного подхода переводческие решения наблюдаются при необходимости экспликации конфликтного дискурса:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: Я имею в виду тему установления истины в отношении того, что случилось с Навальным и когда и где это случилось.	S. Lavrov: Il s’agit de trouver la vérité au sujet de Navalny, quand et où ce soit-disant empoisonnement a eu lieu.

Дело Навального – одна из наиболее часто встречающихся тем в рамках рассматриваемой пресс-конференции. Это также один из наиболее противоречивых с точки зрения российско-европейских отношений вопросов. Заметим, что в речи С.В. Лаврова фактология в отношении этой темы представлена максимально неконкретно, что требует дополнительных усилий от неподготовленного реципиента.

Фоновые знания переводчика позволяют ему выбрать достаточно конкретный, но вместе с тем осторожный вариант перевода: *quand et où ce soit-disant empoisonnement*. В данном случае *soit-disant* представляет из себя так называемый «громоотвод». Это слово, «выводящее» высказывание из статуса утверждения в статус мнения (причем мнения третьих лиц). Утвердительная форма перевода означало бы, что российская сторона и сама квалифицирует произошедшее как отравление, что не соответствует позиции страны.

«Громоотводы» могут выражаться не только лексически, но и грамматически, с помощью времени:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: Не нашли они [гражданские врачи] там того, что, как говорят, все-таки было направлено в его организм.	S. Lavrov: Les médecins civils Russes et Allemandes n'ont pas trouvé des preuves des substances qui auraient été introduites dans son organisme.

Употребление *conditionnel passé* в функции *conditionnel journalistique* (лексическое *как говорят* оказывается выраженным грамматически) также позволяет отразить реакцию оратора без элемента утверждения. Вновь встречается экспликация, *des substances*, возможная благодаря фоновым знаниям переводчика о предмете беседы.

В рассматриваемой нами вопросно-ответной части конференции особенно часто оказывается задействована фактуализация:

ИТ	Синхронный перевод
С. Лавров: Ни Германия, ни Швеция, ни <i>ставший уже таким ручным и послушным</i> технический секретарь Организации по запрещению химического оружия нам не дают ответа.	S. Lavrov: Ni la Suède, ni l'Allemagne, ni les experts de l'Organisation pour l'interdiction des armes chimiques nous ont rien présenté.

В приведенном примере фактуализация представлена через опущение нефактологических, контекстно конфликтных элементов дискурса (определения). Кроме того, вновь прослеживается экспликация *nous ont rien présentés* (имеется в виду «не предоставили никаких анализов», «никакого ответа»), возможная благодаря восприятию предыдущего контекста.

Что касается декомпрессии, она может иметь форму конкретизации в функции экспликации:

ИТ	Синхронный перевод
J. Borrell: And about further sanctions, there is no for the time being by any member state.	J. Borrell: En ce qui concerne les sanctions, pour le moment, aucun état membre de l'Union Européenne n'a pas donné ses propositions.

Отдельно отметим, что небольшая часть пресс-конференции была переведена другим переводчиком. Следующий пример не будет учитываться при подведении итогов по переводческим стратегиям в рамках пресс-конференции, однако мы предлагаем также его рассмотреть:

ИТ	Синхронный перевод
Агентство «Спутник»: Третьего декабря моих коллег в Латвии, семерых журналистов, задержали, в отношении них были проведены обыски,	Agence "Sputnik": Le trois décembre dernier, mes collègues, journalistes, ont été arrêtés en Lettonie. Des perquisitions ont été effectuées contre ces

ИТ	Синхронный перевод
изъята оргтехника, <i>заведены уголовные дела</i> . <...> Схожие действия мы наблюдали буквально на днях со стороны украинского правительства, <i>где вероломно, без причин и поводов</i> были заблокированы три телеканала.	journalistes et <i>il y a des poursuites engagées</i> . <...> Il y a quelques jours, nous avons fait face à des actions pareilles de la part de l'Ukraine contre leurs journalistes où trois chaînes ont été bloquées.

Переводчик также передает пассивную конструкцию *заведены уголовные дела* через безличное *il y a des poursuites engagées*. Это еще один способ нейтрализации. Наиболее экспрессивные компоненты высказывания (*где вероломно, без причин и поводов*) переводчиком проигнорированы, хотя именно на них журналист сделал интонационный акцент.

Можно сделать вывод, что переводчик стремится ограничить влияние конфликтного дискурса на реципиента через смещение языковых акцентов, а также через опущение компонентов с отрицательной оценочностью.

Таким образом, в переводе пресс-конференции С.В. Лаврова и Ж. Борреля наиболее явно прослеживались стратегии компрессии и декомпрессии (часто – совместно со стратегией столлинга). В основе макростратегии переводчика лежала установка на максимальное снижение воздействия на реципиента элементов конфликтного дискурса.

Заключение

Международные пресс-конференции предполагают наличие синхронного переводчика, когнитивная готовность которого позволяет выстроить эффективный диалог между участниками благодаря использованию фоновых знаний и пониманию специфики пресс-конференции как мероприятия. Синхронный переводчик ориентируется на коммуникативное намерение говорящего и действует сообразно с контекстом.

Исследование показало, что в основе деятельности переводчика на пресс-конференции лежит комплексное применение микро- и макростратегий, позволяющих решить в том числе проблему временной ограниченности. Среди наиболее часто используемых стратегий в рамках конференц-перевода можно выделить стратегию компрессии, декомпрессии и столлинга. Наиболее важной представляется функция переводчика как посредника, позволяющего сгладить ряд конфликтных моментов между сторонами диалога и привести их к взаимопониманию.

В ходе анализа мы пришли к выводу, что в рамках конференц-перевода переводчик может выступать не только в роли транслятора, но и в роли «редактора», что связано со спецификой пресс-конференции как жанра. Так, в рассмотренных нами примерах переводчики нередко опускали «эмоциональную информацию», неоднозначные метафоры, сравнения (прослеживается установка на фактуализацию), что может быть обусловлено контактоустанавливающей функцией переводящей личности. Вместе с тем, компоненты высказывания, позволяющие усилить кооперативный момент мероприятия, переводчиком акцентировались.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004. 352 с.
2. Алексеева Л.М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 1 (7) С. 45–51.
3. Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Институт иностранных языков, 2000. 109 с.
4. Зорин К.А. Пресс-конференция // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 475–476.
5. Иванова И.В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности: автореф. ... к. филол. н. [Электронный ресурс]. Астрахань, 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/zhanr-intervyu-formy-bytovaniya-i-yazykovye-osobennosti/read> (дата обращения: 16.02.2021).
6. Илюхин В.М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода): дис. ... к. филол. н. М., 2001. 223 с.

7. Погодин Б.П. Конференц-перевод в международных организациях. СПб.: Изд-во «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», 2015. 174 с.
8. Усачева А.Н., Шовгенина Е.А. Лингвокогнитивные проблемы конференц-перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. Вып. 2. С. 68–73.
9. Gutt G.N. Translation and Relevance: Cognition and Context. Blackwell: Oxford, 1991. 222 p.
10. Krings H.P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an Fortgeschrittenen. Tübingen: Narr, 1986. 570 S.
11. Selescovitch D., Lederer M. Interpréteur pour traduire, 3ème edition, 1996.

References

1. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to Translation Studies]. Moscow, Akademiya, 2004, 352 p. (In Russ.).
2. Alekseeva L.M. Perevod kak refleksiya deyatelnosti [Translation as a reflection of activity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2010, no. 1 (7), pp. 45-51. (In Russ.).
3. Alekseeva I.S. Professional'noe obuchenie perevodchika [Professional training for a translator]. Saint Petersburg, Institut inostrannykh yazykov, 2000, 109 p. (In Russ.).
4. Zorin K.A. Press-konferentsiya [Press conference]. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie*. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2014, pp. 475-476. (In Russ.).
5. Ivanova I.V. Zhanr interv'yu: formy bytovaniya i yazykovye osobennosti [Interview genre: forms of existence and language features]. PhD abstract. Astrakhan', 2009. (In Russ.). Available at: <https://www.dissercat.com/content/zhanr-intervyu-formy-bytovaniya-i-yazykovye-osobennosti/read> (accessed: 16.02.2021).
6. Ilyukhin V.M. Strategii v sinkhronnom perevode (na materiale anglo-russkoi i russko-angliiskoi kombinatsii perevoda) [Strategies in Simultaneous Translation (Based on English-Russian and Russian-English Combinations of Translation)]. PhD abstract. Moscow, 2001, 223 p. (In Russ.).
7. Pogodin B.P. Konferents-perevod v mezhdunarodnykh organizatsiyakh [Conference interpreting in international organizations]. Saint Petersburg, Izd-vo «Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena», 2015, 174 p. (In Russ.).
8. Usacheva A.N., Shovgenina E.A. Lingvokognitivnye problemy konferents-perevoda [Linguistic and cognitive problems of conference interpreting]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012, iss. 2, pp. 68-73. (In Russ.).
9. Gutt G.N. Translation and Relevance: Cognition and Context. Blackwell: Oxford, 1991. 222 p.
10. Krings H.P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an Fortgeschrittenen. Tübingen: Narr, 1986. 570 S.
11. Selescovitch D., Lederer M. Interpréteur pour traduire, 3ème edition, 1996.

Информация об авторе

Д.С. Тюрина – преподаватель факультета современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Н.В. Хорошева – кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

D.S. Tyurina – Lecturer of the Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University.

N.V. Khorosheva – Ph.D. (Philology), Department of Linguistic and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.08.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 20.08.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 72–83.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 7. P. 72-83.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.24412/2713-0231-2022-7-72-83

КАУЗАТИВНОСТЬ И ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ульяна Александровна Олешковская¹, Светлана Викторовна Шустова²

¹ ДМШ № 3 «Доминанта», Пермь, Россия, ulyamusic@mail.ru

² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, lanaschust@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена с одной стороны, все большим интересом массового читателя и зрителя к политическим событиям, которое стало возможным благодаря стремительному росту интернет-коммуникаций, и, с другой стороны, непреходящим интересом к проблемам проявления каузативности на различных уровнях как в прямом, так и в косвенном видах. Объектом исследования в рамках статьи являются механизмы актуализации категории каузативности в текстах современного англоязычного дипломатического дискурса. Предметом исследования являются разноуровневые средства актуализации каузативности. Цель работы заключается в систематизации языковых средств актуализации каузативности в дипломатическом дискурсе. Цель определила задачи исследования: уточнить понятие «перформативность»; охарактеризовать основные типы проявления перформативности в дипломатических выступлениях на английском языке; рассмотреть эксплицитные и имплицитные формы проявления перформативности в жанре «инаугурационная речь». Материалом исследования послужили тексты выступлений Элизабет Трасс за период с момента вступления ее в должность министра иностранных дел Великобритании 15 сентября 2021 г. по 30 декабря 2021 г. общим числом 70 дипломатических документов разного типа в следующих жанрах: «authored article» – «авторская статья», «speech» – «речь», «press-release» – «пресс релиз», «news story» – «новостное сообщение», «policy paper» – «программный документ», «government response» – «реакция правительства».

Ключевые слова: дискурс, каузативность, перформатив, перформативность, дипломатический дискурс.

Для цитирования: Олешковская У.А., Шустова С.В. Каузативность и перформативность в дипломатическом дискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 72–83. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-72-83>

Original article

CAUSATIVITY AND PERFORMATIVITY IN DIPLOMATIC DISCOURSE

Ulyana. A. Oleshkovskaya¹, Svetlana V. Shustova²

¹ Music School № 3 «Dominant», Perm, Russia, ulyamusic@mail.ru

² Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, lanaschust@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due, on the one hand, to the growing interest of the mass reader and viewer in political events, which became possible due to the rapid growth of Internet communications, and, on the other hand, the enduring interest in the problems of manifestation of causation at various levels, both directly and indirectly. indirect types. The object of research in the framework of this work is the

mechanisms of actualization of the category of causation in the texts of modern English-language diplomatic discourse. The subject of the research is multi-level means of actualization of causation. The aim of the work is to systematize the linguistic means of actualizing causation in diplomatic discourse. The goal determined the objectives of the study: to clarify the concept of "performativity"; characterize the main types of manifestation of performativity in diplomatic speeches in English; consider explicit and implicit forms of manifestation of performativity in the genre of "inaugural speech". The material of the study was the texts of Elizabeth Truss's speeches for the period from the moment she took office as British Foreign Secretary on September 15, 2021 to December 30, 2021. a total of 70 diplomatic documents of various types in the following genres: "authored article" – "author's article", "speech" – "speech", "press-release" – "press release", "news story" – "news message", "policy paper" – "program document", "government response" – "reaction of the government".

Keywords: discourse, causativity, performative, performativity, diplomatic discourse.

For citation: Oleshkovskaya U.A., Shustova S.V. Causativity and performativity in diplomatic discourse // Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;7:72-83. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-72-83>

Введение

В рамках инструментальной функции языка политики Е.И. Шейгал выделяет такие функции, как функция социального контроля (манипуляция общественным сознанием), легитимизации и воспроизводства власти, ориентации и дифференциации, социальной солидарности, агональную и акциональную [Шейгал 2003]. «Мобилизация к действию является, пожалуй, наиболее значимым проявлением инструментальной функции языка политики, который должен стимулировать к совершению действий». Исследователь говорит о том, что стимулирование к действию может быть осуществлено через прямое обращение в виде призывов и лозунгов, через создание соответствующего (необходимого) эмоционального настроения, а также через речевые акты, являющиеся заместителем действий – обещания, обвинения, угрозы. Важным стимулом к политическим действиям служат такие речевые акты, как выражение поддержки и доверия [там же: 54].

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что ряд категорий глаголов, представляющих регулятивную функцию, будет наиболее частотным и, согласно классификации перформативов у Ю.Д. Апресяна, это глаголы следующих групп – специализированные сообщения, осуждения, одобрения, согласия и возражения, предложения и советы, обещания, требования. Глаголы других групп будут представлены в гораздо меньшем объеме.

Перформатив рассматривается как особый класс речевых актов, их значение совпадает с действием, которое они выполняют, то есть говорящий посредством произнесения одновременно совершает называемое действие [Остин 1986; о речевых актах [Серль 1986, 1986а]. Эти высказывания, в отличие от констатирующих, или дескриптивных, имеют ряд определенных характеристик: перформативное высказывание совершает действие, а не описывает его; смысловой глагол перформативного высказывания обычно стоит в первом лице единственного числа, настоящего времени изъявительного наклонения в действительном залоге (но тут возможны исключения); перформативное высказывание не может быть истинным или ложным, оно квалифицируется как искреннее или неискреннее; перформативное высказывание может быть успешным или неуспешным, чтобы быть успешным, оно должно удовлетворять критериям успешности (felicity conditions, по Остину); перформативное высказывание в той или иной мере опирается на языковые и социальные конвенции и потому имеет нормативные для данного общества последствия.

«Под коинциденцией (перформативностью), – писал Э. Кошмидер, – я подразумеваю совпадение слова и действия... в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие». *Я пишу*, разъясняет он дальше, есть с о о б щ е н и е об акте писания, а не самый акт писания. Между тем *Я прошу* – это самый акт просьбы, а не сообщение о нем [Апресян 1995: 199].

Основная часть

Идея совпадения слова и действия присутствует и во всех последующих определениях перформативности. Перформативы могут проявлять себя на различных уровнях языка. Перформативы могут быть каноническими, то есть прямыми, а могут проявляться косвенно в виде побуждений. Так, если перечислить перформативы группы речевые ритуалы, а это такие глаголы, как *благодарить, желать удачи, извиняться, поздравлять, приветствовать, прощаться, соболезновать*, то становится очевидным, что по большей части они относятся к интерперсональным коммуникациям личного характера, и поэтому не могут быть использованы в речи крупного политического деятеля, говорящего от имени всего народа. Из вышеперечисленных глаголов мог бы быть подобен глагол *приветствовать*, который является лексическим маркером официально-делового стиля и семантически окрашивает высказывание, придавая ему необходимую приподнято-торжественную строгость и официальность.

Действительно, мы находим образцы его использования, прежде всего, в жанре «программный документ». Этот жанр представляет собой документ о сотрудничестве двух и более стран, поэтому выражения доверия, поддержки и одобрения являются в них важным аксиологическим элементом. В английском языке ему соответствуют глаголы *to welcome* и *to applaud*. Первый из них узуально более обычен и используется регулярно, а второй представляет в свернутом виде выражение *одобрять, поддерживать, приветствовать аплодисментами* со смысловым акцентом на глаголе и используется, как это отмечено в словаре, в официально-деловом стиле, что и определило выбор:

– *to welcome* – «2. радоваться тому, что кто-либо пришел или присоединился к организации, деятельности и т.д. 3. с радостью получать или принимать что-либо» [Oxford Dictionary 2005: 1732] *We welcome regular meetings and increased collaboration between the UK and Nordic-Baltic partners.* – Мы **приветствуем** регулярные встречи и расширение сотрудничества между Великобританией и северо-балтийскими партнерами (совместная декларация о сотрудничестве между Великобританией и Латвией от 06.12.2021). *The Foreign Ministers welcomed the completion of the United Kingdom – Gulf Cooperation Council Joint Trade and Investment Review in June 2021.* – Министры иностранных дел **приветствовали** завершение в июне 2021 года совместного обзора торговли и инвестиций Великобритании и Совета сотрудничества стран Персидского залива (коммюнике на встрече министров иностранных дел Великобритании и Совета сотрудничества стран Персидского залива от 20.12.2021).

– *to applaud* – «2. (официально) выражать похвалу кому-либо / чему-либо, потому что вы одобряете их или это» [Oxford Dictionary 2005: 61] *Ministers also applauded the conclusion of an ambitious, comprehensive and modern Free Trade Agreement, and for the UK the first entirely new FTA negotiated since leaving the European Union.* – Министры также **приветствовали** заключение амбициозного, всеобъемлющего и современного соглашения о свободной торговле, которое стало для Великобритании первым совершенно новым соглашением о свободной торговле, заключенным после выхода из ЕС (коммюнике на встрече министров иностранных дел Великобритании и Совета сотрудничества стран Персидского залива от 20.12).

Морфологический и лексический перформатив

Обычно глагол считается перформативным, если его употребление в форме первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия. Как следует из приведенного выше определения, перформативы в своей перформативной ипостаси имеют неполную словоизменительную парадигму. Правда, нельзя принимать это определение чересчур буквально и считать, что у перформативов есть только форма первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия. Некоторое (небольшое) число перформативных глаголов имеет еще несколько

грамматических форм, но предсказать их наличие у конкретного глагола из общих соображений нельзя. Поэтому для каждого такого глагола допустимый в перформативной функции набор словоизменительных форм должен указываться непосредственно в словаре. [Апресян 1995: 199]

В статье анализируется речь Э. Трасс, занимающей высокий государственный пост и выражающей не свое личное мнение, но официальную позицию всего государства, то есть говорящей от имени нации. Вречах Э. Трасс наряду с использованием местоимения первого лица единственного числа *I* не реже актуализируется и форма первого лица множественного числа *we*, в своем типичном для политического дискурса варианте «мы-инклюзивное» в которое в разных высказываниях входит и «мы – нация», то есть государство в целом, и «мы – международные партнеры», то есть другие государства, объединенные общими целями и задачами. Использование именно этого варианта «мы-инклюзивное» негласно является облигаторным элементом для жанра «программный документ». Также выделяется эксплицирующийся с высокой степенью частотности номинатив «The United Kingdom» или, сокращенно, «the UK», представляющего собой форму третьего лица единственного числа. Поэтому в исследовании в равной мере учитываются также и формы глаголов первого лица множественного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива и третьего лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива, как выражающие волю единого субъекта – нации, государства, содружества государств. Подтверждением этой мысли служат нижеследующие примеры:

– *The United Kingdom welcomes and supports mediation efforts and urge the military to engage in a spirit of compromise.* – Соединенное Королевство **приветствует** и **поддерживает** посреднические усилия и **призывает** военных действовать в духе компромисса (новостное сообщение об осуждении военного переворота в Судане от 05.11.2021) – использованы глаголы с окончанием *-s*-, необходимым для третьего лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива.

– *We urge the People's Republic of China to act in accordance with its international obligations to respect protected rights and fundamental freedoms in Hong Kong, including those guaranteed under the Sino-British Joint Declaration.* – Мы **настоятельно призываем** Китайскую Народную Республику действовать в соответствии со своими международными обязательствами по соблюдению охраняемых прав и основных свобод в Гонконге, включая те, которые гарантированы совместной китайско-британской декларацией (пресс-релиз о совместном заявлении, сделанное министрами иностранных дел после выборов в законодательный совет Гонконга от 20.12.2021) – использованы глаголы первого лица множественного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива.

– *We agree to strengthen our collaboration by sharing information and best practice bilaterally, and with regional partners via multilateral cooperation through existing security groupings such as the JEF, and the Northern Group.* – Мы **согласны** укреплять наше сотрудничество путем обмена информацией и передовым опытом на двусторонней основе, а также с региональными партнерами посредством многостороннего сотрудничества через существующие группы безопасности, такие как ДЭФ и Северная группа. (совместная декларация о сотрудничестве между Великобританией и Латвией от 06.12.2021) – использован глагол первого лица множественного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива.

Теперь рассмотрим другие, допустимые в перформативной функции формы глагола, которые эксплицированы в выступлениях Э. Трасс:

а) Первое лицо единственного числа простого будущего времени активного залога индикатива – *This is how, as Foreign Secretary, I will ensure our foreign policy delivers for*

people across our great country. – Именно так, в качестве министра иностранных дел, я обеспечу, чтобы наша внешняя политика приносила пользу людям по всей нашей великой стране. (авторская статья Э. Трасс в газете «The Sunday Telegraph» от 18.09.2021); *The United Kingdom will not look away. We will stand with our allies in the region. – Соединенное Королевство не отвернется. Мы будем поддерживать наших союзников в регионе* (авторская статья в газете «the Sunday Telegraph», посвященная проблеме транзитных эмигрантов в Европе от 14.11.2021).

б) Третье лицо единственного числа настоящего времени активного залога индикатива – пример см. выше.

Итак, первыми в классификации Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995] помещены специализированные сообщения и утверждения. При использовании глаголов данной группы важен не собственно акт говорения, но его специфический ракурс, выражаемый эксплицитной перформативной приставкой. Действительно, специализация этих глаголов, выявляющая в них качество перформативности, позволяет адресанту не просто сообщать некую информацию, но отражать свою позицию относительно нее, тем самым воздействуя на адресата. Если же адресантом является публичная персона, личность, занимающая важный государственный пост, лицо, выражающее точку зрения не личную, но представляемого им государства, как это имеет место быть в случае с премьер-министром Великобритании Э. Трасс, то это становится особенно важным. Поэтому представляется логичным тот факт, что примеры использования глаголов, относящихся к данной группе, являются одними из наиболее многочисленных и разнообразных. Всего было выявлено более десятка различных глаголов этой группы. В целом, можно выявить три наиболее употребительных перформатива – это *подтверждать*, *подчеркивать* и *объявлять*, и в их частом использовании видится проявление лингвопрагматической специфики функционирования языка в политическом медиапространстве: ведь правительству и его представителям регулярно приходится на какие-то события политической жизни и на позицию страны по отношению к ним обращать отдельное внимание, чтобы они закрепились в сознании массового адресата (и у себя в стране, и за рубежом) как имеющие особое значение, а для этого их надо подчеркивать, что-то еще раз подтверждать или же объявлять о каком-либо важном событии. При этом в глаголе *to announce* реализуются одновременно оба варианта значения этого слова – «1. сообщить людям что-либо официально, особенно о решении, планах и т.д. 2. дать информацию о чем-либо в общественном месте, особенно через громкоговоритель» [Oxford Dictionary 2005: 53].

Все эти глаголы выступают в качестве представителей кооперативной модели дискурса, они сообщают адресату о стремлении коммуникантов к взаимопониманию и реализации согласованных речевых и когнитивных действий, а также о совпадении, хотя бы частичном, аксиологических установок коммуникантов [Кошкарова 2015, 2016]. Кроме того, лексические единицы, сопутствующие данным глаголам, создают общее поле с положительно окрашенными коннотациями: в декларации о сотрудничестве с Латвией это такие слова, как *содействие*, *благополучие*, *процветание*, *открытость*; в заявлении на встрече министров «Большой семерки» это *поддержка*, *свободные*, *справедливые*, *доверие*:

– *to announce* – *Today, we're announcing £20 million to prevent violence against women. – Сегодня мы объявляем о выделении 20 миллионов фунтов стерлингов на предотвращение насилия в отношении женщин* (речь министра иностранных дел Великобритании на приеме Консультативного совета «Большой семерки» по гендерному равенству от 17.11.2021).

– *to reaffirm* – *The UK and Latvia reaffirm our commitment to promote welfare and prosperity through economic openness. – Великобритания и Латвия подтверждают свои обязательства по содействию благополучию и процветанию посредством экономической открытости* (совместная декларация о сотрудничестве между Великобританией и Латвией от 06.12.2021).

– *to reiterate* – *On Libya, we reiterated our support for free, inclusive and credible presidential and parliamentary elections starting on 24 December.* – *Что касается Ливии, то мы вновь заявили о своей поддержке свободных, справедливых, всеобщих и заслуживающих доверия президентских и парламентских выборов, начинающихся 24 декабря* (заявление Э. Трасс в качестве председателя на встрече министров иностранных дел стран «Большой семерки» от 12.12.2021).

В противоположность предыдущей группе глаголы группы осуждения будут представлять собой конфликтную модель дискурса, в которой будет эксплицироваться несовпадение аксиологических приоритетов коммуникантов, будет актуализированы отношения определенной тональности, способы речевого воздействия и речевые тактики [Кошкарлова 2015, 2016]. Группа глаголов осуждения представлена у Ю.Д. Апресяна следующими глаголами: *обвинять, осуждать, порицать, приговаривать, проклинать*. Очевидно, что в коммуникативной практике публичной формы дипломатического дискурса из всех вышеперечисленных может использоваться только глагол *осуждать*, поскольку глаголы *обвинять* и *приговаривать* используются в лингвопрагматических ситуациях, связанных с судебной системой и делопроизводством, глагол *порицать* относится к интерперсональным коммуникациям личного характера и не выражает должного масштаба действия для использования его в речи крупного политического деятеля, а глагол *проклинать* уместен исключительно для использования его в сфере художественной литературы для выражения аффектированных чувств. Можно предположить, что частотность использования глагола *осуждать* будет достаточно высокой, поскольку он осуществляет следующие типичные функции конфликтного дискурса, как информативную, воздействующую, интерактивную, оценочную и манипулятивную. И действительно, выявлено большое количество примеров использования этого глагола:

– *to condemn* – «выражать очень сильное неодобрение кому-либо / чему-либо, обычно по моральным соображениям» [Oxford Dictionary 2005: 315] *Both countries condemned, in strongest terms, the use of chemical weapons.* – *Обе страны самым решительным образом осудили применение химического оружия* (совместное коммюнике инаугурационного совета ассоциации министров Великобритании и Марокко от 09.12.2021); *The United Kingdom strongly condemns the military coup in Sudan on 25 October.* – *Великобритания решительно осуждает военный переворот в Судане 25 октября* (новостное сообщение от 05.11.2021).

Различия в степени осуждения проявляются через добавление к глаголу усиливающих слов, например, *strongly* / *решительно* или *in the strongest terms* / *самым решительным образом*. Если учесть, что глагол *to condemn* определяется как *выражать очень сильное неодобрение*, то добавление усиливающих эпитетов превращает степень неодобрения из очень высокой в наивысшую. Также интересен пример, когда выражение неодобрения эксплицируется не глаголом, а производным от него имени существительным *condemnation* / *осуждение* в сочетании с каноническим перформативом *to reiterate* / *вновь заявить*, что приводит к следующей лексической конструкции: *The military's allegations of electoral fraud are entirely unsubstantiated and we reiterate our condemnation of the military coup.* – *Утверждения военных о фальсификации выборов совершенно не обоснованы, и мы вновь заявляем о своем осуждении военного переворота* (заявление Великобритании по поводу годовщины выборов 2020 г. в Мьянме в пресс-релизе от 08.11.2021).

Кооперативную модель дискурса также представляют и глаголы группы одобрения, которая в высказываниях Э. Трасс представлена следующими глаголами:

– *to endorse* – «публично заявить, что вы поддерживаете какого-либо человека, заявление или образ действий» [Oxford Dictionary 2005: 503] *We endorsed the Non-Proliferation Directors' Group statement published in April.* – *Мы поддержали заявление Группы директоров по нераспространению, опубликованное в апреле* (заявление Трасс в качестве председателя на встрече министров иностранных дел стран «Большой семерки» от 12.12.2021).

– *to recognise* – «3. официально принимать и одобрять кого-либо / что-либо» [Oxford Dictionary 2005: 1262] *We recognise the importance of a stronger and more capable European contribution to this, and remain committed to NATO-EU cooperation.* – Мы **признаем** важность более решительного и мощного европейского вклада в это дело и остаемся приверженными сотрудничеству между НАТО и ЕС (совместная декларация о сотрудничестве между Великобританией и Латвией от 06.12). В данном примере экспликация лексических единиц, окружающих сам глагол, создает чрезвычайно сильное поле с положительно окрашенными коннотациями: *the importance* / важность, *stronger* / более решительный, *more capable* / более мощный, *contribution* / вклад, *remain committed* / остаемся приверженными, *cooperation* / сотрудничество. Каждое последующее слово усиливает производимый всем предложением эффект об исключительной важности и необходимости данного сотрудничества.

Если мы обратимся к списку глаголов данной группы, приведенному у Ю.Д. Апресяна, то заметим, что он состоит из следующих глаголов: *благословлять, одобрять, рекомендовать, утверждать и хвалить*. С формальной точки зрения в определении глагола *to endorse* эксплицитно одобрение не проявляется, но говорится о том, что это слово означает *поддерживать кого-либо или что-либо*. Также важно и то, что заявляется об этой поддержке публично. Как правило, люди склонны поддерживать того, чьи взгляды на ту или иную проблему они разделяют, ту позицию по какому-либо вопросу, которую они одобряют. Трудно и даже невозможно поддерживать то, что вызывает критику или протест. Поддержка – это прагматическая реализация одобрения чего-либо. На этом основании мы отнесли данный пример к этой группе глаголов. Что касается глагола *to recognise*, то в его определении уже заложен семантический смысл *одобрять*, и потому мы относим этот пример к данной группе.

Следующая группа перформативов – обещания, и она также широко представлена примерами в различных выступлениях Э. Трасс. Этому тоже можно дать естественное объяснение: использование различного рода обещаний – обычная повседневная практика выступлений политика:

– *to commit* – «1. Искренне обещать, что вы обязательно сделаете что-либо, придерживаться соглашения или договоренности и т.д. 2. Высказать мнение или принять решение открыто, чтобы потом было трудно его изменить» [Oxford Dictionary 2005: 302] *We commit to engage in regular bilateral dialogue at all levels.* – Мы обязуемся вести регулярный двусторонний диалог на всех уровнях (совместная декларация о сотрудничестве между Великобританией и Латвией от 06.12.2021).

– *to ensure* – «следить за тем, чтобы что-либо произошло или было определенным» [Oxford Dictionary 2005: 508] *This is how, as Foreign Secretary, I will ensure our foreign policy delivers for people across our great country.* – Именно так, в качестве министра иностранных дел, я **обеспечу**, чтобы наша внешняя политика приносила пользу людям по всей нашей великой стране. (авторская статья Э. Трасс в газете «The Sunday Telegraph» от 18.09.2021).

Синтаксический перформатив

Синтаксический перформатив актуализирует каузативность в форме предложения, в котором наличествует либо перформативный глагол побудительной семантики, либо модальные глаголы долженствования, а также различные грамматические конструкции, выражающие побудительность. В исследуемом материале было зафиксировано большое количество синтаксических перформативов, которые можно, используя классификацию Ю.Д. Апресяна, отнести к следующим группам: согласия и возражения, одобрения, осуждения, разрешения, требования, обещания. Рассмотрим последовательно вышеперечисленные способы выражения каузативности на синтаксическом уровне и проанализируем, глаголы каких групп туда входят.

Модальные глаголы долженствования выполняют функцию предписания, характерную для политической и публичной форм дипломатического дискурсов. Тем самым они демонстрируют явную интенциональность высказывания и каузативность,

призванные обеспечить его регулятивную функцию. Поэтому мы относим их к группе, представляющей требования. При анализе высказываний Э. Трасс нами были выявлены следующие модальные глаголы долженствования: *must, should, have to, need*. Безусловно, самую высокую степень регулятивности поведения, предписания, которые должны выполняться как приказы, как команды, как инструкции, обеспечивается при использовании глагола *must*. Надо отметить, что он является излюбленным средством лексического воздействия Э. Трасс, самым жестким вариантом долженствования из всех вышеперечисленных, и, несомненно, использование такого сильного синтаксического и лексического средства воздействия должно продемонстрировать широкой аудитории власть и полномочия человека, произносящего высказывание, понимание того, что выбранным способом демонстрируется мощь страны и предупреждение о возможных последствиях непослушания. Чаще всего такие высказывания относятся к странам, позицию которых по многим вопросам Великобритания не разделяет и, соответственно, они попадают согласно бинарной оппозиции «свои-чужие» в разряд «чужих», «врагов», к которым не только можно, но и нужно применять силу.

Нижеследующие примеры демонстрируют ситуацию, где в качестве *пациенс* выступают Мьянма, Гонконг, Иран – страны, по отношению к которым, Великобритания демонстрирует конфликтную модель дипломатического дискурса и Э. Трасс эксплицирует в нижеследующих высказываниях прежде всего воздействующую, но также одновременной с ней оценочную и манипулятивную функции: ***The military must end the violence, release political prisoners and engage in dialogue to enable a return to democracy.*** – ***Военные должны прекратить насилие, освободить политических заключенных и начать диалог, чтобы обеспечить возвращение к демократии*** (пресс-релиз, сообщающий о заявлении Великобритании по поводу годовщины выборов в Мьянме от 08.11.2021); ***The Hong Kong SAR Government must uphold freedom of speech and allow the public a genuine choice of political representatives.*** – ***Правительство САР Гонконг должно поддерживать свободу слова и предоставить населению возможность реального выбора политических представителей*** (реакция правительства на дисквалификацию советников районов в Гонконге от 21.10.2021); ***Instead of threatening to return Nazanin to prison Iran must release her permanently so she can return home.*** – ***Вместо угроз вернуть Назанин в тюрьму Иран должен освободить ее навсегда, чтобы она могла вернуться домой*** (пресс-релиз о положении Назанин Загари-Рэтклиф от 16.10.2021).

Еще два примера с глаголом *must* демонстрируют другую группу объектов воздействия, объектов, относящихся в бинарной дихотомии политического дискурса к категории «свои» (объекты – вице-президент ЕК и народ Великобритании), однако и по отношению к ним эксплицируется такая же открытая директивность и категоричность указаний, демонстрирующих позицию превосходства и жесткого лидерства, хотя дальнейшее разворачивание высказывания и выявляет его принадлежность к кооперативной модели политического дискурса: ***We must pick up the pace on talks in the New Year. Our preference remains to reach an agreed solution.*** – ***В новом году мы должны ускорить темп переговоров. Мы по-прежнему предпочитаем достичь согласованного решения*** (пресс-релиз о встрече министра иностранных дел с вице-президентом Европейской комиссии Марошем Шефчовичем от 21.12.2021); ***An unfrozen moment that we must capitalise on.*** – ***Незабываемый момент, который мы должны использовать.*** (речь Э. Трасс в Чатам Хаус от 08.12.2021).

Другие модальные глаголы долженствования выражают каузативное воздействие чуть менее категорично, поэтому при их переводе возможно использование взаимозаменяемых глаголов, синонимично передающих смысл каузативного воздействия:

– *should* – ***This should be a win-win-win deal for the UK, the Gulf, and countries across Africa and Asia that will create jobs, improve lives, and benefit British and Gulf businesses operating in the region.*** – ***Это должна быть беспроигрышная сделка для Великобритании, стран Персидского залива и стран Африки и Азии, которая создаст рабочие места,***

улучшит жизнь людей и принесет пользу британскому бизнесу и бизнесу стран Персидского залива, действующих в регионе (пресс-релиз о новых партнерских отношениях между Великобританией и странами Персидского залива от 21.10.2021); *Yet this progress shouldn't blind us to the pitfalls.* – Однако этот прогресс не должен ослеплять нас так, чтобы мы не замечали подводных камней (речь Э. Трасс в Чатам Хаус от 08.12.2021). Второе предложение представляет определенную переводческую трудность, так как дословный перевод синтаксической конструкции *shouldn't blind us to the pitfalls* как не должны ослеплять нас от подводных камней нарушает узуальную норму русского языка, поэтому в данном случае приходится прибегать к описательному методу с использованием придаточного предложения для точной передачи смысла высказывания. *Travellers should check FCDO travel advice for the entry requirements for their destination, including any proof of vaccination they may need, as well as testing and quarantine rules.* – Путешественникам следует ознакомиться с рекомендациями министерства иностранных дел относительно путешествий, чтобы узнать о требованиях к въезду в страну назначения, включая любые доказательства вакцинации, которые могут понадобиться, а также о правилах проверки и карантина (пресс-релиз об изменениях в правилах для путешествий за границу для более чем 50 стран и территорий от 08.10.2021). Данный пример представляет альтернативный вариант перевода модального глагола, так как директивность высказывания в целом снижена по сравнению с предыдущими примерами, и он представляет собой не приказ, и не призыв, а рекомендации.

У модального глагола *have to* выявляется сема «вынужденная необходимость сделать что-либо», поэтому при переводе на русский язык официальных высказываний она точнее всего эксплицируется посредством выражения *необходимо что-либо сделать*: *We have to end this strategic dependency, whether it's on energy, investment or technology. We have to provide an alternative.* – Нам необходимо покончить с этой стратегической зависимостью, будь то энергетика, инвестиции или технологии. Нам необходимо предоставить альтернативу (речь Э. Трасс в Чатам Хаус от 08.12.2021). Но можно перевести эти фразы и как *мы должны покончить, мы должны предоставить*. В данном случае разница между вариантами перевода не очень существенная, хотя первый вариант перевода является более точным.

И, наконец, глагол *need*, который может переводиться как *требовать* или *нуждаться*, в контексте официальных дипломатических заявлений понимается как *долженствование сделать что-либо* и поэтому переводится глаголом *быть должным*: *We need to protect our sea and trade routes and, operating from a position of strength, be hard-headed in defending our interests and challenging unfair practices* – Мы должны защищать наши морские и торговые пути и, действуя с позиции силы, жестко отстаивать наши интересы и бороться с недобросовестными действиями (пресс-релиз о более тесном партнерстве в области обороны и безопасности с Индией от 23.10.2021); *If we want to avoid Afghanistan becoming a haven for global terror then the international community – including Russia and China – needs to act as one in its engagement with the Taliban* – Если мы хотим избежать превращения Афганистана в убежище для мирового террора, то международное сообщество, включая Россию и Китай, должно действовать как единое целое в своем взаимодействии с Талибаном (пресс-релиз о встрече министров – пяти постоянных членов Совета безопасности ООН от 22.09).

Отдельно необходимо рассмотреть выражение *I want somebody to do something / Я хочу, чтобы кто-либо что-либо сделал*, представляющую в английском языке один из возможных вариантов синтаксической конструкции с названием *complex object / сложное дополнение*. Кроме глагола *to want / хотеть* в варианте данной синтаксической конструкции, выражающем желание и потребность, могут использоваться и другие глаголы: *to wish / to desire* – *желать*, *to like* – *нравиться*, *should / would like* – *хотел бы*, но именно глагол *to want* придает высказыванию наибольшую прямолинейность и даже

некоторую жесткость по сравнению, скажем, с хеджированным *would like*. Высказывание директивно эксплицирует положение *пациенс* как безусловно подчиненное по отношению к *агенс*.

Наблюдается ярко выраженное проявление интенциональности высказывания. Использование формы первого лица единственного числа демонстрирует статусное положение говорящего и его право выражать свои желания, сводя роль адресата к объекту выполнения этих желаний. Экплицируется неравное статусное положение коммуникантов и, таким образом, демонстрируется позиция говорящего как позиция власти, позиция сильнейшего.

В роли *пациенс* в различных примерах выступают другие страны – *our allies / наши союзники, G7 countries / страны «Большой семерки»* или *своя собственная страна – the UK*. И в том, и в другом случае налицо демонстрация собственной значимости и политической силы, заявления производятся с позиции субъекта – хозяина положения. Эту грамматическую конструкцию можно наблюдать в подавляющем большинстве ее выступлений. Поэтому можно сказать, она является характерной стилистической чертой «языкового» портрета политика, своеобразным маркером политического идиолекта Э. Трасс и актуализируется почти в каждом ее выступлении: ***I want the UK and our allies to build closer economic and security ties with the region, which will boost jobs and growth and help support a freer, wealthier, more secure Western Balkans.*** – ***Я хочу, чтобы Великобритания и наши союзники установили более тесные экономические связи и связи в области безопасности с регионом, что будет способствовать увеличению рабочих мест и росту и поможет поддержать более свободные, более богатые и более безопасные Западные Балканы*** (пресс-релиз о встрече Э. Трасс группы министров иностранных дел Западных Балкан от 13.12.2021); ***I want the UK to be the beating heart of a global network of liberty*** – ***Я хочу, чтобы Великобритания была пульсирующим сердцем глобальной сети свободы*** (авторская статья в «the Sunday Express» о блестящем будущем Британии за пределами Европы от 07.11.2021); ***I want G7 countries to deepen ties in areas like trade, investment, technology and security so we can defend and advance freedom and democracy across the world.*** – ***Я хочу, чтобы страны «Большой семерки» углубляли связи в таких областях, как торговля, инвестиции, технологии и безопасность, чтобы мы могли защищать и продвигать свободу и демократию во всем мире*** (пресс-релиз о встрече Э. Трасс членов «Большой семерки» от 11.12.2021); ***I want our friends across Europe to join us.*** – ***Я хочу, чтобы наши друзья по всей Европе присоединились к нам*** (авторская статья в газете «the Sunday Telegraph», посвященная проблеме транзитных эмигрантов в Европе от 14.11.2021).

Заключение

В процессе исследования выявлены многочисленные примеры реализации категории каузативности как причинения изменений в какой-либо сфере антропонимического характера на материале выступлений дипломата. В ходе их анализа мы опирались на классификацию канонических перформативов, предложенную Ю.Д. Апресяном. Были выявлены следующие группы глаголов, относящиеся к перформативам: согласия и возражения, одобрения, осуждения, разрешения, требования, обещания, специализированные сообщения и утверждения, обещания, предложения и советы. Они проявляются в речи на разных уровнях языка: на морфологическом, лексическом и синтаксическом. Кроме того, учитывая аксиологически обусловленную эксплицитную биполярность текстов политического дискурса, к выявленным глаголам также удалось применить две модели взаимодействия – кооперативную и конфронтационную модели дискурса.

В конфликтной модели дискурса будет эксплицироваться несовпадение аксиологических приоритетов коммуникантов, будут актуализированы отношения определенной тональности, способы речевого воздействия и речевые тактики. Если же глаголы выступают в качестве актуализаторов кооперативной модели дискурса, они

сообщают адресату о стремлении коммуникантов к взаимопониманию и реализации согласованных речевых и когнитивных действий, а также о совпадении, хотя бы частичном, аксиологических установок коммуникантов. Кроме того, лексические единицы, сопутствующие данным глаголам, создают общее поле с положительно окрашенными коннотациями.

Говоря о проявлении перформативности на синтаксическом уровне, необходимо отметить высокую частотность использования модальных глаголов долженствования, а именно: *must, should, have to, need*. Безусловным «лидером» по частоте использования в данной группе является глагол *must*. Также очень высока частотность использования синтаксической конструкции *complex object*, ее вариант с глаголом *want*: *I want somebody to do something*. Использование данных синтаксических средств побуждения насыщает речь Э. Трасс эксплицитно выражаемой перформативностью, делает ее в достаточно высокой степени жесткой и категоричной, создавая языковой портрет сильного и властного лидера.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. В 2-х т.: Т. 2.: М.: Языки русской культуры, 1995. 769 с.
2. Кошкарлова Н.Н. Книга в межкультурном политическом пространстве: Реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2015. № 20 (375). Вып. 97. С. 69–72.
3. Кошкарлова Н.Н. Межкультурный политический прогноз: Реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 119–126.
4. Мамонова Н.В. Медиадискурс как глобальное коммуникативное пространство // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 68–74.
5. Олешковская У.А., Шустова С.В. Функции инаугурационного обращения // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 10–15.
6. Остин Дж.Л. Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / отв. ред. Городецкий Б.Ю. М.: Прогресс, 1986. С. 22–131.
7. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / отв. ред. Городецкий Б.Ю. М.: Прогресс, 1986. С. 195–223.
8. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / отв. ред. Городецкий Б.Ю. М.: Прогресс, 1986. С. 170–195.
9. Путина О.Н., Балакин С.В. Речевая коммуникация: прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 4–9.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 434 с.
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Seventh edition. Oxford University Press, 2005. 1780 p.

References

1. Apresyan Yu.D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of language and system lexicography]. *Izbrannyye trudy*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, vol. 2, 1995, 769 p. (In Russ.).
2. Koshkarova N.N. Kniga v mezhkul'turnom politicheskom prostranstve: Realizatsiya modelei konfliktnogo i kooperativnogo tipov diskursa [The book in the intercultural political space: Implementation of models of conflict and cooperative types of discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskustvovedenie*. 2015, no. 20 (375), iss. 97, pp. 69-72. (In Russ.).
3. Koshkarova N.N. Mezhkul'turnyi politicheskii prognoz: Realizatsiya modelei konfliktnogo i kooperativnogo tipov diskursa [Intercultural political forecast: Implementation of models of conflict and cooperative types of discourse]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2016, no. 2, pp. 119-126. (In Russ.).
4. Mamonova N.V. Mediadiskurs kak global'noe kommunikativnoe prostranstvo [Media discourse as a global communicative space]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. 2021, no. 3, pp. 68-74. (In Russ.).
5. Oleshkovskaya U.A., Shustova S.V. Funktsii inauratsionnogo obrashcheniya [Functions of the inaugural address]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2022, no. 3, pp. 10-15. (In Russ.).

6. Ostin Dzh.L. Slovo kak deistvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike, iss. 17: Teoriya rechevykh aktov*. Moscow, Progress, 1986, pp. 22-131. (In Russ.).
7. Serl' Dzh.R. Kosvennye rechevye акты [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Teoriya rechevykh aktov*. Moscow, Progress, iss. 17, 1986, pp. 195-223. (In Russ.).
8. Serl' Dzh.R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Teoriya rechevykh aktov*. Moscow, Progress, iss. 17, 1986a, pp. 170-195. (In Russ.).
9. Putina O.N., Balakin S.V. Rechevaya kommunikatsiya: pragmaticeskii aspekt [Speech communication: pragmatic aspect]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2022, no. 1, pp. 4-9. (In Russ.).
10. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Volgograd, Peremena, 2000, 434 p. (In Russ.).
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Seventh edition. Oxford University Press, 2005. 1780 p.

Информация об авторах

У.А. Олешковская – магистр,
преподаватель теоретических дисциплин, ДМШ № 3 «Доминанта»;
С.В. Шустова – доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
профессор кафедры методики преподавания иностранных языков,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

U.A. Oleshkovskaya – Master's degree,
Teacher of Theoretical Disciplines, DMSH No. 3 "Dominant";
S.V. Shustova – Grand Ph.D. (Philology), Professor, Professor of the Department of Linguistics
and Translation, Perm State University;
Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022;
принята к публикации 23.09.2022

The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for
publication 23.09.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 84–96.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 7. P. 84-96.

Научная статья

УДК 811.133.1

doi: 10.24412/2713-0231-2022-7-84-96

КОМПЛЕКС «ПРЕДЛОГ + ФОРМА ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА» В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ЭРИТАЖНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ДОМИНИРУЮЩИМ ФРАНЦУЗСКИМ ЯЗЫКОМ

Юлия Валерьевна Богоявленская¹, Катя Пайкин²

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, jvbog@yandex.ru

² Университет Лилля, Лилль, Франция, katia.paykin@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению аномалий в употреблении комплекса «предлог + форма предложного падежа» в речи носителей эритажного русского языка с доминантным французским языком. Под эритажным понимается язык несбалансированных билингвов, второго поколения эмиграции, отличающийся рядом устойчивых черт от речи других региональных разновидностей русского языка. В качестве материала исследования использовались контексты, извлеченные из «Русского учебного корпуса». Анализ показывает, что эритажные говорящие не склонны опускать предлоги и игнорировать падежное маркирование. Выявлены две группы ошибок. Первая группа, включающая ошибки в окончаниях предложного падежа, связываются с неверным восприятием фонологической структуры слова. Не имея прочно сформированного орфографического навыка, говорящие конструируют несуществующие варианты флексий, обусловленных безударной позицией конечного гласного в словах с *j*-основой, путают *-и* и *-е*. Трудности при передаче мягкости конечной согласной основы объясняются отсутствием оппозиции твердость – мягкость во французском языке. Вторая группа ошибок представляет собой морфосинтаксические нарушения. Аномалии выявляются в комплексах «в / на + форма предложного падежа», в употреблении предлогов *в* и *по*. Зафиксированы также случаи замены предложного падежа винительным и неправильный выбор модели словоизменения. Выявленные аномалии лишь частично подтверждают результаты других исследований в области особенностей употребления предложно-падежных сочетаний в письменной речи, что говорит о чувствительности русского эритажного языка к языковому окружению, качеству языкового контакта. Установленные различия свидетельствуют о том, что фактор доминантного языка обязательно должен учитываться в анализе эмпирического материала.

Ключевые слова: эритажный русский язык, французский язык, ошибки, предложный падеж, конструкция, билингвизм.

Для цитирования: Богоявленская Ю.В., Пайкин К. Комплекс «предлог + форма предложного падежа» в речи носителей эритажного русского языка с доминирующим французским языком // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 84–96. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-84-96>

COMPLEX "PREPOSITION + FORM OF PREPOSITIONAL CASE" IN THE SPEECH OF SPEAKERS OF THE HERITAGE RUSSIAN LANGUAGE WITH THE DOMINANT FRENCH

Yulia V. Bogoyavlenskaya¹, Katya Paikin²

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, jvbog@yandex.ru

² University of Lille, Lille, France, katia.paykin@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of anomalies in the use of the "preposition + prepositional case" complex in the speech of speakers of the heritage Russian language with the dominant French. Heritage language is the language of unbalanced bilinguals of the second generation of emigration, which differs in a number of stable features from the speech of other regional varieties of the Russian language. The contexts extracted from the "Russian Learner Corpus" were used as the research material. The analysis shows that heritage speakers don't tend to omit prepositions and ignore case marking. Two groups of errors are revealed. The first group, which includes errors in the endings of the prepositional case, is associated with an incorrect perception of the phonological structure of the word. Without a well-formed spelling skill, speakers construct non-existent variants of inflections due to the unstressed position of the final vowel in words with a j-stem, they confuse *-u* and *-e*. Difficulties in conveying the softness of the final consonant stem are explained by the absence of the opposition hardness - softness in French. The second group of errors are morphosyntactic errors. Anomalies are revealed in the complexes "*в / на* + the prepositional case form", in the use of prepositions *в* and *на*. There are also cases of replacing the prepositional case with the accusative and the wrong choice of the inflection model. The revealed anomalies only partially confirm the results of other studies in the field of the peculiarities of the use of prepositional-case combinations in written speech, which indicates the sensitivity of the Russian heritage language to the language environment, the quality of language contact. The established differences indicate that the factor of dominant language must be taken into account in the analysis of empirical material.

Keywords: heritage Russian, French, errors, prepositional case, construction, bilingualism.

For citation: Bogoyavlenskaya Yu.V., Paikin K. Complex "preposition + form of prepositional case" in the speech of speakers of the heritage russian language with the dominant french // Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;7:84-96. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-7-84-96>

Введение

Эритажная лингвистика как самостоятельное научное направление возникло сравнительно недавно, во второй половине XX века в США. Ее объектом является речь нестандартных говорящих (несбалансированных билингвов, второго поколения эмигрантов) как отдельный вариант языка. Эритажный язык обладает особым статусом: он одновременно родной и иностранный [Рахилина 2014; Выренкова, Полинская, Рахилина 2014]. Он отличается рядом устойчивых черт от речи других региональных разновидностей русского языка [Гловинская 2004; Вепрева, Михайлова 2014]. Установлено, в частности, что в русском эритажном языке происходят изменения в категориях рода, числа, падежа [Выренкова, Полинская, Рахилина, 2014; Ненонен 2014; Богоявленская 2022]. В области глагольной морфологии отмечается тенденция к ослаблению видовых ограничений, постепенная утрата сослагательного наклонения и рефлексивных глаголов [Polinsky, Kagan 2007]. Исследуются вопросы интерференции [Benazzo, Paikin 2017], а также сокращение словарного запаса под влиянием доминантного языка. На данный момент существует уже немало исследований унаследованного языка, но «ответ на вопрос, в чем именно заключается его своеобразие с лингвистической точки зрения, пока не получен» [Выренкова, Полинская, Рахилина, 2014: 7]. Довольно подробно изучены особенности речи носителей русского эритажного языка (далее ЭРЯ) с доминантными английским [Polinsky 2006; Марушкина, Рахилина 2014; Смолковская 2015; Крабис, Драгой 2017], финским [Мустайоки 1992; Ненонен 2014; Власова 2020], испанским [Войку, Маньяс 2018] языками. При этом другие языки крайне редко попадают в фокус внимания лингвистов (см., например, многочисленные работы, выполненные на материале речи шведско-русских [Доброва, Рингблом 2019; Рингблом 2021], израильско-русских [Meir, Avramenko, Verkhovtceva 2021], немецко-русских [Brehmer 2021], французско-русских билингвов [Бойкова 2020; Bailleul 2017]). Данная статья призвана частично восполнить недостаток исследований речи носителей ЭРЯ с доминантным французским языком.

Известно, что речевые ошибки происходят в тех областях языковой системы, где она сложно устроена и требуется быстрое применение сразу нескольких правил или развитая языковая интуиция. Русский предложный падеж относится к одной из таких областей: его использование в речи требует хорошо сформированного орфографического навыка, знания семантических и синтаксических правил употребления.

Материал и методы исследования

Эмпирическим материалом исследования стали контексты, извлеченные из «Русского учебного корпуса» (далее РУК). Корпус создан по Программе Президиума РАН «Корпусная лингвистика» как часть Национального корпуса русского языка в рамках сотрудничества с National Heritage Language Resource (UCLA) и Center Language Science Lab Гарвардского университета (под руководством М. Полински) и с исследовательской группой Направления фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета НИУ ВШЭ под руководством Е.В. Рахилиной. В корпусе содержатся образцы устной и письменной речи двух категорий нестандартных говорящих на русском языке: изучающих русский язык как иностранный и эритажных говорящих. Корпус содержит тексты нестандартных носителей русского языка с 52 доминантными языками: английским, армянским, вьетнамским, китайским, корейским, немецким, французским, чешским, эстонским и др. Каждый текст в корпусе снабжен метаданными об авторе высказывания (пол и возраст, его уровень владения русским языком автора), год создания текста, жанр. В нашу выборку попали письменные тексты носителей ЭРЯ с доминантным французским языком (устные тексты данной категории в РУК отсутствуют), знающих русский язык не ниже уровня В2.

Отобранные в подкорпусе эритажного русского языка примеры вводились в базу данных Информационной системы экспертного анализа «Лингвистика» (разработчики: Ю.В. Богоявленская, С.А. Александров). Характеристики системы и этапы анализа описаны в [Богоявленская 2022: 52–63]). Далее были отфильтрованы фрагменты текстов, в которых фиксировались аномалии в комплексе «предлог + форма предложного падежа», и произведен их анализ.

Предложный падеж в русском языке: синтаксис и семантика

Прежде всего, вкратце опишем морфологические факты, изложенные в грамматиках и специальных исследованиях (см., например [Плотникова 1980; Якобсон 1958; Плунгян 2002; Плунгян 2021; Кустова 2016]). Русский предложный падеж восходит к индоевропейскому местному падежу (локативу). Форма этого падежа возможна только у имен существительных, синтаксически зависящих от четырех предлогов: *в[о]*, *на*, *о* / *об[о]* и *при*. Первые три предлога могут управлять не только предложным, но и винительным падежом, предлог *при* управляет только предложным падежом.

Предлог *о*. Предложный падеж с предлогом *-о* обслуживает преимущественно конструкции с прототипическим значением коммуникации или интеллектуальной деятельности: *рассказывать / мечтать / писать о столе / о камне*, в то время как управляет винительный падеж используется в конструкциях с прототипическим значением динамического контакта: *споткнуться / удариться о[б] стол / угол / камень*.

Предлоги *в* и *на*. Ситуация с этими предлогами выглядит сложнее. Предложный падеж употребляется в контекстах со значением местонахождения (*сидеть в кресле / на стуле*), а винительный падеж требуется в пространственных контекстах со значением направления (*забраться в пещеру / на чердак*). При этом оба падежа возможны при этих предлогах и в непространственных контекстах. Падежные распространители с пространственными предлогами могут присоединяться на основе валентности (у слов с семантическим компонентом ‘место’, ср. *спрятать в тайнике*), а могут быть свободно присоединяемыми распространителями (*разговаривать в коридоре*). Место может пониматься как пространство, учреждение, сфера деятельности, ср.: *отдых в Крыму; учиться в школе; положение в обществе; новичок в спорте; успехи в учебе*. Пространственная конструкция, в зависимости от семантики существительного, может обозначать нахождение в определенной ситуации, положении, пребывание в состоянии: *в бою, в плену, в гостях, на охоте, на занятиях, в темноте, на ветру, в отчаянии, в слезах, в шоке* и т.д. [Кустова 2016]. Выбор падежа в конструкциях с предлогами *в* и *на* с временным значением представляет особую проблему (см. более подробно [Nesset]).

В грамматических исследованиях отмечается противопоставление основного предложного (изъяснительного) и второго предложного (местного, локативного падежа или особой локативной форме предложного падежа). Местный падеж (локатив) происходит от локатива исчезнувшего в русском языке IV склонения. Показатели локатива употребляются в пространственных конструкциях местонахождения с предлогами *в* и *на*, а основного предложного – в остальных случаях, в том числе с пространственными конструкциями, содержащими другие предлоги. Особые формы локатива имеет очень ограниченная группа русских неодушевленных существительных единственного числа: существительные женского рода III склонения и ста двадцати существительных мужского рода II склонения с основой на морфонологически твердый согласный или *-j* (*в аэропорту, на углу, на берегу, в шкафу* и т.д.). Ввиду сокращения количества этих лексем на протяжении двух последних веков В.А. Плунгян предлагает относить их к периферии падежной системы и вводит понятие «экстрапарадигматического» падежа [Плунгян 2021]. Подробно семантические классы существительных, у которых возможна локативная форма описаны в [Плунгян 2002].

В предложном падеже имена могут оканчиваться на *-е, -и* или *-у (-ю)*. Причем в локативе односложные слова женского рода принимают ударение на последний слог (ср. разбирается *в крѳви* [Предл₁] vs. *испачкан в крѳвѳ* [Предл₂]), а у слов мужского рода имеется окончание *-ѳ* (ср. *заинтересован в шкѳфе* [Предл₁] vs. *хранится в шкѳфѳ* [Предл₂]) [Плунгян 2002]. В многосложных существительных ударение падает на другие слоги. Последние замечания для нас также важны, поскольку, как увидим далее, *-е*, оказавшись в безударной позиции, создает проблему выбора и провоцирует ряд ошибок.

Это краткое описание показывает сложность и неоднозначность предложного падежа, которую он может составлять для носителей нестандартного русского языка. Не случайно в нашем материале ошибки в его употреблении составляют примерно четверть от всех ошибок, совершенных в области падежного словоизменения. Особую трудность он составляет для носителей ЭРЯ с доминантным французским языком, в котором категория падежа является стертой: падежные окончания отсутствуют, а их функцию берут на себя предлоги и порядок слов.

Комплекс «предлог + форма предложного падежа» в письменной речи носителей эритажного русского языка

Исследователи речи эритажных говорящих утверждают, что последние значительно реже калькируют конструкции из доминантного языка, чем те, кто изучает язык как иностранный [Марушкина, Рахилина 2013: 632]¹. Этот вывод находит подтверждение и в нашей работе. В большинстве контекстов, имеющих в нашем распоряжении, ошибки допущены не по причине лексического или грамматического калькирования, а по причинам, имеющим иную природу.

Сразу же отметим, что русские «эритажники» с доминантным французским языком демонстрируют высокую чувствительность к предлогам. В нашем материале имеется лишь один пример потери предлога *о* (1):

(1) *После одной встрече Российский президент предложил начать переговоры свободной торговле – их первое тцел развевать экономическое партнѳрство.*

И в русском, и во французском языке для передачи значения ввода темы требуется отдельная языковая единица (ср. франц. *nѳgociations sur le / de libre-ѳchange*, рус. *переговоры о свободной торговле*), но говорящий ее опускает. Заметим, что приведенный пример можно трактовать двояко, поскольку в данной ситуации во французском языке допустимо употребление двух предлогов: *sur* и *de*. Если говорящий ориентировался на первый вариант (*sur*), то перед нами «не-калька». Если же он оперировал предлогом *de*, то приведенный пример может рассматриваться как эквивалент генетивной конструкции, которая не всегда требует предлога в русском языке. В этом случае говорящий применил стратегию калькирования.

¹ В работах отмечается не только существенное отличие письменной речи «эритажников» от студентов РКИ, но и близость к письму детей [Цейтлин 2011; Ненонен 2014; Марушкина, Рахилина 2015].

Также важно, что практически отсутствуют случаи игнорирования падежного окончания, что говорит о том, что носители ЭРЯ с доминантным французским прекрасно осознают необходимость падежного маркирования, не склонны его десемантизировать. Подобное наблюдение делается и в работе, рассматривающей это явление в письменной речи русско-американских билингвов [Марушкина, Рахилина 2013: 633]. Однако такое речевое поведение не универсально. В частности, Р.И. Хашимов констатирует утрату управления в предложных группах и использование формы именительного падежа при предлоге у таджикско-русских билингвов (ср. пример *принял решение о субботник*) [Хашимов 2018: 252-253].

В нашей коллекции имеется всего два примера (2)-(3), заслуживающих обсуждения, поскольку причина аномалии может быть истолкована по-разному:

(2) *Так как я сама была записана в специализированную школу по английскому языку с первого класса, я могу дать свое мнение о решении родителей в записи своих детей в такие школы.*

(3) *Но при это были сильно ограничены прав и свободы.*

В (2), возможно, ошибка была вызвана не столько отказом говорящего склонять существительное, сколько совпадением этой флексии у существительного среднего рода в форме именительного падежа (*решение*) и частотным *-е* в предложном падеже значительного числа существительных всех трех родов (*о столе, о школе, о небе*). В (3) речевой сбой заключается в опущении конечной *-м* в комплексе «*при + форма предложного падежа*» с уступительным значением. Аномалия может быть вызвана как потерей синтаксического контроля, выразившегося в описке, так и свидетельствовать о специфической морфосинтаксической тенденции. Однако, принимая во внимание уровень владения языком говорящего (С2), мы тяготеем к первой интерпретации аномалии.

Таким образом, подобные ошибки, выражающиеся в нейтрализации падежных окончаний в комплексе «*предлог + форма предложного падежа*», не типичны для носителей ЭРЯ с доминантным французским языком, что расходится с выводом М.С. Полинской об общей утрате словоизменения внутри предложных групп и тенденции к аналитизму в речи носителей ЭРЯ с доминантным английским языком [Polynsky 2018: 178-180].

Орфографические ошибки фонологической природы. Основная часть аномалий связана с некорректным оформлением окончаний предложного падежа. Ошибки подобного типа можно связать с неверным восприятием фонологической структуры слова. Эритажные говорящие, усваивающие слова преимущественно на слух, не всегда имеют возможность закреплять их на письме, что влияет на снижение дифференциации падежных окончаний. О. Ненонен объясняет этот феномен фонологической незрелостью: «неправильная идентификация фонем приводит к неверному отображению слов на письме» [Ненонен 2014: 267].

Исследовательский вопрос состоит в том, чтобы выяснить, какие решения принимают говорящие для передачи флексий предложного падежа на письме и чем они объясняются. В рамках предложного падежа выбор окончаний невелик (*-е, -у (-ю)* или *-и*), причем, как было сказано выше, есть прочная закреплённость окончания с родом существительного и типом окончания: *-и* только с существительными женского рода III склонения и существительными на *-ия* I склонения, а также среднего рода на *-ие* и мужского рода на *-ий*, относящихся ко II склонению; *-у (-ю)* – только с небольшим количеством существительных мужского рода. В остальных случаях используется окончание *-е*. Обращение к Основному корпусу «Национального корпуса русского языка» показало, что наиболее частотным окончанием предложного падежа является *-е* (ок. 9 млн словоупотреблений), несколько менее частотно *-и* (ок. 7,6 млн), значительно реже встречается *-у* (ок. 680 тыс.) и *-ю* (ок. 44 тыс.).

В имеющейся выборке из «Русского учебного корпуса» примеров на *-у (-ю)* обнаружено не было, но выяснилось, что оппозиция *-е / -и* представляет собой проблему, которая решается носителями ЭРЯ порой нетривиально. Проиллюстрируем на конкретных примерах.

Так, в (4) игнорируются особенности склонения существительных на *-ия* (*история* и *Франция*) – говорящий обобщает правило и использует более частотное окончание *-е* (см. здесь же *литературе, экономике*):

(4) *Разница между французского факультета и русского в том, что разные требования: - во Франциие нужно хорошо разбираться в историе, литературе, экономике и в иностранных языках, по сравнению с Россией где знание Русского, Английского языка и литературы достаточны.*

Топоним *Франция*, который говорящие с доминантным французским языком очень часто употребляют в речи, вызывает, тем не менее, сложности при склонении. Здесь наблюдается разброс вариантов флексий, обусловленных безударной позицией конечного гласного в словах с *j*-основой. Говорящие пытаются как бы «нащупать» нужное окончание при помощи самостоятельно сконструированных комбинаций гласных, отсутствующих в парадигме склонения существительных на *-ия*: **-иие* (4), **-ие* (5)-(6), **-ий* (7).

(5) *Во Францие это обучение длится от 2-х до 3-х лет.*

(6) *То что не нравится во Францие, это низкий доход и экономическая ситуация страны.*

(7) *Мы живем во франций.*

Опора на звуковую форму слова приводит и к замене на письме заударной *-е* на *-и* в существительных мужского и женского родов I и II склонений (8)-(9). Такие примеры немногочисленны, но также иллюстрируют влияние фонологической незрелости на выбор окончания:

(8) *Например чтобы утвердить мнени автора я прадалжу в той же теми со словом «ноч».*

(9) *Всегда есть, где можно погулять покататься на велики прогуляться с собакой, заиметь зверей.*

В (8) эритажный говорящий намерен построить конструкцию **продолжить в той же теме*, маргинальную для русского языка, и совершает ошибку в выборе падежа: вместо винительного с предлогом *на* (*я продолжу говорить на ту же тему*) использует предложный с предлогом *в*, возможно, рассматривая эту конструкцию как аналогичную устойчивому выражению *продолжить в том же духе*. В (9) в сочетании с глаголом передвижения предложный падеж указывает на средство передвижения, что верно идентифицируется говорящим, но недостаточно сформированный орфографический навык приводит к употреблению *-и* вместо *-е*.

Даже ударная позиция финального гласного может представлять трудность для ее передачи на письме. Проблема связана с гласными, указывающими на мягкость предшествующих согласных. В (9) говорящий предпочитает ее обозначить дополнительно при помощи мягкого знака (**частьях* вместо *частях*), а в (10), полагаем, вполне осмысленно, показывает смягчение при помощи *-и* (**семи* вместо *семьи*), входящей в состав гласных, обладающих этим свойством, и, как следствие, опускает, как ему представляется, уже ненужный мягкий знак:

(10) *В некоторых частьях, я согласен с автором этой статьи, потому что для русских – утро, день, вечер и ночь – звучат логично но для межкультурной коммуникации или просто иностранцам это звучит странно, но в русском языке можно быть больше точней на пример на вопрос сколько сейчас время можно сказать что сейчас вторая половина дня или утра.*

(11) *В семи славянский три подгруппы.*

На наш взгляд, подобные ошибки являются следствием влияния доминирующего французского языка, в котором отсутствует оппозиция по твердости – мягкости согласных, нет специального буквенного символа, используемого для смягчения. Более того, ударение всегда падает на последний слог ритмической группы, конечная гласная произносится четко, не подвергается редукции. Именно поэтому, на наш взгляд, для носителей ЭРЯ безударная

финальная позиция гласного и употребление мягкого знака представляют особую сложность и в случае неуверенного владения письменным языком приводят к «изобретению» окончаний или их заимствованию из других падежных парадигм.

Заметим, что случаи выхода из набора вариантов окончаний предложного падежа крайне редки, и трактовать их можно по-разному. В (11), например, причиной ошибки могла стать простая описка, потеря конечного *-х*, что часто наблюдается в текстах носителей ЭРЯ. В пользу другой версии – замены окончания предложного падежа множественного числа *-ах* на окончание родительного падежа единственного числа *-а* – говорит причастие *касающееся*, использованное именно в единственном числе, но в форме среднего рода. При такой трактовке допущена тройная ошибка: на число, род и падеж (ср. о *планах на будущее, касающихся* [...]).

(12) *Не лишним окажется повествование о плана на будущее, касающиеся профессиональной деятельности.*

Другую сложность, провоцирующую ошибки, составляет выделение основы, к которой следует добавлять падежную флексию, особенно если она оканчивается на гласную. В (12) утеряна буква *и*, что, возможно, связано с особенностью фонетики французского языка, для которой комбинация двух произносимых гласных, особенно на стыке морфем, нетипична:

(13) *Из-за того, что стоимость жизни слишком высокая, некоторые люди, которые живут в больших городах, в плохих жилищных условиях.*

Морфосинтаксические нарушения. Вторая группа ошибок связана с употреблением предлогов *в*, *на* и *по*, с недостаточным учетом семантики предложно-падежных сочетаний и особенностями их употребления. Следует отметить, что русские предложно-падежные конструкции рассматриваются как один из нестабильных сегментов в речи носителей ЭРЯ (см. [Мустайоки 1992, Никунласси, Протасова 2014, Марушкина, Рахилина 2015; Власова 2020]).

В целом, выделяется две подгруппы аномалий:

- 1) в комплексах «*в* / *на* + форма предложного падежа»;
- 2) смешение комплекса «*в* + форма предложного падежа» и наречия с *по*-.

Аномалии в употреблении предлогов *в* и *на* с предложным падежом. Рассмотрим причины подобных ошибок. В (14) неверное употребление предлога связано с недопониманием особенностей его употребления. Лексема *рука* относится к двум семантическим классам: вместилища и объект. В первом случае в локативе она должна употребляться с предлогом *в*, во втором – *на*. Контекст указывает на игнорирование семантических правил языка, которое приводит к неправильному выбору предлога:

(14) *Если например, мы рассматриваем туристов, которые просто путешествуют с переводчиком на руках, то я не думаю, что ему эти различия особо мешают в понимании и узнавании мужской культуры коммуникации.*

Замена предложного падежа винительным. В нашем материале фиксируются аномалии, касающиеся экспансии винительного падежа в область предложного. В русском языке оформление пространственных отношений преследует следующую стратегию: «направление в сторону ориентира и местонахождение выражаются предложными группами с одним и тем же предлогом (*в*, *на*, *под*, *за*), но разными падежными формами (винительным vs. предложным или творительным падежом), ср.: *идти в школу* (направление), *но учиться в школе* (местонахождение), *упасть под забор* (направление), *но спать под забором* (местонахождение). В таких сочетаниях предлог отвечает за выражение конкретной локализации, а падеж – собственно за выражение семантической роли соответствующего локативного участника – Цели движения vs. Места» [Войекова 2011]. В примере (15) предлог *на* выбран верно, но не учтено, что данная пространственная конструкция имеет значение нахождения в определенной ситуации, а не цели движения:

(15) *Он встречался с многими известными людьми в Кубе с Каста, и с Эрнестом, на рыбалку, и с Александром Керенским беседа продолжалась три часа он взял интервью у президента США и познакомиться с Папой Римским.*

Выбор падежа в данном случае для французско-русского билингва не очевиден, поскольку во французском языке такой оппозиции не наблюдается: и цель движения, и место передаются преимущественно при помощи предлога *à*: ср. рус. *встретиться с к.-л. на рыбалке* – франц. *rencontrer qqn à la pêche*; рус. *пойти на рыбалку* – франц. *aller à la pêche*.

Заметим, что фиксируемое во многих работах употребление родительного падежа вместо предложного в речи американско-русских, финско-русских билингвов [Гловинская 2004, Власова 2020], а также в просторечии и региональных вариантах русского языка [Вепова, Михайлова 2014] в материале французско-русских носителей ЭРЯ в РУК отсутствует.

Неправильный выбор модели словоизменения. В примере (15) и предлог, и падеж определены корректно; сбой произошел из-за применения неправильной модели словоизменения, которой руководствуется говорящий: *-е* вместо *-и* для существительных женского рода III склонения, оканчивающихся на мягкий знак:

(16) *Волга является самой длинной рекой европейской части страны а Лена считается самой крупной рекой азиатской части страны, она течет в Сибири.*

Смещение комплекса «в + форма предложного падежа» и наречия с по-. Еще одна группа объединяет случаи экспансии наречий, строящихся по модели *по-+и*. Их аномальные трансформы используются в неподходящих контекстах. В (17) морфологически корректная форма предложного падежа *русском* сопровождается предлогом *по* вместо *в*, видимо, по аналогии с *по-русски*. В (18) наблюдается то же намерение использовать наречие *по-французски*, неприемлемое в данном контексте. Кроме того, в безударной позиции говорящий плохо дифференцирует окончания *-им* и *-ом*. Здесь ошибку можно квалифицировать как результат наложения модели образования наречия *по-+и* от прилагательных на *-ский / -цкий* и комплекс «в + форма предложного падежа слова со значением языка»:

(17) *Нет одного слово как и по русском оно может иметь разные значения.*

(18) *В моем родном языке то есть по французским, одно то же слово имеет разные значения и пишется по различ формам.*

Любопытно, что упоминая выше модель построения наречия и его употребление вызывает серьезные затруднения у эритажных говорящих. В корпусе мы обнаружили и другие многочисленные ошибочные построения (см., например (19)-(20)), всего один контекст содержал правильную форму. Такие аномалии часто встречаются у одних и тех же говорящих, что говорит о неустоявшемся навыке и поиске, все том же «нащупывании» нужной формы, о котором мы писали при анализе ошибок фонологической природы:

(19) *Мы всегда дома разговаривал по русский.*

(20) *Затем он спросил откуда я говорю по Русский когда поспорт у меня французский.*

В работе «Грамматика ошибок и грамматика конструкций» рассматривается подобная проблема у «эритажников» с доминантным английским. Авторы приводят «изысканные» примеры, иллюстрирующие игнорирование морфологического правила образования этой формы и лексико-синтаксических правил ее употребления в контексте: *Читаю и пишу в по-русски трудна. Я учу по-русский язык* [Выренкова, Полинская, Рахилина 2014: 6].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что ошибки в комплексе «предлог + форма предложного падежа», допущенные носителями ЭРЯ с доминантным французским языком, могут иметь как фонологическую природу, так и представлять собой морфосинтаксические нарушения. Анализ показал, что данная категория билингвов не склонна опускать предлоги и игнорировать падежное маркирование.

Обнаруженные аномалии лишь частично подтверждают результаты других исследований в области особенностей употребления предложно-падежных сочетаний в письменной речи. В частности, не выявлено тенденции к утрате предложного падежа, его замене родительным или другими падежами (см., например статью о перестановке падежей у финско-русских билингвов [Власова 2020], говорящей о сокращении падежной системы), а также вывод о том, что эритажные говорящие склонны употреблять лишние предлоги (в три раза чаще, чем беспредложные конструкции) [Марушкина, Рахилина 2015]. Сделанные исследователями выводы могут быть частично справедливы для всех вариаций эритажных русских языков, частично – лишь для отдельных вариаций или же для отдельных сегментов грамматических систем. Выявленные факты говорят о том, что русский эритажный язык проявляет чувствительность к доминантному языковому окружению, качеству языкового контакта. Полагаем, что на выбранные стратегии может влиять и знание других языков. Таким образом, при анализе речевых аномалий требуются «тонкие настройки» как на особенности системы доминантного языка, так и, по возможности, на учет индивидуальных компетенций эритажного говорящего.

Список литературы

1. Богоявленская Ю.В. Этапы экспертного анализа в информационной системе «Лингвистика» (на материале исследования политических метафор) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 52–63.
2. Богоявленская Ю.В. Эритажный русский язык: морфологические ошибки в письменной речи нестандартных говорящих (на материале Русского учебного корпуса) // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2022. С. 3–58.
3. Бойкова С.Е. Описание картинок русско-французскими детьми-билингвами: лексико-грамматический анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 3 (83). С. 789–801.
4. Вепрева И., Михайлова О. Грамматические ошибки в региональных СМИ // Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие. *Slavica Helsingiensia*. Т. 45. Helsinki: Helsinki University Press, 2014. С. 21–34.
5. Власова Е.А. Изменения в предложно-падежном управлении при финско-русском двуязычии: корпусный анализ // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 2. № 16. С. 366–396.
6. Войскова М.Д. Винительный падеж [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. 2011. URL: http://rusgram.ru/Винительный_падеж (дата обращения: 27.08.2022)
7. Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «Эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 4–19.
8. Гловинская М.Я. Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции // Русский человек в иноязычном окружении. *Slavica Helsingiensia*. Т. 24. Helsinki: Helsinki University Press, 2004. С. 13–20.
9. Доброва Г.Р., Рингблом Н. О некоторых особенностях освоения глагольного вида русско-шведскими детьми-билингвами: к вопросу о специфике «эритажного» языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 367–387.
10. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 373 с.
11. Крабис А.В., Драгой О.В. Понимание пространственных конструкций русско-американскими билингвами // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: Материалы конференции, Москва, 15 июня 2017 года. М: КТ «Буки-Веди», Институт практической психологии и психоанализа, 2017. С. 185–189.
12. Кустова Г.И. Предложный падеж [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. 2016. URL: http://rusgram.ru/Предложный_падеж (дата обращения: 30.08.2022)
13. Марушкина А.С., Рахилина Е.В. Корпусные исследования особенностей речи нестандартных говорящих («херитажный» русский) // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2015. № 1. С. 625–642.

14. Мустайоки А. Наши ошибки. Классификация ошибок в речи студентов русского языка Хельсинкского университета // *Helsingin yliopiston Slaavilaisten kielten laitoksen raportteja*. Vol. 15. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1992.
15. Никунласси А., Протасова Е. О важности ошибок для исследования многоязычия. *Slavica Helsingiensia*. Т. 45. Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие. Helsinki: Helsinki University Press. 2014. С. 5–13.
16. Плотникова В.А. Склонение имен существительных // *Русская грамматика*. Том I. 1980. М.: Наука. С. 483–507.
17. Плунгян В. А. К семантике русского локатива ("второго предложного" падежа) // *Семиотика и информатика*. 2002. Вып. 37. С. 229–254.
18. Плунгян В.А. Геометрия русской морфологии: о традиционных и нетрадиционных таблицах склонения // *Зборник Матице Српске за славистику*. Т. 100. 2021. С. 187–203.
19. Рахилина Е. В., Марушкина А. С. Ошибки в речи херитажных говорящих (на материале текстов русских эмигрантов в США) // *Проблемы онтолингвистики – 2013*. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26-28 июня 2013 г. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 435–440.
20. Рахилина Е.В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // *Русский язык за рубежом*. 1026, 3. С. 20-25.
21. Рингблом Н. И собачка... jagade bort кошку: о некоторых особенностях нарративов двуязычных детей в Швеции // *Современное дошкольное образование*. 2021. № 5 (107). С. 38–47.
22. Смоловская Е.А. Ошибки нестандартных говорящих: некоторые особенности русской речи иностранцев с доминирующим английским. СПб.: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ». 2015. С. 242–246.
23. Хашимов Р.И. Двуязычие и интерференция: сущность, типология и функционирование. М.: Флинта; Наука, 2018. 318 с.
24. Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. Сб. статей / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянской культуры, 2011. 320 с.
25. Якобсон Р.О. 1958. Морфологические наблюдения над славянским склонением // *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985. С. 176–197.
26. Bailleul O. Aspects psycholinguistiques du développement du bilinguisme précoce: une étude de cas d'un enfant bilingue français-russe de 2 à 4 ans. Thèse de doctorat. Université de Rouen Normandie. 2017. 647 p.
27. Benazzo S., Paikin K. Additive relations in L2 French: contrasting acquisitional trends of Italian and Russian learners // *Focus on Additivity. Adverbial modifiers in Romance, Germanic and Slavic languages*, 2017. P. 265-309.
28. Brehmer B. Maintenance of Russian as a heritage language in Germany: A longitudinal approach // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. No 4. P. 855–885.
29. Meir N., Avramenko M., Verkhovtceva T. Israeli Russian: Case morphology in a bilingual context // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. No 4. P. 886–907.
30. Nessel T. 2004. Case assignment and image schemas: Russian temporal adverbials (Studies in Language, 28). *Cognitive Linguistics Bibliography (CogBib)*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.degruyter.com/database/COGBIB/entry/cogbib.8867/html> (дата обращения: 29.08.2022).
31. Polinsky M. Incomplete acquisition: American Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. N. 14 (2). 2006. P. 191–262.
32. Polinsky M., Kagan O. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom // *Language and Linguistic Compass* 1, 5, 2007. P. 368–395.
33. Polinsky M. *Heritage Languages and Their Speakers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 430 p.

Список источников

1. РУК (Русский учебный корпус). [Электронный ресурс] URL: <http://web-corpora.net/RLC> (дата обращения 22.08.2022)
2. НКРЯ (Национальный корпус русского языка). [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html> (дата обращения 22.08.2022)

References

1. Bogoyavlenskaya Yu.V. Etapy ekspertnogo analiza v informatsionnoi sisteme «Lingvistika» (na materiale issledovaniya politicheskikh metafor) [Stages of expert analysis in the information system "Linguistics" (based on the study of political metaphors)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022, no. 7 (465), pp. 52-63. (In Russ.).
2. Bogoyavlenskaya Yu.V. Eritazhnyi russkii yazyk: morfologicheskie oshibki v pis'mennoi rechi nestandartnykh govoryashchikh (na materiale Russkogo uchebnogo korpusa) [Heritage Russian: Morphological Mistakes in Written Speech of Non-Standard Speakers (Based on the Material of the Russian Academic Corps)]. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: diskursivnye praktiki*. Perm', ANO DPO «Permskii institut ekonomiki i finansov», 2022, pp. 3-58. (In Russ.).
3. Boikova S.E. Opisanie kartinok russko-frantsuzskimi det'mi-bilingvami: leksiko-grammaticheskii analiz [Description of pictures by Russian-French bilingual children: lexical and grammatical analysis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020, no. 3 (83), pp. 789-801. (In Russ.).
4. Vepreva I., Mikhailova O. Grammaticheskie oshibki v regional'nykh SMI [Grammar errors in regional media]. *Instrumentarii rusistiki: oshibki i mnogoyazychie. Slavica Helsingiensia*. Helsinki, Helsinki University Press, vol. 45, 2014, pp. 21-34. (In Russ.).
5. Vlasova E.A. Izmeneniya v predlozhno-padezhnom upravlenii pri finsko-russkom dvuyazychii: korpusnyi analiz [Changes in Prepositional Case Management in Finnish-Russian Bilingualism: Corpus Analysis]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2020, vol. 2, no. 16, pp. 366-396. (In Russ.).
6. Voiekova M.D. Vinitel'nyi padezh [Accusative]. *Russkaya korpusnaya grammatika*. 2011. (In Russ.). Available at: http://rusgram.ru/Vinitel'nyi_padezh (accessed: 27.08.2022)
7. Vyrenkova A.S., Polinskaya M.S., Rakhilina E.V. Grammatika oshibok i grammatika konstruktсии: «Eritazhnyi» («unasledovannyi») russkii yazyk [Grammar of errors and grammar of constructions: "Heritage" ("inherited") Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2014, no. 3, pp. 4-19. (In Russ.).
8. Glovinskaya M.Ya. Obshchie tipy izmenenii v yazyke pervogo pokoleniya emigratsii [General types of changes in the language of the first generation of emigration]. *Russkii chelovek v inoyazychnom okruzenii. Slavica Helsingiensia*. Helsinki, Helsinki University Press, vol. 24, 2004, pp. 13-20. (In Russ.).
9. Dobrova G.R., Ringblom N. O nekotorykh osobennostyakh osvoeniya glagol'nogo vida russko-shvedskimi det'mi-bilingvami: k voprosu o spetsifike «eritazhnogo» yazyka [On some features of the development of the verb form by Russian-Swedish bilingual children: on the issue of the specifics of the "heritage" language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2019, vol. 3, no. 15, pp. 367-387. (In Russ.).
10. Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian nominal inflection]. Moscow, Nauka, 1967, 373 p. (In Russ.).
11. Krabis A.V., Dragoi O.V. Ponimanie prostranstvennykh konstruktсии russko-amerikanskimi bilingvami [Understanding Spatial Constructions by Russian-American Bilinguals]. *Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya: Materialy konferentsii*. Moscow, KT «Buki-Vedi», Institut prakticheskoi psikhologii i psichoanaliza, 2017, pp. 185-189. (In Russ.).
12. Kustova G.I. Predlozhnyi padezh [Prepositional]. *Russkaya korpusnaya grammatika*. 2016. (In Russ.). Available at: http://rusgram.ru/Predlozhnyi_padezh (accessed: 30.08.2022)
13. Marushkina A.S., Rakhilina E.V. Korpusnye issledovaniya osobennostei rechi nestandartnykh govoryashchikh («kheritazhnyi») russkii) [Corpus studies of speech features of non-standard speakers ("heritage" Russian)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2015, no. 1, pp. 625-642. (In Russ.).
14. Mustaioki A. Nashi oshibki. Klassifikatsiya oshibok v rechi studentov russkogo yazyka Khel'sinskogo universiteta [Our mistakes. Classification of errors in the speech of students of the Russian language of the University of Helsinki]. *Helsingin yliopiston Slaavilaisten kielten laitoksen raportteja*. Helsinki, Helsingin yliopisto, vol. 15, 1992. (In Russ.).
15. Nikunlassi A., Protasova E. O vazhnosti oshibok dlya issledovaniya mnogoyazychiya. Slavica Helsingiensia [On the importance of mistakes for the study of multilingualism. Slavica Helsingiensia]. Helsinki, Helsinki University Press, vol. 45, 2014, pp. 5-13. (In Russ.).
16. Plotnikova V.A. Sklonenie imen sushchestvitel'nykh [Declension of nouns]. *Russkaya grammatika*. Moscow, Nauka, vol. I, 1980, pp. 483-507. (In Russ.).

17. Plungyan V. A. K semantike russkogo lokativa ("vtorogo predlozhnogo" padezha) [On the semantics of the Russian locative ("second prepositional" case)]. *Semiotika i informatika*. 2002, iss. 37, pp. 229-254. (In Russ.).
18. Plungyan V.A. Geometriya russkoi morfologii: o traditsionnykh i netraditsionnykh tablitsakh skloneniya [Geometry of Russian morphology: about traditional and non-traditional declension tables]. *Zbornik Matitse Srpske za slavistiku*. Vol. 100, 2021, pp. 187-203. (In Russ.).
19. Rakhilina E. V., Marushkina A. S. Oshibki v rechi kheritazhnykh govoryashchikh (na materiale tekstov russkikh emigrantov v SShA) [Errors in the speech of heritage speakers (based on the texts of Russian emigrants in the USA)]. *Problemy ontolingvistiki - 2013. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Saint Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 2013, pp. 435-440. (In Russ.).
20. Rakhilina E.V. O novykh instrumentakh opisaniya russkoi grammatiki: korpus oshibok [On New Tools for Describing Russian Grammar: Corpus of Errors]. *Russkii yazyk za rubezhom*. 1026, 3, pp. 20-25. (In Russ.).
21. Ringblom N. I sobachka.. jagade bort koshku: o nekotorykh osobennostyakh narrativov dvuyazychnykh detei v Shvetsii [And a dog... jagade bort a cat: some features of the narratives of bilingual children in Sweden]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie*. 2021, no. 5 (107), pp. 38-47. (In Russ.).
22. Smolovskaya E.A. Oshibki nestandartnykh govoryashchikh: nekotorye osobennosti russkoi rechi inostrantsev s dominiruyushchim angliiskim [Mistakes of non-standard speakers: some features of the Russian speech of foreigners with dominant English]. Saint Petersburg, Mezhdunarodnoe nekommercheskoe partnerstvo prepodavatelei russkogo yazyka i literatury «MAPRYaL», 2015, pp. 242-246. (In Russ.).
23. Khashimov R.I. Dvuyazychie i interferentsiya: sushchnost', tipologiya i funktsionirovanie [Bilingualism and interference: essence, typology and functioning]. Moscow, Flinta, Nauka, 2018, 318 p. (In Russ.).
24. Put' v yazyk. Odnoyazychie i dvuyazychie [Monolingualism and bilingualism]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2011, 320 p. (In Russ.).
25. Yakobson R.O. 1958. Morfologicheskie nablyudeniya nad slavyanskim skloneniem [1958. Morphological observations on the Slavic declension]. *Izbrannye raboty*. Moscow, Progress, 1985, pp. 176-197. (In Russ.).
26. Bailleul O. Aspects psycholinguistiques du développement du bilinguisme précoce: une étude de cas d'un enfant bilingue français-russe de 2 à 4 ans. Thèse de doctotat. Université de Rouen Normandie. 2017. 647 p.
27. Benazzo S., Paykin K. Additive relations in L2 French: contrasting acquisitional trends of Italian and Russian learners // Focus on Additivity. Adverbial modifiers in Romance, Germanic and Slavic languages, 2017. P. 265-309.
28. Brehmer B. Maintenance of Russian as a heritage language in Germany: A longitudinal approach // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. No 4. P. 855–885.
29. Meir N., Avramenko M., Verkhovtceva T. Israeli Russian: Case morphology in a bilingual context // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. No 4. P. 886–907.
30. Nessel T. 2004. Case assignment and image schemas: Russian temporal adverbials (Studies in Language, 28). Cognitive Linguistics Bibliography (CogBib). [Электронный ресурс] URL: <https://www.degruyter.com/database/COGBIB/entry/cogbib.8867/html> (дата обращения: 29.08.2022).
31. Polinsky M. Incomplete acquisition: American Russian // Journal of Slavic Linguistics. N. 14 (2). 2006. P. 191–262.
32. Polinsky M., Kagan O. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom // Language and Linguistic Compass 1, 5, 2007. P. 368–395.
33. Polinsky M. Heritage Languages and Their Speakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 430 p.

List of sources

1. RUK (Russkii uchebnyi korpus). [RUK (Russian educational building)]. (In Russ.). Available at: <http://web-corpora.net/RLC> (accessed 22.08.2022)
2. NKRYa (Natsional'nyi korpus russkogo yazyka). [NKRYa (National Corpus of the Russian Language)]. (In Russ.). Available at: <http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html> (accessed 22.08.2022)

Информация об авторах

Ю.В. Богоявленская – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина;
К. Пайкин – доктор филологии, департамент лингвистических наук, Университет Лилля.

Information about the authors

Yu. V. Bogoyavlenskaya – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
K. Paykin – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Lille University.

Статья поступила в редакцию 22.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 04.10.2022.

The article was submitted 22.07.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 04.10.2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Голева Т.Г. ОБ ОБЫЧАЯХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЖИВОТНЫХ У КОМИ-ПЕРМЯКОВ В ПУБЛИКАЦИЯХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	7
Шилов В.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОМСОМОЛЬСКОЙ ЭЛИТЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВЕКОВОГО ЮБИЛЕЯ ВЛКСМ.....	25
ФИЛОЛОГИЯ	41
Арекеева Ю.Е. «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В КРУГЕ ОБЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ ЧЭНЬЮЙ)	41
Балакин С.В., Ващенко И.В. ОБ ИЗМЕНЕНИИ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ	51
Тюрина Д.С., Хорошева Н.В. СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА	60
Олешковская У.А., Шустова С.В. КАУЗАТИВНОСТЬ И ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	72
Богоявленская Ю.В., Пайкин К. КОМПЛЕКС «ПРЕДЛОГ + ФОРМА ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА» В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ЭРИТАЖНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ДОМИНИРУЮЩИМ ФРАНЦУЗСКИМ ЯЗЫКОМ.....	84

CONTENTS

HISTORY	7
Goleva T.G. ABOUT THE CUSTOMS OF ANIMAL SACRIFICE AMONG THE KOMI-PERMIANS IN PUBLICATIONS OF THE XIX – EARLY XX CENTURY	7
Shilov V.V. TRANSFORMATION OF THE KOMSOMOL ELITE: REFLECTIONS AFTER THE 100TH ANNIVERSARY OF THE VLKSM.....	25
PHILOLOGY	41
Arekeeva Yu.E. «FRIENDS» AND «FOES» IN A PERSON'S SOCIAL CIRCLE (BASED ON THE EXAMPLE OF CHINESE CHENGYU)	41
Balakin S.V., Vashchenko I.V. ABOUT THE CHANGE IN THE VERB SYSTEM OF ROMANCE LANGUAGES.....	51
Tyurina D.S., Khorosheva N.V. SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF SIMULTANEOUS TRANSLATION STRATEGIES	60
Oleshkovskaya U.A., Shustova S.V. CAUSATIVITY AND PERFORMATIVITY IN DIPLOMATIC DISCOURSE	72
Bogoyavlenskaya Yu.V., Paikin K. COMPLEX "PREPOSITION + FORM OF PREPOSITIONAL CASE" IN THE SPEECH OF SPEAKERS OF THE HERITAGE RUSSIAN LANGUAGE WITH THE DOMINANT FRENCH.....	84

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2022. № 7

Ответственный редактор выпуска
Шустова Светлана Викторовна

Ответственный секретарь выпуска
Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена
внештатным сотрудником
Л.Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 20.10.2022.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215–18–52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru